

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР

3

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НЦЮ СССР
* 1937 *

СОДЕРЖАНИЕ № 3

Стр.

А. В ы ш и н с к и й — Роль процессуально- го закона в социалистическом государ- стве рабочих и крестьян	1
Г. В о л и о в — О проекте нового Уголовно- го кодекса	11
А. Ш л я п о ч н и к о в — Приготовление и покушение на преступление в совет- ском уголовном праве	22
Н. А л е к с а н д р о в — Против антипар- тийных извращений в понимании кате- гории советского трудового права	25
М. Ч е л ь ц о в — Возбуждение уголовного преследования и процессуальное поло- жение следователя	28
Б о м а с — Борьба против родовых пере- житков в национальных республиках и областях С.СР	35
М. Ш и ф м а н — Весенний сев — в центр внимания	44
С. Б е р е з о в с к а я — Первые итоги рабо- ты Отдела по общему надзору	45
С. М и р о н о в — Задачи прокуратуры вод- ного транспорта в навигацию 1937 г.	48
Е. Д о м б р о в с к и й — Прокуратура и над- зор за исполнением судебных решений	50
С. М и т р и ч е в — О техническом снаряже- нии следователя	53
Г. М е л ь н и н о в и Б. Е р ш о в — К вопросу о переподготовке кадров	55
М. С т р о г о в и ч — Новое начинание	57
СКК — Вместо фельетона	58
Обмен опытом	61
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	83
По союзным республикам	91
Право — процесс — судеустрой- ство в капиталистических странах	93
Библиография	97
Письмо в редакцию	108
Официальный отдел	109
Сводка важнейших постанов- лений	111

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

МАРТ
1937 г.

3

Редакция:

Москва, Пушкинская, д. 15а.

А. ВЫШИНСКИЙ

Роль процессуального закона в социалистическом государстве рабочих и крестьян¹

Товарищи, мы приступаем к курсу уголовного процесса и на мою долю выпадает обязанность прочитать вводную лекцию к этому курсу.

В программе эта вводная лекция содержит себе два вопроса; в программе сказано: новая Сталинская Конституция СССР и вопросы уголовного процесса, роль процессуального закона в социалистическом государстве рабочих и крестьян.

Я и постараюсь свою вводную лекцию построить в рамках этих двух вопросов. Правда, эти рамки, очевидно, будут достаточно широкими, — потому что вопрос о нашем процессуальном законе, как и о процессуальном праве в целом, стоит, естественно, в органической связи с общим вопросом о советском праве.

С другой стороны, совершенно естественно, что общий вопрос о советском праве нельзя решать вне особенностей нашего времени, нашей эпохи.

И, в-третьих, наконец, совершенно естественно, что нельзя рассматривать и решать вопросы нашей эпохи, вопросы социалистического строительства в данное время и на данном этапе вне зависимости от всего предшествующего периода, от всей предыдущей истории борьбы за построение в нашей стране социалистического общества.

Новая Конституция, действительно, ставит перед нами вопросы суда и прокуратуры, советского закона и социалистического права. Новая Конституция поднимает работу наших органов суда и прокуратуры на исключительно большую высоту, на такую высоту, на какую до сих пор наша работа не стояла. Новая Конституция эту работу поднимает на громадную высоту общественно-политического значения. То, что суду и прокуратуре отведена в Конституции целая глава, вам всем известная глава IX, уже само по себе говорит

о том громадном принципиальном значении, которое Конституция придает судебным и прокурорским органам и нашей работе. Раз введена в Конституции особая глава, говорящая о суде и прокуратуре, то это дает право говорить о том, что суд и прокуратура занимают в системе советского государства особое место, такое место, которое не позволяет рассматривать суд и прокуратуру как один из обыкновенных органов государственного управления, хотя несомненно и суд и прокуратура являются органами государственного управления в широком смысле этого слова.

В самом деле, если вы обратитесь к Конституции Союза 1936 г., то вы увидите главу III, которая говорит о высших органах государственной власти Союза СССР и не упоминает о таких высших органах власти, каким является, скажем, Верховный суд Союза. Таким является Прокуратура Союза, пользующаяся всеми правами и несущая все обязанности наркомата.

Если вы обратитесь к главе IV, говорящей о высших органах власти союзных республик, то опять-таки вы и в этой главе не найдете никаких указаний на верховные суды союзных республик и на органы прокуратуры, действующие в союзных республиках, хотя нет никаких сомнений, что верховные суды и руководящие органы прокуратуры союзных республик имеют все основания претендовать на такую трактовку их природы в системе государственного управления, которая не ставила бы их в иное положение, чем наркомюсты союзных республик.

Обратитесь к V, VI, VII и VIII главам Конституции, то есть к тем главам, которые посвящены тем или другим звеньям нашей государственной системы, начиная от органов управления СССР и кончая местными органами государственной власти, вы и тут не найдете никакого намека на суд, на прокуратуру. Что это значит? Или они не являются органами государственного управления, и поэтому о них не говорится там; где говорится об ор-

¹ Вступительная лекция по курсу «Уголовный процесс СССР» в Правовой академии 28 февраля 1937 г.

ганах власти, об органах государственного управления, или они являются такими органами государственной власти и государственно-управления, которые не позволяют их смешивать с другими органами государственной власти.

Надо притти к заключению, что наш суд и наша прокуратура, являющиеся несомненно органами государственной власти в СССР и союзных республиках, являются органами государственной власти особого рода *sui generis*.

Не случайно Ленин говорил о суде не просто и не только как об органе управления, а больше и чаще как об органе привлечения бедноты к государственному управлению, подчеркивая тем самым своеобразие этих особенностей суда как органа управления. Через суд граждане привлекаются к управлению, но непосредственно не управляют, ибо суд непосредственно не управляет.

Ленин говорил, что судебная деятельность есть одна из функций государственного управления, что эта функция заключается в подавлении и воспитании к дисциплине.

Известно, что не все органы государственного управления обладают подобным рода функциями, как известно и то, что только суд обладает этой второй функцией принудительного воспитания к дисциплине. Ибо если можно говорить о том, что наряду с судом имеются другие органы, которые являются в прямом смысле этого слова органами государственного управления, осуществляющими функции подавления и воспитания, то уже можно прямо утверждать, что нет ни одного органа, кроме суда, который осуществляет вторую функцию — принудительного воспитания к дисциплине в специфических, только ему свойственных формах.

Что суд — орган государственного управления особого рода, это видно из того, что по новой Конституции судебные органы лишены всякого рода административных функций. Разрешая судебные вопросы, суд несомненно принимает участие в управлении государством, разрешая судебные вопросы, суд разрешает их в соответствии с задачами, которые стоят перед государством в целом. Осуществляя судебную политику, суд осуществляет общегосударственную политику, а не какую-то свою особую политику. И вот поэтому-то правильно говорить о суде как органе государственного управления. Но именно поэтому неправильно было бы представлять себе, что суд ничем не отличается от другого любого органа государственного управления, как это представляют себе некоторые товарищи. Точно так же неправильно представление о нашем суде как об органе расправы, неправильно сводить суд к расправе.

Суд, по Ленину, — орган пролетарского государства. Как орган пролетарского государства суд является органом пролетарской диктатуры. Суд как орган пролетарской диктатуры, как орган советского государства строится на началах, на основе тех же принципов, что и само советское государство, и иначе быть не может потому, что это есть орган государства, это есть орган, хотя и своеобразный, осуществления государственной власти.

Вот почему, когда мы говорим об органи-

зации судебной системы, о принципах организации судебной системы, мы не можем найти иных принципов, чем те принципы, на которых строится само данное государство. Иначе говоря, основа, на которой стоит судебная система, заключает в себе те же самые принципы, на которые опирается вся государственная система, все государство в целом.

Этим заключается единство суда и государства, судебной системы и всей государственной системы. Именно это единство обуславливает неизбежность внесения в формы деятельности, в структуру, в методы работы наших судебных органов всех тех изменений, которые являются неизбежными в результате исторического развития нашего советского государства. Окончательная победа социализма в СССР, приведшая нас к всеобщему, равному прямому и тайному избирательному праву, приведшая нас к X главе Конституции, говорящей об основных правах и обязанностях граждан, к Конституции, являющейся законным закреплением нового социалистического строя, — эта победа неизбежно вызывает необходимость внесения тех же самых особенностей, тех же самых элементов, начал, принципов и в построение нашей судебной системы и организации нашей судебной работы.

Известно, что одним из наиболее важных элементов новой Конституции, важнейшим, решающим, определяющим природу и лицо всей новой Сталинской Конституции, является то, что товарищ Сталин назвал последовательным и до конца выдержанным демократизмом. Особенностью Конституции является также то, что в новой Конституции принцип стабильности советского закона поднят на неизмеримую высоту и в силу этого представляется одним из принципов этой Конституции. Провозглашая принцип стабильности закона, Конституция обязывает нас строить свою деятельность в соответствии с требованиями закона так, чтобы закон был действительно стабильным, это значит — нерушим, непреклонен. Это не значит: неподвижен. Стабильность не есть застывшее состояние. Стабильность это значит — прочность и устойчивость. Прочность и устойчивость не исключают развития; наоборот, развитие может быть здоровым и плодотворным на основе прочности и стабильности.

Стабильность не значит неподвижность, отсутствие развития. Наоборот, развитие и том числе развитие нашей социалистической законности, социалистического права возможно лишь на основе твердых и устойчивых принципов такого права. А эти принципы права, как прекрасно разъяснил это в своем докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов товарищ Сталин, принципы социалистической законности и заключаются в новой Конституции.

Вы помните, что, разбирая поправки к проекту Конституции, товарищ Сталин остановился на вопросе о законодательной компетенции отдельных органов нашей системы и выскзался против дополнения ст. 40, говорящей о функциях Президиума Верховного Совета Союза ССР, заявив: «Надо, наконец, покончить с таким положением, когда законодательствует не один какой-либо орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов, а стабильность э-

конов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было».

Новая Конституция ставит перед нашей судебной системой требование укрепить эту стабильность, обеспечить эту стабильность закона. Поэтому я говорю — вопрос о стабильности закона представляется в условиях новой Конституции вопросом громадной принципиальной важности. И в силу этого и под этим углом зрения нам приходится сейчас пересматривать целый ряд положений, которые казались до сих пор если и не всем, если и не во всем, то кое в чем во всяком случае правильными.

Этот вопрос о стабильности законов, с одной стороны, о последовательности социалистического демократизма, который должен быть введен во всей стране и во всей работе, во всей системе работы органов суда и не только суда, но и органов прокуратуры, с другой, — эти два принципа определяют собой решение целого ряда в высокой степени важных и серьезных вопросов, которые играют громадную роль в деле правильной организации всей работы наших судебно-прокурорских органов, органов нашей советской юстиции.

Есть мнение (это мнение высказал, в частности, в своей книге «Ленин о суде» т. Крыленко), что суду дано право (это вы найдете на стр. 90 4-го издания этой книги) решать дела «без законов на основе революционного правосознания». Я не хочу, чтобы меня вы поняли так, что будто бы т. Крыленко против законов, что он предлагает вообще решать дела без законов, но он допускает, что суд может в известных случаях решать дела «без законов», на основании, как он дальше пишет, революционного правосознания.

Это положение неправильно. Почему оно неправильно? Оно неправильно раньше всего потому, что противопоставляет революционный закон революционному правосознанию. Оно представляет дело таким образом, что будто бы революционное правосознание и революционный закон — это два, исключающих друг друга, рычага судебной деятельности. Когда нет закона, суд может опереться на революционное правосознание; когда есть закон, суд, очевидно, может пользоваться только законом. Иначе нельзя, по-моему, понимать утверждение: «решать дела без законов, на основе правосознания».

Неправильно оно, следовательно, потому, что оно противопоставляет закон правосознанию. Между тем, совершенно ясно, что закон есть только форма, только один из способов выражения правосознания господствующего в данном обществе класса. Отрывать одно от другого, противопоставлять одно другому никак нельзя.

Это определение неправильно еще потому, что оно предоставляет широкий простор всякому усмотрению, произволу, который прикрывается ссылкой на правосознание и который способен только подорвать стабильность закона.

Социалистическое правосознание — это ключ к пониманию законов, к практическому применению этих законов, к пониманию общественно-политической обстановки, в которой совершено преступление, с одной стороны, и, с другой стороны, к пониманию того, какая должна быть дана оценка этого преступления.

Но, действительно, бывают случаи, когда суду предоставляется решать дела о преступлениях, прямо и точно не указанных в кодексе. Такие случаи мы знаем, такой принцип есть. Здесь идет речь об аналогии. Но это вовсе не значит, что можно решать дела «без законов, на основе правосознания». Но опять-таки, применение аналогии возможно лишь на базе законов. Конечно, никакой кодекс не может предусмотреть все возможные случаи жизни. Неизбежно поэтому в ряде «случаев» применять законы, наиболее близко подходящие к этим случаям, сходные, отвечающие признакам данного явления, не предусмотренного в кодексе. Но и тут обязательно исходить из действующего закона, решать дела «по закону», хотя и не предусматривающему данный случай, а по закону, наиболее близкому указанному в кодексе, но все же по закону, или, как говорит старое, дореволюционное право, по общему смыслу законов.

Поэтому надо сказать, что если формула «суд имеет право решать дела без законов, на основе революционного правосознания» когда не была в таком виде правильной, и, наоборот, была вредной и опасной, благодаря своей двусмысленности, то в настоящее время такая формула никак не может быть признана формулой, в какой-либо степени определяющей позицию ленинизма в вопросе о советском суде и социалистической законности.

Есть точка зрения, что аналогией приходится пользоваться именно тогда, когда нет закона, и что, следовательно, применять аналогию нужно и можно и естественно, и необходимо, и закономерно, и целесообразно тогда, когда нет закона. Это тоже неверно. Здесь смешивают разные понятия. Здесь смешивается вопрос о том, есть ли данный закон, относящийся к данному, конкретному явлению, или же вообще нет такого закона, который хотя бы в отдаленной степени имел какое-нибудь отношение к данному конкретному явлению, сейчас, в настоящих условиях рассматриваемому в качестве преступления. В действительности, аналогия не освобождает от необходимости применять закон, не дает права объявлять преступным то или другое деяние по собственному усмотрению суда или прокуроров, не дает права объявлять преступным то, что кажется преступным органу, ведущему расследование, — прокуратуре, или органу, разрешающему вопрос об ответственности, — суду, безотносительно к положительному, действующему праву. Наоборот, пользование аналогией возможно лишь на основе действующего законодательства, применительно к существующим законам, на строгой основе закона и, больше того, — закона, указанного в Уголовном кодексе.

Если стать на иную точку зрения, то мы несомненно раскроем такие широкие ворота личному усмотрению, при котором не только от стабильности закона, но и от самого закона останутся только одни рожки да ножки, так как тогда на место законодателя станет судья законодательствующий, на место судьи, призванного выполнять закон, станет прокурор, предлагающий судье решать без закона, на основе только правосознания.

К чему это могло бы привести? К разрушению законности и уничтожению стабильности закона, а «стабильность законов нужна»

нам теперь больше, чем когда бы то ни было» (С т а л и н).

При таком положении вещей никто не будет знать, что можно, что нельзя. Никто не будет знать, что дозволено, что недозволено. Никто не будет знать, что будет считаться дозволенным и что не будет завтра считаться дозволенным, за что я должен и могу отвечать и за что я отвечать не могу и не должен.

При применении аналогии играет роль и правосознание. Но играет роль и закон, общий смысл, разум законов. При применении аналогии важно и то и другое. Без аналогии обойтись нельзя, то есть нельзя обойтись без того принципа, который выражен у нас, скажем, в ст. 16 Уголовного кодекса РСФСР и в соответствующих статьях кодексов других союзных республик или выражен в ст. 5 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Без аналогии мы строить нашу судебную практику не можем.

Но аналогию мы применять можем только в том случае, если у нас есть закон, если мы будем исходить из твердости этого самого закона, из его устойчивости, ясности, исключительной какой бы то ни было двусмысленности и в силу этого исключительной и какой бы то ни было произвол.

Может быть поставлен и должен быть поставлен в судебной практике (и это не только вопрос материального уголовного права, а это в промадной степени вопрос и процессуального права) вопрос о пределах применения аналогии. Должна ли быть эта аналогия беспредельной? Иначе говоря, применяя эту аналогию, нужно ли считать себя связанным подходящими к данному явлению законами или статьями законов, статьями уголовных кодексов? Или, наоборот, применяя аналогию, можно не считать с тем, как вообще данная категория явлений, не говоря уже о данном конкретном явлении, предусматривается хотя бы подходящими, приближающимися к этому явлению другими статьями закона?

Может стоять только вопрос о том, где лежат пределы применения аналогии. Но нельзя ставить вопросы о том, что можно обойти без аналогии.

Отвечая на выше поставленные вопросы, я говорю, что применение аналогии не должно и не может быть беспредельным, что нужно исходить из закона, установленного для аналогичных, то есть подходящих, напоминающих своими некоторыми общими чертами и свойствами то преступное деяние, для которого нет точно указанного текста законодательного постановления.

Совершенно ясно, что применение аналогии требует стабильности закона. Совершенно ясно, что там, где закон нестабилен, неустойчив, недостаточно чеканен и ясен по самому своему существу, там, разумеется, аналогия ничего кроме дезорганизации работы дать не сможет. Поэтому в наше время, в нашу эпоху вопрос о применении аналогии приобретает особо острый характер и значение.

Не опираясь в практике применения аналогии на точный и твердый состав преступления, на закон, твердо и точно определяющий сущность, так сказать, родовые признаки преступления, аналогию применять невозможно

без того, чтобы не вступить на путь усмотрения и произвола. Если отбросить эту основу твердой законности, на почве которой только и возможна здоровая и последовательная практика аналогии, — а эта практика необходима, — то неизбежно будет такое положение, которое выражается старой римской поговоркой «сколько голов, столько и умов», то есть «всяк молодец на свой образец». Извольте тогда в каскационном порядке проверять, правильно или неправильно оцениваются и решаются те или другие вопросы. Раз нет твердого масштаба в виде закона, то аналогия превратится в щель, через которую проникнет в нашу практику личное усмотрение, по принципу: мне кажется, что так, а больше никак, а обосновать это советским законом — это дело десятое потому, что для данной категории преступлений нет в законе прямого указания, а следовательно, я этот пробел должен восполнить по своему социалистическому правосознанию. Ясно, что при такой постановке вопроса от стабильности закона ничего не останется.

Ст. 5 «Основ» говорит, что «судебные органы не вправе отказывать в принятии к своему производству или прекратить уголовное преследование в отношении общественно-опасного деяния на том основании, что в уголовном законе не указано признаков этого деяния, а также под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов».

Если обратиться к кодексам союзных республик, то можно напомнить, например, ст. 45 Уголовного кодекса РСФСР, которая действительно ссылается на социалистическое правосознание, но не вместо законов, а наравне с законами и. Это, конечно, разница. Или ст. 16 УК, вам хорошо известная, которая говорит о решении дел не «без законов», а, как там сказано, «применительно к тем статьям кодекса, которые предусматривают сходные по роду преступления».

А как же быть в том случае, если перед нами будет деяние, которое мы считаем преступным, но которое по своим признакам не подходит к описанным в Уголовном кодексе преступлениям? Такие буржуазные аналогисты, как Дорадо, или такие буржуазные процессуалисты и криминалисты, как проф. Чубинский, склонны не ставить аналогии никаких пределов. Именно они говорят: «без законов», «если нет подходящих законов, поступайте на основе правосознания», — только на основе не революционного правосознания, а своего, буржуазного. А ст. 5 наших «Основ» говорит совершенно иное. Ст. 5 «Основ», ст. 45 УК РСФСР и ст. 16 говорят совершенно иное. Они разрешают применять закон, наиболее сходный по своим признакам с признаками настоящего деяния. Это, конечно, вовсе не означает действовать «без законов». Наоборот, аналогия возможна лишь при наличии законов, так как требует применения наиболее сходного закона. Хотя аналогия не в почете у буржуазных юристов и законодателей, однако, неправильно думать, что аналогия — это благоприобретение нашей социалистической революции. Аналогия известна и некоторым буржуазным кодексам и даже была известна нашему дореволюционному праву.

Если вы обратитесь к дореволюционному Уставу уголовного судопроизводства, то вы

там найдете две статьи: ст. 12 и ст. 13. Я вам прочту эти статьи, и вы сами решите, прав я или нет, утверждая, что в этих статьях вопрос об аналогии, при всем принципиальном различии его постановки у нас и у них, ставится очень близко к тому, как этот вопрос разрешается в наших кодексах.

Ст. 12 УУС говорит: «Все судебные установления обязаны решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, должно основывать решение на общем смысле законов».

Вот этот самый «общий смысл законов» — это и есть классовое правосознание. «Общий смысл законов» — это общие правовые понятия, диктующие решение того или иного вопроса в соответствии с ними, на их основе, если нет подходящего закона.

Ст. 13 УУС еще более категорично говорит: «Воспрещается останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов. За нарушение сего правила виновные подвергаются ответственности как за противозаконное бездействие власти».

Таким образом, вы видите, что российское дореволюционное законодательство признавало уже аналогию и признавало ее, довольно точно и ясно обозначив самое понятие аналогии.

Ясно, таким образом, что аналогия не есть особенность, которая отличает наш советский процесс и наше советское процессуальное право от буржуазного процессуального права и даже квази-буржуазного права, каким являлось наше дореволюционное право, которое представляло собой смесь помещичье-капиталистической уголовной и процессуальной политики.

Практика применения аналогии также хорошо была известна юстиции дореволюционной России.

Еще в 1868 г. Сенат по вопросу о том, как применять аналогию, разъяснил, что: «Если действие обвиняемого, составляющее несомненное преступление, прямо не предусмотрено уголовным законом, то можно указать по аналогии наиболее подходящий к данному случаю закон».

Следовательно, Сенат допускал, что могут быть преступления, прямо не предусмотренные уголовным законом. Вы видите, как жизнь заставляла буржуазию и помещиков вносить поправки в такие принципы, казалось бы непоколебимые, как принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* — «нет преступления, нет наказания, если они не указаны в законе». А некоторые наши юристы говорят: аналогия — это наше отличие от презренной буржуазной юриспруденции, которая стоит на принципе отрицания аналогии.

Буржуазия не очень уж тверда в своих «принципах» и «непоколебимых» законах своей юриспруденции. Когда требовал или требует ее классовый интерес, она не колеблется отступить от этих «принципов» и «законов» и действовать по правилу: «Тащи и не пушай», а что касается закона — это приложится.

Буржуазное процессуальное право и наше дореволюционное процессуальное право как бы говорят: «Не стесняйся этими принципами, не стесняйся тем, что в законе не указан состав данного преступления. Действуй по сход-

ству»... И сам Сенат, верховный блюститель законности в царское время, прямо науськивал на такую практику, прямо говорил: ату его, хватай его, тащи его, сажай его. По какой статье закона? Не важно, — говорил Сенат, — подбирай подходящую, пользуйся аналогией как тебе нужно, и даже тогда, когда преступление это в законе не указано, или, как говорил канцелярский язык, когда оно не обозначено как преступление.

А как же тогда разобраться: что же преступление, что не преступление? В кодексе не сказано, что это преступление. Как же я тогда могу за то, что в кодексе не обозначено как преступление, тащить и не пушай? А Сенат отвечал: привлекай к суду, когда действие обвиняемого составляет несомненное преступление. А что такое «несомненное преступление»? Для того оно «несомненное»? Для того, кто совершил преступление, или для того, кто призван преследовать этого так называемого преступника? Очевидно, для того, кто призван преследовать нарушителя. Таким образом органы царской юстиции должны были решать по собственному усмотрению, что «преступление» и притом «несомненное» и что не преступление.

Сенат говорил: решай дела и по закону — когда есть закон, и по «крайнему своему разумению», то есть по своему правосознанию, то есть без закона, когда нет закона. Кажется, очень радикально: судье предоставлено право без законов решать дела на основе правосознания. В действительности же, ничего радикального в этой формуле не было. Эта формула была лишь лазейкой для буржуазии и такой лазейкой остается и сейчас там и тогда, где и когда уголовного кодекса для охраны своих интересов буржуазии не хватает.

Есть еще одно решение Сената, которое говорит о том, как быть в таких случаях с обвинительным актом. Ст. 520 Устава уголовного судопроизводства требовала, чтобы в обвинительном акте была обозначена, как у нас это требуется 207 статьей УПК, статья закона, предусматривающая данное преступление. Пункт 5 ст. 520 Устава уголовного судопроизводства царского времени требовал, чтобы в обвинительном акте содержалось «Определение по закону, какому именно преступлению соответствуют признаки рассматриваемого деяния».

Возникал вопрос: а как же быть, если преступление налицо и прокурор, и следователь, и весь синклит юстиционный считают, что преступление налицо, а закона нет. Тогда нельзя выполнить требование пункта 5 ст. 520 УУС.

Сенат и тут разъяснил, — а известно, что Сенат как раз был на то и создан, чтобы разъяснять даже неразъяснимое, — что можно обойтись и без законов. В этом разъяснении Сенат указал, что «наше уголовное законодательство подвергает уголовной ответственности даже и за такие деяния, которые не определены с точностью в уголовном законе, если только они имеют преступный характер, а затем и судебное преследование таких деяний не только дозвоительно, но и составляет обязанность обвинительной власти».

Это замечательно сказано. Спрашивается, что такое преступление? Сенат отвечает: преступление это то, что имеет преступный ха-

рактер. А что имеет преступный характер? Все то, что является преступлением.

Сенат в этом разъяснении говорил: «Если только они имеют преступный характер». Значит вовсе не требуется для применения аналогии наличия подходящего уголовного закона, не требуется, чтобы это преступление было охарактеризовано в уголовном законе. Сенат разъяснил, что привлекать к суду за такое деяние «не только дозволительно, но и составляет обязанность обвинительной власти». Значит Сенат прямо говорил прокурорам царского времени: преследуйте и за те деяния, которые как преступление в кодексе уголовном не обозначены, а руководствуйтесь своим усмотрением, привлекайте к суду и за такое деяние, которое в законе не обозначено, но имеет, по вашему мнению, преступный характер. А что такое преступный характер, решайте по общему разуму законов. А общий разум законов каков? Известно каков — он состоит в том, чтобы не пострадал помещичье-капиталистический строй и его политическая форма — царское самодержавие, а все остальное не представляет никакого интереса и значения.

В ст.ст. 12, 13 и 520 Устава уголовного судопроизводства содержатся, таким образом, требования старого царского устава, которые предоставляют широчайший простор для личного произвола в деле привлечения к уголовной ответственности, при возбуждении уголовного преследования и при вынесении обвинительных приговоров, под прикрытием так называемой аналогии.

Можно ли было говорить о стабильности законов при наличии такой политики? Думаю, что нельзя без риска быть опровергнутым. Можно ли утверждать, что в таком государстве, где господствуют такие безграничные возможности называть преступлением то, что не предусмотрено уголовными кодексами, и то, что не содержится в себе признаков сходства с тем, что названо и обозначено в законе как преступление, можно ли считать, что в таком государстве действует закон, что он устойчив, стабилен, прочен и является основой деятельности людей, что он является рычагом организации общественных отношений, способом и формой организации этих общественных отношений? Полагаю, что на этот вопрос можно дать только отрицательный ответ.

Неправы те, кто видит специфическую особенность советского процессуального права в возможности применять аналогию. Между тем в этом отношении некоторые наши процессуалисты и криминалисты грешат, рассматривая аналогию как нечто принципиально чуждое буржуазному праву и как, наоборот, принципиально свойственное лишь одному советскому праву.

Такое мнение ошибочно. Принцип аналогии не чужд буржуазному праву и даже такому заскорузлomu, недоделанному буржуазному процессуальному праву, каким было русское дореволюционное уголовное, процессуальное право.

Некоторые буржуазные юристы принцип аналогии отстаивают очень горячо, прямо пропагандируя возможно более широкое его применение. Правда, эти юристы отвергают принцип «nullum crimen sine lege», но это лишний раз доказывает, что и среди буржуазных теорети-

ков право аналогии пользуется известным признанием. Это нужно сказать в первую очередь о буржуазных юристах, принадлежащих к антропологическому и социологическому направлениям. Так, например, французский юрист Дорадо в работе «Социология и уголовное право» требует предоставления судье безграничного простора в этом отношении. Он говорит, что судья должен иметь право инкриминировать все факты, которые ему будут казаться требующими преследования в уголовном порядке, и применять к их совершителям такие меры — охранительные, защитительные и пр., которые он счел бы наиболее согласованными с интересами дела. Вот формула Дорадо. Куда идти дальше такого понимания аналогии? Судья не связан законом, судья может все факты, которые ему кажутся преступными, рассматривать как преступление и применять к ним все те меры охраны и защиты, которые он признает наиболее соответственными.

Такая постановка вопроса об аналогии для нас абсолютно неприемлема.

Она не вяжется с нашей постановкой вопроса о законности. Она противоречит сталинским указаниям о стабильности законов, так как при той беспределности аналогии, какую пропагандируют всякие Дорадо и Ферри, — типичные представители фашистского направления в науке права, — ни о какой законности говорить нельзя.

Мы должны применить аналогию в рамках наших законов, на основе наших законов, применительно к нашим законам, а не «без законов».

Против такой беспределности применения аналогии я возражал в прошлогоднем споре с т. Крыленко, доказывая, что аналогия в нашем советском правовопонимании должна быть заключена в очень ограниченные рамки, определяемые законом, что мы не можем допустить такого положения вещей, при котором стирается грань между законом и усмотрением.

Советское понимание аналогии и условия ее применения не только не исключают необходимости исходить из действующих законов, но прямо этими законами определяются.

Ведь должно быть ясно, что, когда мы говорим о применении аналогии, о решении того или иного вопроса по аналогии, мы должны говорить об аналогии с каким-то данным, существующим, действующим законом. Следовательно, аналогию применять можно лишь при наличии или исходя из существующего закона или существующих законов. Иначе получится аналогия неизвестно с чем...

Советское правило применения аналогии требует опоры в законе, требует прочности, стабильности закона. Советская аналогия, в известном смысле слова, связана действующим законом, хотя в то же время и дополняет его.

Совершенно иначе ставит этот вопрос такие буржуазные школы права, как антропологическая, социологическая и др. Это мы видели уже на примере Дорадо. Так же по существу ставит вопрос и Ферри («Уголовная социология»), этот типичный фашистский криминалист. Фашизм заинтересован в неограниченном применении аналогии. У фашистов аналогия оправдывает беззаконие. Она развязывает им руки, освобождая от необходимости счи-

таться с таким либерально-демократическим «перезитком», как закон и законность. Недаром Гитлер вводит в новый уголовный кодекс аналогию, приспособляя ее на потребу своему варварскому режиму.

Беспредельная аналогия — это есть освобождение от всех обязательств, налагаемых законом. Наоборот, требование ограничить эту аналогию, ввести ее в необходимое русло, поставить ее в строгие рамки, точно фиксированные в законе, — это, конечно, означает связать аналогию. Тут уже не скажешь: без законов, а на основе революционного правосознания. Кстати сказать, слово «революционный» ничего не меняет. Мы же знаем, что фашисты, эта самая оголтелейшая из оголтелейших реакций, ведь они же себя называют национал-социалистским государством, настоящими революционерами, а нас с вами они называют контрреволюционерами. (Смех.) Мы же знаем, что именем социализма прикрывались и прикрываются троцкисты и меньшевики во главе со своим II интернационалом, эсеры и т. д. и т. п.

Эксплуатировать такие лозунги, как социализм, — это иногда удается тем, кто строит свою политику на околпачивании, на одурачивании масс. То, что прибавляют: без законов, а на основе революционного правосознания — это ничего не спасает. Без законов для нас эта формула никогда не была приемлемой. Сейчас эта формула неприемлема, в особенности в силу сложности наших отношений, в силу грандиозности задач организации, налаживания новых общественных отношений и той роли, которую в этом отношении призван играть и играет наш советский закон, являющийся в нашем рабоче-крестьянском советском государстве крупнейшим фактором государственного строительства.

Аналогия необходима и неизбежна. На применение аналогии нас толкает, если можно так выразиться, нужда, объясняющаяся тем, что нельзя создать такого Уголовного кодекса, в котором были бы предусмотрены все случаи возможных преступлений.

Это по нужде мы вынуждены прибегать к аналогии, так как нельзя предусмотреть и записать в законе все возможные случаи преступлений. Но эту нашу нужду нельзя возводить в добродетель, нельзя превращать в принцип, да в такой, на основе которого должна строиться вся наша судебная деятельность, — это значило бы подрывать самые корни законности. Есть тьма охотников это делать, даже из тех, на кого возложены совершенно противоположные функции. Надеюсь, мы не из их числа.

В соответствии с новой Конституцией и ее требованиями, с указаниями товарища Сталина о стабильности закона нужно поставить вопрос о пределах аналогии еще более резко, чем он стоял в наших теоретических спорах до сих пор. Мы получаем большую возможность это сделать, исходя из проекта нового уголовного кодекса, статья 5 которого говорит уже о том, что преступлением является лишь то общественно-опасное деяние, направленное против интересов советского государства, которое указано в настоящем кодексе.

Вопрос о пределах применения аналогии, таким образом, является одним из животрепещущих вопросов нашей судебной политики.

Проблема аналогии в уголовном процессе есть вместе с тем проблема законности в уголовном судопроизводстве. Именно в силу этого последнего обстоятельства этой проблемой не могут в равной мере не интересоваться и процессуалисты. Вопрос о пределах и условиях применения аналогии есть вопрос, непосредственно относящийся к задаче укрепления законности, задаче, требующей к себе самого пристального внимания и процессуалистов.

Известно, что в нашем уголовном процессе точное и правильное соблюдение законности не является сильным местом, что здесь также довольно широко распространена привычка действовать «без законов, на основе революционного правосознания». У нас не очень считаются с Уголовно-процессуальным кодексом, прикрываясь тем, что он устарел, что в нем масса изъянов, масса недостатков и так далее. Недостатки в нынешних уголовно-процессуальных кодексах действительно имеются. Но как они ни устарели, а все-таки они нам служат и служат неплохо.

Ссылки на устарелость УПК это только отговорка для тех, кто не желает считаться с процессуальными законами, кто не понимает всей важности соблюдения процессуальных правил.

Ведь не случайно, что в нашей советской правовой литературе встречается трактовка процессуальных правил как правил технических (Стучка), хотя совершенно очевидно, что это подлинные правовые нормы, а не технические, что это законы, регулирующие определенный круг общественных отношений.

Процессуальный нигилизм все еще, к сожалению, остается у нас довольно распространенной болезнью, большим злом.

Преодолеть эту болезнь — это наша первейшая обязанность и задача, в особенности в условиях новой Сталинской Конституции.

Новая Конституция, проникнутая духом социалистической законности, требует, чтобы социалистической законностью была проникнута и работа нашего суда, и работа нашей прокуратуры.

Нынешний, то есть соответствующий требованиям новой Конституции уголовный процесс должен стоять на высоте социалистической законности, должен удовлетворять принципам, на которые опирается сама Конституция, записавшая то, что завоевано победоносными успехами социализма.

Уголовный процесс должен быть построен в точном соответствии с принципами нашего советского государства, нашей новой Конституции, выражающей собой победу идеи последовательного социалистического демократизма. Наш уголовный процесс должен быть построен на основе социалистического демократизма. Он должен быть, как правило, процессом гласным, обеспечивающим максимальную возможность установления материальной истины. Он должен обеспечить возможность быстрого и решительного разоблачения и подавления врага и преступника, с одной стороны, и воспитания в правилах социалистического общежития и дисциплины тех, кто способен перевоспитаться, с другой. Он должен быть построен на принципе признания обвиняемого не объектом, а субъектом права, а следовательно, на принципе состязательности и равенства сторон.

Некоторые товарищи, стараясь предугадать ход развития нашего процесса, несколько лет назад намечали пути его развития, исходя из прямо противоположных принципов. Они рассматривали, во-первых, состязательность, равенство сторон, гласность не как процессуальные правовые принципы, а как «технические средства, установленные опытом буржуазных стран», как об этом говорит, например, т. Крыленко в книге «Суд и право» (часть I, стр. 17). Так об этом говорит и т. Стучка, хотя в некоторых своих статьях принципу состязательности и равенства сторон он придает очень большое значение как процессуальным принципам.

Говоря о перспективах развития советского уголовного процесса, т. Крыленко правильно указывал на основную задачу нашего процесса — это на обеспечение «возможности борьбы с прямыми врагами революции и нового порядка».

Однако т. Крыленко, исходя из этой правильной установки, неправильно представлял себе методику этой борьбы, совершенно безосновательно и вопреки марксистско-ленинской теории «леваки» пренебрегая такими формами или методами борьбы в судебном процессе, какие вытекают из принципа представительства сторон и обязательного предоставления обвиняемому правовых гарантий» (Крыленко).

Тов. Крыленко в цитированной уже книге писал: «В этих условиях совершенно ничем не доказанным является и обязательное его построение на основе «представительства сторон» и обязательное предоставление обвиняемому ряда формальных правовых гарантий. Недаром же в громаднейшей степени боязнь этих формальных гарантий должен быть объяснен тот факт, что в критические моменты борьбы пролетарская власть предпочитает прибегать к процессуальной технике ВЧК и ГПУ, где, как известно, формальные гарантии отсутствуют почти совершенно. Дать жесткий процесс, который бы давал возможность без лишних слов бороться с покушениями на революцию,—эта задача также должна быть достигнута в результате пересмотра. Возможно, одним из средств для такого разрешения проблемы будет создание двух процессов» (Н. В. Крыленко, Суд и право в СССР, 1928 г., стр. 17).

Тов. Крыленко полагал, что там, где речь идет о борьбе с врагами революции, там не нужно представительство сторон, там не нужно предоставление обвиняемому формально правовых гарантий.

В этом рассуждении т. Крыленко имеется ряд ошибок.

Во-первых, ошибочно утверждение, что «в громаднейшей степени боязнь формальных гарантий» надо объяснить, что в известных условиях мы прибегаем, как говорит т. Крыленко, к процессуальной технике ВЧК и ГПУ.

Дело вовсе не в «боязни формальных гарантий», а в более глубоких причинах, объясняющих необходимость существования в известных условиях таких органов пролетарской диктатуры, как ГПУ или ВЧК. Не «боязнь» же формальных гарантий объясняется появление закона 1 декабря 1934 г. и учреждение Особого совещания при НКВД! Такое «психо-

логическое» объяснение отдает слишком большим упрощением.

Во-вторых, ошибочно утверждение, что в «процессуальной технике ВЧК и ГПУ... формальные гарантии отсутствуют почти совершенно». Ошибочно, потому что нельзя противопоставлять «формальные» гарантии «неформальным» гарантиям, как нельзя вообще говорить о какой-то «процессуальной технике ВЧК и ГПУ».

В-третьих, ошибочно говорить о каком-то «жестком» процессе, который «без лишних слов» даст возможность «бороться с покушениями на революцию». Ошибочно потому, что «лишние слова» всегда и во всяком процессе — лишние. Может быть автор хотел сказать о таком процессе, в котором можно обойтись без обвинителя, без прений сторон, без кассационного обжалования.

Разумеется, мы можем в иных случаях быть поставлены в необходимость прибегать к упрощенному судопроизводству по известной категории дел, например, по делам, предусмотренным законом 1 декабря 1934 г.

Было бы величайшим филистерством это отрицать. Но это не исключает ошибочности утверждения, что только такой процесс («жесткий процесс» «без лишних слов») и является приемлемой процессуальной формой для борьбы с контрреволюцией.

Мы провели ряд процессов на основе состязательности, гласности и предоставления обвиняемому всех процессуальных гарантий. Таковы были процессы по «Шахтинскому делу», по делу Промпартии, Центрального бюро меньшевиков, по делу инженеров Метро-Виккерс, по делу объединенного троцкистско-зиновьевского центра и антисоветского троцкистского центра. Все эти процессы в максимальной степени разоблачили вражеские машины, подлейшие преступления вредителей, шпионов, диверсантов-террористов, изменников нашей родине, эти процессы нанесли сокрушительный удар по нашим врагам. Между тем, эти процессы были проведены на основе представительства сторон и, несмотря на это, а может быть и именно поэтому, они нанесли жесточайший удар по врагам и предателям, послужив вместе с тем могущественным рычагом мобилизации бдительности и общественно-политической активности масс.

Неправильно поэтому говорить о двух процессах, об особом процессе, исключаящем гласность и состязательность («лишние слова») для контрреволюционных преступлений. Мы допускаем наряду с таким, так называемым развернутым процессом и процесс упрощенный.

Но основная линия развития нашего процесса идет не по линии ограничения или вовсе отказа от этих, так называемых правовых гарантий, а как раз наоборот, по линии расширения их, по линии укрепления этих гарантий, по линии все большего и большего применения этих гарантий. Это вполне естественно, потому что неправильно представление, будто бы разгромить врага можно только на основе отказа от принципа состязательности или равенства сторон. Наоборот, на основе состязательного процесса разгромить врага бывает гораздо полезнее с точки зрения мобилизации внимания, общественного мнения.

Посмотрите с этой точки зрения на послед-

ний процесс антисоветского троцкистского центра. Вы знаете, что на этом процессе состязательность была развернута достаточно широко, и равенство сторон было обеспечено в полной мере.

Что же, этот процесс антисоветского троцкистского центра, проведенный на основе широкой состязательности и гласности с участием защиты и экспертов, помешал нам нанести жестокий удар нашим врагам? Помогло, не только не помешало, а наоборот, обеспечило этот жестокий удар, если понимать под жестоким ударом не просто уничтожение нескольких физических лиц, сидящих на скамье подсудимых, а удар по самым корням этих преступлений, по всей системе этих преступлений, которые очень часто имеют многочисленные разветвления в разных направлениях.

Разве открытый, гласный процесс, проведенный по делу антисоветского троцкистского центра, помешал разоблачить наших врагов, предателей, шпионов? Разве он не помог самому беспощадному их разоблачению и на этой основе мобилизации общественного мнения и усилению большевистской бдительности?

Процесс помог снять, сорвать с этих негодяев маски; он помог увидеть их настоящие лица, увидеть и познать их преступные методы и приемы борьбы с советской властью и социалистическим строительством. В этом громадное значение гласного процесса и по таким острым политическим делам, как недавно прошедшее дело антисоветского троцкистского центра.

Процесс показал трудящимся нашей страны и всего мира истинное лицо всех этих Пятаковых, Ратайчаков, Радеков, Сокольниковых, Граше, Арнольдов, всех тех, кто в течение ряда лет умело и искусно скрывал свое лицо под лживой маской, кто умел коварно и подло обманывать, продавать и предавать наше дело.

Но гласный судебный процесс важен еще и с другой стороны. Он важен тем, что сплошь и рядом оглашенные на суде факты воскрешают в памяти честных людей аналогичные им случаи, события, явления, мимо которых они в свое время проходили без внимания и которые теперь, в свете того, что выяснилось на суде, заставляют их кое-что пересмотреть из собственной практики, собственного опыта прошлого; пересмотреть не только кое-что, но и кое-кого.

Процесс антисоветского троцкистского центра поднял громадную волну общественной активности в этом отношении. Посыпались с разных сторон сообщения о различных фактах, представляющих достаточно подозрительными, чтобы обратить на них должное внимание. Укажу на один из таких фактов, представляющих известный интерес.

Вы помните, как на суде по делу антисоветского троцкистского центра выяснилось, что троцкисты при переписке пользовались пересылкой ботинок с заделанными в них письмами, книг с заделанной в их корешки почтой и пр.

И вот после процесса я получил от одной гражданки письмо, в котором она сообщала о том, как когда-то к ней обратилась ее знакомая, в прошлом поддерживавшая связи с троц-

кистами, и просила ее передать за границу туфли ее приятельнице.

Она сообщила ряд подробностей, не оставляющих сомнения, что эта история с туфлями как две капли воды похожа на историю с письмами, привезенными из-за границы от Седова Шестовым заделанными в ботинки.

Автор письма сообщает: «Прочитавши в газетном отчете об этой паре ботинок с письмом, я довожу до Вашего сведения о таком случае со мной и прошу проверить, в чем тут дело»...

На такой шаг эту гражданку толкнул процесс. Это немаловажное значение процесса. Вот другой пример.

Датская газета «Арбейдербладет» опубликовала письмо из Москвы датского инженера Грегеренс, который пишет: «Когда я в декабре 1934 г. должен был ехать в отпуск в Копенгаген, осужденный ныне по процессу антисоветского троцкистского центра Граше, при проезде моем через Москву, хотел передать через меня книгу НН. Во-время я у Граше не получил этой книги и не мог ее поэтому доставить в Копенгаген. На процессе выяснилось, что в переписке с Троцким использовалась книга «Тысяча и одна ночь», и я теперь понимаю старания Граше, потому что как раз эту книгу он хотел вручить мне для передачи НН». Это замечательный факт, который говорит о том, что гласный процесс обладает могущественной силой, организует общественное внимание и пробуждает общественную бдительность. Гласный процесс учитстораживать, заставляет честных людей искать в своей памяти, вокруг себя, не было ли чего-либо подозрительного, такого, что может быть шло теми же преступными путями.

За 1934—1936 гг. у нас прошло не мало дел по технике безопасности. Там взрыв, здесь взрыв, завал в шахте, пожар, человеческие жертвы, горит имущество. Ищем. Предаем суду. Судим: нарушение техники безопасности. Ст.ст. 111, 112, 109.. А вот, когда начали вскрываться троцкистские злодеяния, Прокуратура Союза дала циркулярное распоряжение всем крайевым и областным прокурорам за все время с 1934 г. просмотреть, проанализировать все эти дела по технике безопасности, чтобы установить, не были ли эти взрывы, пожары и пр. результатом не простой халатности, не должностных преступлений, а организованной вредительской, диверсионной троцкистской деятельности. И вы представьте себе, сейчас извлекаются дела, устанавливаются связи ранее осужденных за халатность с троцкистами. Перед нами встают старые дела в другом виде, мы имеем в своих руках данные, что люди действовали тогда как вредители, как диверсанты, как члены подпольных вредительских антисоветских троцкистских организаций. И, конечно, эту работу можно провести тем легче, чем более становятся известными факты и о самих преступлениях, и о методах совершения преступлений, и о методах маскировки преступлений. Разоблачение методов маскировки, разоблачение самих преступлений, всего механизма подготовки совершения преступлений, как мы сделали на процессе с инженером Строиловым, показав, как советский инженер был опутан шпионской паутиной, попал в расставленные немецкой охранкой сети, как

он постепенно, понемножку, как муха на липкой бумаге, лапка за лапкой, ножка за ножкой весь увяз, пропал, по поговорке «коготок увяз, всей птичке пропасть» имеет очень большое значение. Вы посмотрите допрос Строилова, вы увидите, как шаг за шагом человек лез в петлю, которая была коварно заброшена на его шею, фашистской охранкой Гестапо. Освещение на суде таких обстоятельств, конечно, должно иметь громадное воспитательное значение.

✓ Гласный процесс — это колоссальнейшая сила в руках государства. Это, конечно, не значит, что всякое дело можно рассмотреть на гласном суде. Нет, есть пределы. Есть факты и целые дела, не допускающие разглашения и требующие своего рассмотрения в закрытых заседаниях. Но, как правило, для того, чтобы расколотить врага до конца, гласный процесс никогда не был препятствием. Наоборот, он дает в руки государства богатое средство, могучее средство, и нужно только уметь этим средством пользоваться.

Правда, это трудное дело. Процесс состязательный — это трудное дело. Гораздо труднее провести процесс на основе состязательности, когда подсудимый — субъект права, как это называется, когда он рвет, мечет, дерется и плюется, — тогда труднее такой процесс провести. Гораздо легче, конечно, вести процесс, когда подсудимый не «субъект» права, а то, что называется на юридическом языке «объект» права, то есть когда его можно тереть и перетирать как угодно, и он, хотя и пищит, как говорится в одном анекдоте, а лезет (с м е х); конечно, гораздо труднее провести процесс тогда, когда он защищается, когда он борется.

Но, товарищи, когда процесс кончается, в результате этой борьбы и сопротивления, победой обвинения, тогда, конечно, этот процесс в общественном мнении выигрывает так, как не может выиграть никакой иной процесс.

Поэтому совершенно неправильной была установка, которая господствовала в умах некоторых товарищей, что в моменты острой классовой борьбы мы не можем прибегать к помощи гласного процесса. Последние годы показали со всей силой и остротой неправильность этой установки.

Наш процесс должен быть построен на тех же началах социалистического демократизма, что и все советское государство. В основу этого процесса должен быть положен принцип состязательности, гласности, равенства сторон. Неправильно думать, что состязательность есть «буржуазный предрассудок». Это так же ошибочно, как ошибочно вредная пашуканисовская «теория» о праве как категории буржуазного общества. Об этом я буду говорить более подробно в следующей лекции. Но совершенно аналогично тому, что утверждал контрреволюционер, полугроцкист, полубухаринец Пашуканис, в области общей теории права доказывавший, что право является категорией буржуазно-капиталистического общества, некоторые неправильно утверждают, что состязательность есть принцип капиталистического общества. Да, состязательность родилась и выросла в капиталистическом обществе, но говорить о том, что состязательность есть принцип или категория, свойственная

только буржуазному обществу, абсолютно неправильно.

Конечно, было бы ошибочно состязательность в советском суде приравнивать или отождествлять с состязательностью буржуазной. В буржуазном суде состязательность — единоборство при полной или относительной пассивности суда. Буржуазная состязательность притом ставит результат в зависимость от соотношения сил сторон. Сам суд как будто «спокойно зрит на правых и виновных, добро и зло внимая равнодушно».

В условиях капиталистического строя это на деле означает помощь сильной стороне: богатому истцу против бедного, прокурору — против обвиняемых, подавляющее большинство которых падает на трудящихся, бедноту.

В буржуазном суде состязательность опирается на строго и узко формальные основы, сама становится узко формальной. Мы понимаем состязательность иначе: состязательность в советском процессе не исключает инициативы и активности самого суда. Состязательность у нас не просто единоборство при пассивном и безучастном отношении суда к борьбе сторон. Состязательность в советском суде — это средство установления истины в наиболее полном и исчерпывающем ее виде.

Без того, чтобы всесторонне разобрать дело, не может быть правильного решения, как не может быть всестороннего разбора дела без предоставления обеим, заинтересованным в исходе этого дела сторонам возможности изложить суду все, что они считают необходимым, все свои доводы и соображения в пользу той или другой точки зрения. Без того, чтобы дело было подвергнуто разносторонней оценке, чтобы были взвешены все доводы за и против, все обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, как отягчающие, так и смягчающие его ответственность, не может быть правильного и убедительного решения.

Состязательность сторон плюс активное участие в судебном следствии самого суда на основе гласности и равенства всех участвующих в процессе перед судом и перед законом, — вот путь к установлению той материальной истины, стремление к которой характеризует подлинное правосудие и подлинный суд.

Вот почему нашему советскому суду, опирающемуся на те же принципы социалистического демократизма, что и все советское государство, не может быть и никогда не было чужд этот принцип состязательности в указанном выше смысле. Состязательность — это тоже право. Это право на отстаивание своей точки зрения, на доказывание своей правоты, в противовес праву обвинителя на доказывание виновности. Даже тогда, когда в суде отсутствуют прокурор и защитник, принцип состязательности в смысле осуществления обвиняемым права на защиту, как это провозглашено статьей 111 нашей новой Конституции, остается в полной силе.

Состязательность в советском суде — это один из принципов той судебной демократии, которая не может не воплощать в себе тех самых черт и особенностей, которые воплощает и вся советская социалистическая демократия.

Неправильно представление о суде как об особой форме расправы. Суд — это суд. По-

этому-то судебное производство или разбирательство дел в наших судах не может не быть открытым, если в самом законе не предусмотрены исключения из этого правила; не может не быть связанным с обеспечением обвиняемому права на защиту, но право на защиту без состязательности, т. е. без права обвиняемого на равных с обвинителем основаниях защищаться против выдвинутых обвинений, — фикция. Если бы суд был просто расправой, то в суде не могло бы быть места ни состязательности, ни гласности. Расправляться удобнее всего без всякой гласности, для расправы не нужна и состязательность.

Не может не быть, конечно, исключения из этого основного правила, имеющего принципиальное значение. Существуют дела, сама особенность и характер которых не допускают разглашения связанных с этими делами обстоятельств, имеющих значение общественной, политической или дипломатической тайны. Именно это имеет в виду ст. 111 новой Конституции, говорящая о возможных, предусмотренных законом исключениях из принципа открытого разбирательства дел во всех судах СССР.

Суд есть суд. Советский суд не только называет, не только громит, подавляет, уничтожает, советский суд также еще воспитывает и перевоспитывает. Воспитательная сила советского суда—это важнейшая особенность, отличающая его от судов капиталистических государств, в которых царит одно лишь голое, хотя и искусно прикрытое различными юридическими формулами и правовыми сентенциями насилие.

Эта воспитательная роль советского государства несколько, ни в коей мере не находится в противоречии с задачами беспощадной расправы, беспощадного подавления врагов революции, врагов социализма.

Но совершенно неправильно, разумеется, все воспитание сводить к беспощадности. А между тем (опять-таки вынужден возвратиться к т. Крыленко) в книге «Право и суд» т. Крыленко воспитательную роль суда сводит к беспощадности, к подавлению. Он прямо говорит: «Беспощадность по отношению ко всем колеблющимся элементам из нашей среды, кто осмеливается вносить дезорганизацию, вот какой метод воспитания предлагал Владимир Ильич».

Это грубое упрощенчество. Ленин и Сталин требуют от нас беспощадности к врагам, но ни Ленин, ни Сталин никогда не сводят к беспощадности воспитание. Беспощадность в подавлении врагов и вражеских выступлений, преступной их деятельности—это одна задача советского суда. Воспитание путем применения различного рода принудительно-воспитательных мер—это его другая задача. Обе задачи органически связаны между собой. Не сводить воспитание к беспощадности это неправильно, это ошибочно, это искажение ленинизма.

На III всероссийском съезде советов Ленин говорил: «Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессии, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей и т. д.» (т. XXII).

Следовательно, по Ленину, сила нашего нового суда заключается не столько в силе репрессий, сколько в воспитании масс. Одна задача не исключает другой задачи. В этой связи я должен буду перейти к некоторым вопросам, связанным с вопросом об ответственности индивидуальной и коллективной, о вине и виновности, которые также весьма важны для процессуалистов. Но это вопросы особые. Этим вопросам я рассчитываю посвятить следующую лекцию.

Г. ВОЛКОВ

О проекте нового Уголовного кодекса

Сталинская Конституция СССР — исторический образец социалистического правотворчества — является мощным фундаментом законодательной деятельности нашей страны.

«Конституция, — говорит товарищ Сталин, — не исключает, а предполагает текущую законодательную работу будущих законодательных органов. Конституция дает юридическую базу для будущей законодательной деятельности таких органов»¹.

Законотворческая деятельность на юридической базе Сталинской Конституции, вдохновляемая Сталинской Конституцией, направляется к тому, чтобы во всех отраслях нашего социалистического права отразить те грандиозные изменения, которые произошли за последние 12 лет в СССР. Эти изменения в экономике, в классовой структуре и в области национальных взаимоотношений СССР пока-

заны с наибольшей ясностью и глубиной товарищем Сталиным в его историческом докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов и отражены в Сталинской Конституции.

Действующие уголовные кодексы не выражают этих грандиозных изменений во всей их целостности и полноте. Стране нужно новое уголовное законодательство, единое для вполне сложившегося и выдержавшего все испытания многонационального социалистического государства, «прочности которого могло бы позавидовать любое национальное государство в любой части света»¹.

Стране нужен Уголовный кодекс, соответствующий такой экономике нашей страны, при которой «эксплоатация человека человеком уничтожена, ликвидирована, а социалистическая собственность на орудия и средства производства утверждена как незыблемая основа нашего советского общества»².

¹ Сталин, О проекте Конституции СССР, Доклад на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов.

¹ Там же.

² Там же.

Стране нужен Уголовный кодекс, соответствующий такой классовой структуре, при которой «границы между рабочим классом и крестьянством равно как между этими классами и интеллигенцией стираются, а старая классовая исключительность исчезает»¹.

Указание на необходимость замены действующих уголовных кодексов союзных республик новым единым для СССР Уголовным кодексом мы находим в Конституции СССР, которая создание Уголовного кодекса прямо относит к ведению высших органов власти Союза ССР (п. «х» ст. 14 Конституции СССР). В постановлении ЦИК СССР от 20 июля 1936 г. указано, что «уголовное и гражданское законодательство, а также закон о судостроительстве и судопроизводстве должен быть единым для всего Союза ССР».

Таковы политические и юридические основы и предпосылки для выработки проекта Уголовного кодекса СССР. С другой стороны, к проекту Уголовного кодекса СССР нас вплотную подводят предварительные работы по подготовке такого проекта, ведущиеся Комиссией при Президиуме ЦИК Союза ССР с 1935 г.

В результате этих работ, получивших новое направление с опубликованием и затем утверждением проекта Сталинской Конституции СССР, подготовлен предварительный проект УК СССР.

Этим проектом впервые за последние 10 лет реформа уголовного законодательства поставлена на реальную почву. Предыдущие попытки наших академических кругов разработать Уголовный кодекс оканчивались крахом. Таких попыток было несколько. Вскоре — через пару лет — после издания действующих уголовных кодексов союзных республик возникла мысль о реформе уголовного законодательства. Началась усиленная работа по составлению проектов УК, но для того, чтобы эти проекты стали законом, не было достаточных предпосылок ни объективного, ни субъективного характера; тогда еще не созрела необходимость издания нового УК, как не созрела тогда и творческая мысль многих авторов проектов. Хотя во многих частях уголовное законодательство было устаревшим уже в 1929—1930 и следующих годах, но в этих устаревших частях уголовные законы обновлялись отдельными законодательными повелениями.

Было бы неправильно думать, что одна незрелость политической мысли наших теоретических работников была причиной того, что «проектирование» уголовных кодексов оказалось бесплодным вплоть до последних лет.

Тут несомненно были и другие причины — причины объективного характера.

Одной из неудачных попыток объяснить неудачу проектов и их последовательную смену является объяснение, которое давалось т. Н. В. Крыленко в его статье о новом проекте УК СССР 1935 г.

Тов. Н. В. Крыленко говорил: «Было бы коренной ошибкой, если бы мы сделали такой вывод: мы, мол, и только мы конкретно виноваты в том, что не можем написать устой-

чивый кодекс»¹. Тов. Н. В. Крыленко пытался найти объективные причины того, что «мы не могли написать устойчивый УК», в том, что творческая роль советского права толкала к непрерывным изменениям этого же права.

Тов. Крыленко писал: «Мы ломаем производственные отношения, мы создаем новые производственные отношения с помощью государственного принуждения, одной из форм которого является уголовное право. Вся система пролетарского государства есть не что иное, как сочетание классового принуждения с методом убеждения, с помощью которых мы приводим в повиновение остатки повергнутых классов и перестраиваем заново весь мир, создавая новое общество, ликвидируя пережитки капитализма в экономике и сознании людей, воспитывая к социалистической дисциплине широчайшие массы трудящихся.

В итоге в наших условиях, при наших темпах революционной перестройки должны неизбежно меняться и те правовые методы, которые мы используем для переделки и перестройки общества. Уже это одно достаточно объясняет, почему на протяжении короткого исторического промежутка времени мы столько раз возвращались к реформе УК»².

В этом несомненное влияние тезиса Пашуканиса о том, что «мы не можем связывать себя правовыми системами».

Особенно сейчас, в свете сталинских установок, данных в докладе о новой Конституции, видно, как ссылки на невозможность устойчивости советских законов противоречат действительным требованиям, предъявляемым к советскому социалистическому законодательству... «Стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было», — говорит товарищ Сталин³. Если теперь нам стабильность законов нужна больше, чем когда бы то ни было, то это значит, что стабильность законов, хотя и в меньшей степени, нужна была и в прошлые годы. Эта стабильность ни в коей мере не противоречит творческой революционной роли социалистического законодательства, а наоборот, ее обеспечивает. Эта стабильность ни в коей мере не противоречит гибкости и «политичности» законов, но она сочетается с ними и не допускает непрочности и качаний из стороны в сторону.

Но кроме всего, объяснение, данное т. Н. В. Крыленко, бьет мимо цели: несмотря на ряд проектов, самый-то Уголовный кодекс как раз не изменялся коренным образом и был стабильным в течение 10 лет, менялись же неудачные проекты. Их неудача в первую очередь должна быть отнесена к их неудовлетворительным политическим качествам, к ошибочным политическим позициям авторов.

Но если уж искать объективные причины неудачи проектов УК, то их нужно искать в следующем: именно стабильность законодательства потребовала, чтобы, несмотря на отсталость действующих уголовных кодексов, к созданию нового Уголовного кодекса при-

¹ «Проблемы уголовной политики» 1935 г., книга I, стр. 6.

² «Проблемы уголовной политики», книга I, стр. 6.

³ Цитированный выше доклад товарища Сталина.

¹ Там же.

ступили с известной выдержкой и необходимой предусмотрительностью. Необходимая гибкость законов и соответствие их требованиям практики классовой борьбы в последние годы достигались, как уже сказано было выше, изданием ряда законодательных новелл, отдельных законодательных актов, часть которых имеет историческое значение, как, например, закон 7 августа 1932 г. о борьбе с хищениями общественной, социалистической собственности, закон 7 июня 1934 г. об измене родине и т. п. Что же касается общей реформы уголовного законодательства и создания нового общесоюзного Уголовного кодекса, то для этого нужно было, чтобы изменения в экономической и классовой структуре нашей страны и изменения в области национальных взаимоотношений в СССР достигли столь значительной степени, что оказалось возможным и необходимым изменить основной закон СССР, создать Сталинскую Конституцию СССР.

В самом деле, не является ли естественным, что коренная реформа отдельных отраслей законодательства совершается вслед за утверждением нового основного закона — новой Конституции, и на основе этой новой Конституции. Ведь не даром товарищ Сталин подчеркнул значение новой Конституции как юридической базы для будущей законодательной деятельности.

Непонимание этого обстоятельства было без сомнения одной из причин порочности «проектирования» уголовных кодексов в 1929—1930 гг., одной из причин, в ряде которых видное место занимало и вредное влияние пашукановских концепций права, и политическая близорукость наших научных работников в области теории уголовного права.

Вот почему возможно было появление на свет трех политически ошибочных, конкурировавших друг с другом, проектов Уголовного кодекса в 1929—1930 гг.: проекта, составленного Институтом советского строительства и права Комакадемии под руководством т. Н. В. Крыленко, проекта Красикова-Галкина, защищавшегося т. Винокуровым, и проекта, составленного т. Ширвиндтом совместно с группой профессоров, стоявших на чисто буржуазных теоретических позициях.

Проект Института советского строительства и права Комакадемии в основном был политически ошибочным, «левацким», извращающим задачи уголовной политики. Он разрывал связь между наказанием и конкретными видами преступлений, рекомендовал вместо этого «примерный перечень» преступлений, в котором каждое не связано с конкретным наказанием. Это строение кодекса на практике способствовало бы судебному произволу. Теоретически такой кодекс был связан с «теорией» Пашуканиса о «товарной» форме права. Авторы проекта признавали, что советское уголовное право содержит в себе момент «иррациональный», стихийный, характерный для буржуазного права. Этот «иррациональный» характер уголовного права выражался в том, что суд отщипывает наказание в точной пропорции с тяжестью содеянного преступления, то есть наказание определяет по эквивалентной дозировке. Основным в проекте УК Института советского строительства и права Комакадемии было желание «преодолеть» в советском уголовном праве эту бур-

жуазную эквивалентную дозировку и для этого уничтожить в кодексе и на практике назначение наказания, пропорционального тяжести содеянного преступления, оторвать наказание от конкретных составов преступлений. Это несомненно стирало качественную разницу между буржуазным уголовным правом и социалистическим уголовным правом¹, это означало, что хотя реформа уголовного законодательства должна быть направлена к борьбе против буржуазной формы советского права (и в этом, в частности, отличие позиции авторов проекта от «теории» Пашуканиса, который отрицал возможность такой борьбы), но сама эта буржуазная форма советского права (или в смягченном виде элементы буржуазной формы) есть факт, признанный авторами проекта согласно теории Пашуканиса.

Другой проект УК, составленный т. Красиковым с участием Галкина, теоретические основы которого защищал т. Винокуров, стоял, правда, на противоположных позициях по вопросу о структуре кодекса, включал особенную часть с составами преступлений и связывал каждый данный вид преступления с соответствующей санкцией. Но обоснование этого проекта было не менее ошибочным. Авторы и защитники этого проекта исходили из того, что пропорциональная форма наказания должна быть сохранена именно вследствие «товарного характера» советского права. Другими словами, если в обоснование проекта УК Комакадемии приводилась необходимость преодолеть Пашуканисом выдуманный рыночный характер советского права и его буржуазную природу, то товарищи, стоявшие на позициях проекта Красикова и Галкина, эту буржуазную природу советского права «преодолевать» не считали целесообразным и возможным.

Выводы авторов двух проектов оказываются различными, но исходное положение — общим, одинаково далеким от марксистско-ленинско-сталинской теории, одинаково ее, — хотя и в разные стороны, — извращающим.

Наконец, политический центр тяжести третьего проекта, составленного группой профессоров, стоявших на позициях буржуазных теорий уголовного права и возглавленных т. Ширвиндтом, заключался в наибольшем благоприятствовании кулацким элементам: проект смягчал наказания именно за те преступления, которые, согласно тексту статей самого же проекта, совершаются классово враждебными элементами: именно в этих случаях проект исключал применение не только расстрела, но и ссылки и лишения свободы.

¹ Такова печальная участь неудачного теоретического проектирования: авторы проекта старались сделать так, чтобы проект возможно дальше отстоял от буржуазных уголовных кодексов. Создание «первого в мире» уголовного кодекса, в котором нет ни Общей, ни Особенной части, ни составов преступления, ни связанных с ними наказаний, казалось очень заманчивым именно своим новаторством. По замечанию т. С. Я. Булатова, «мы старались сделать так, чтобы было ни на что не похоже...» И все это новаторство привело к тому, что именно все эти ухищрения и вытекали из тайного в глубине признания буржуазного права довлеющим над советским правом.

Не мудрено, что все три проекта бесславно погибли, оставшись только памятниками политической невыдержанности нашего теоретического фронта, его доступности вредным влияниям и попыткам трансплантации теорий с буржуазной почвы на советскую.

Новый проект Уголовного кодекса СССР 1935—1937 гг. представляет собой резкий контраст по сравнению с его предшественниками. Если те проекты были плодом, главным образом, кабинетного теоретизирования, то новый проект является подытоживанием опыта классово-борьбы. В нем органически объединяются основные мысли, заключенные в важнейших общесоюзных актах уголовного законодательства последних лет: закона 7 августа 1932 г. о борьбе за социалистическую собственность, законов об измене родине, о борьбе за качество продукции, о борьбе с детской преступностью, о борьбе со спекуляцией, об укреплении революционной законности и учреждении ее боевого органа — Прокуратуры Союза ССР, о создании Всесоюзного НКЮ и т. п.

Новый проект впитал и критически переработал практику как судебных и прокурорских органов, так и органов применения репрессии в исправительно-трудовых лагерях, в исправительно-трудовых колониях и тюрьмах. Но что самое главное основное — это то, что проект исходит из основных сталинских установок, выраженных в новой Конституции СССР, из задач борьбы за укрепление диктатуры пролетариата, за укрепление священной и неприкосновенной социалистической собственности — основы советского строя, за права и интересы граждан СССР, за права и интересы живого человека — его жизнь, здоровье, неприкосновенность, достоинство, свободу, имущество, за безопасность социалистического строительства от посягательств классово-враждебных элементов изнутри в пределах и вне СССР. Это — Уголовный кодекс социалистической страны, борющийся за зажиточную жизнь, культуру и счастье народов СССР, руководимых рабочим классом и его партией с великим Сталиным во главе.

Для характеристики и анализа проекта рамки одной журнальной статьи слишком тесны; поэтому здесь можно будет лишь кратко охарактеризовать узловые вопросы, заключающиеся в проекте УК СССР.

В первую очередь остановимся на системе кодекса.

В отличие от «левацкого» проекта УК Комкадемии, проект УК СССР состоит из части Общей и Особенной со свойственными последней специальными составами преступлений.

Система Общей части сравнительно мало отличается от системы Общей части действующих УК. Первые два раздела — о задачах Уголовного кодекса и о пределах его действия — совпадают с первыми двумя разделами действующего УК. Вместо третьего раздела действующего УК РСФСР («Общие начала уголовной политики РСФСР») раздел III проекта посвящен вопросам о преступлении и уголовной ответственности, IV раздел — вопросам наказания и V раздел — порядку применения наказания. Нынешний VI раздел УК РСФСР — об условном осуждении и условно-досрочном освобождении — в проекте упразднен, так как условное осуждение и досрочное освобожде-

ние являются институтами, в которых выражается порядок применения наказания. Поэтому в проекте оба эти института входят в V раздел — о применении наказания.

Система Особенной части кодекса представляет больший интерес. Прежде всего здесь сохранен принцип, по которому Особенная часть является систематизированным собранием статей, каждая из которых посвящена отдельно виду преступлений и состоит из диспозиции, указывающей признаки специального состава преступления, и из санкции, определяющей наказание за это преступление.

В этом отношении проект резко порвал с установками проекта Института советского строительства и права Комкадемии.

Однако наличие специальных составов и связь с ними санкций ни в коем случае не означают, что наш проект воспринял буржуазный принцип эквивалентной дозировки как некоторое выражение «товарности отношений» и т. п. Связь санкции с диспозицией и выделение специальных составов преступлений являются средством укрепления революционной социалистической законности. Имея достаточную свободу в выборе наказания для осужденного, не будучи ни в какой степени стесненным формализмом буржуазного права, наш советский суд не может действовать произвольно и не действует так. Он является проводником и исполнителем воли господствующего рабочего класса и руководимого рабочим классом многомиллионного народа, воли, выраженной в социалистическом законе.

Социалистическое правосознание живет в каждом судье, но им же, социалистическим правосознанием, продиктованы и статьи закона. Не противопоставляя своего правосознания и воли социалистическому правосознанию и революционной воле законодателя, выраженным в концентрированной и обобщенной форме закона, суд должен действовать в рамках этого закона, в рамках нашего социалистического стабильного закона.

В статьях Особенной части УК, предусматривающих специальные составы преступлений, выражено, таким образом, руководство со стороны верховной власти практической деятельностью судов.

В этом — один из примеров диалектического соотношения законодательной и судебной власти, вытекающего из установок новой Конституции. Наше право отнюдь не исходит из старинной буржуазной теории разделения властей. Конституция отнюдь не противопоставляет органы законодательства, суда и управления друг другу и не отрывает их друг от друга. Их единство вытекает из единства диктатуры пролетариата. Одновременно законодательные, судебные и управленческие функции в новой Конституции четко разграничены и не смешиваются одна с другой. Этот же принцип выражен и в руководстве деятельностью суда со стороны закона. Закон лимитирует судебную практику и направляет ее, но это руководящее действие протекает в рамках самого же закона.

С другой стороны, связь между видом и размером наказания и данным видом преступления выражает учет одной из сторон общественной, классово-опасности, которая заключена в этом преступлении и которая

в конечном счете является опасностью для интересов господствующего класса. Так, например, и убийство и легкое телесное повреждение нарушают интерес каждого данного потерпевшего, но в конечном счете они нарушают интересы диктатуры пролетариата, обеспечивающей такой порядок, при котором охраняются и жизнь гражданина, и его здоровье, и телесная его неприкосновенность. Вместе с тем для этого правопорядка и его источника — диктатуры пролетариата — эти интересы отнюдь не равнозначущи и не равновелики, как они не равнозначущи и не равновелики для самого потерпевшего. Поэтому советский закон предусматривает в различной степени применение государственного принуждения для охраны этих интересов, усиливая это принуждение в случаях нарушения больших, жизненно-важнейших интересов.

Надо подчеркнуть, что, в отличие от старого эквивалентного наказания-возмездия буржуазного права, в советском уголовном праве это соответствие наказания тяжести преступления является вовсе не единственным и вовсе не главным моментом связи преступления с наказанием. Советское уголовное право учитывает в наибольшей степени разнообразие условий, которыми определяется социальная классовая опасность и преступления и личности преступника. Так, ст. 34 УК СССР говорит: «При определении наказания суд должен руководствоваться соответствующими статьями Общей и Особенной частей Уголовного кодекса, учитывая при этом как смягчающие и отягчающие обстоятельства, так и другие условия, характеризующие опасность преступления и лица, его совершившего». И далее в ст. 34 и в ст. 35 перечисляются отягчающие и смягчающие обстоятельства. К этим обстоятельствам относятся не только обстоятельства, свидетельствующие о тяжести самого деяния. Учитывается общественная опасность и преступления и преступника. Следовательно, при назначении наказания, в числе прочих обстоятельств, тяжести деяния никак со счетов не сбросить и надобности в этом нет решительно никакой.

Итак, Особенная часть проекта Уголовного кодекса состоит из отдельных статей с диспозицией и санкцией. Санкции в подавляющем числе статей Особенной части построены по принципу так называемой «относительно-определенной санкции», то есть такой санкции, в которой указывается высший и низший пределы допускаемого этой санкцией наказания. В тех случаях, когда проект предусматривает в качестве наказания расстрел, он все же допускает при наличии смягчающих обстоятельств уменьшение наказания. Таким образом и в этих случаях санкция не дается в абсолютно определенном виде, исключая для суда возможность снизить наказание.

Лишь в отдельных случаях (в статье, предусматривающей измену родине) проект принимает абсолютно определенный срок наказания.

Определение наказания в законе по методу относительно определенной санкции подвергалось одно время (главным образом во время споров о проекте УК Комакадемии)

ожесточенному обстрелу, в особенности со стороны т. Н. В. Крыленко.

Дело представлялось таким образом: относительно определенная санкция дает возможность суду «взвешивать» наказание в зависимости от тяжести преступления в пределах санкции; если закон в статье Особенной части предусматривает лишение свободы не ниже 5 лет, а по Общей части УК вообще лишение свободы не может превышать 10 лет, то суд в пределах от 5 до 10 лет может определить любой срок наказания — 5, 6, 7 и т. д. лет.

Таким образом, если самое существование санкций в статьях Особенной части Кодекса было дозировкой наказания со стороны законодателя, так сказать дозировкой «оптом», то относительно определенные санкции дают возможность отвешивать наказание «в розницу».

Поэтому в яростной борьбе с «буржуазной», «иррациональной» и т. п. дозировкой было предложено заменить относительно определенные санкции абсолютно определенными, установив пресловутые «твердые сроки» наказания, разрешающие судье назначать наказания в виде лишения свободы в лагери только на срок 5 или 10 лет. Сначала предложение этого метода распространяли на все виды наказания, потом автор этого предложения т. Н. В. Крыленко отказался от него, признавая его в таком виде «левацким», и в проект УК Комакадемии этот метод вошел лишь по отношению к особо опасным преступлениям. Наконец, еще в 1935 г. остатки «преодоления» эквивалентной дозировки выразились в предложении два «твердых срока» заменить четырьмя (3—5—8 и 10 лет лишения свободы).

В действительности все эти предложения, во-первых, никакой борьбы с эквивалентной буржуазной дозировкой не осуществляли. Достаточно указать на пример того, как именно посредством применения «твердых сроков», то есть абсолютно определенных санкций в буржуазном уголовном кодексе, чрезвычайно широко и скрупулезно проводилась эквивалентная дозировка наказания. Таким примером может служить уголовный кодекс 1791 г. — первый акт уголовного законодательства только что пришедшей к власти буржуазии. В этом уголовном кодексе особенная часть очень детально, с аптекарской педантичностью развешивала наказания по многочисленным составам отдельных преступлений, причем к каждому дробному составу преступления привешивалось наказание с абсолютно «твердым сроком» лишения свободы.

Таким образом сама по себе абсолютно определенная санкция может служить только для «борьбы» с эквивалентной дозировкой, а наоборот, для ее последовательного проведения в Уголовном кодексе.

Во-вторых, вообще неправильно видеть какую-то мистику и чертовщину, какой-то буржуазный туман в том, что закон предлагает суду избрать срок наказания в пределах санкции. Много этого тумана вредителей науки напустил в нашу теорию Пашуканис. Надо энергично рассеивать все остатки его, еще задержавшиеся в отдельных уголках уголовно-правовой теории.

Каково действительное значение относи-

тельно определенных санкций в советском уголовном законе? Выбирая в пределах санкции тот или иной размер наказания, суд тем самым индивидуализирует наказание, назначает наказание в соответствии со всеми обстоятельствами данного конкретного дела, учитывая все особенности личности совершившего преступление, его прошлой деятельности, причин, непосредственно толкнувших его на совершение преступления, мотивов совершения преступления, обстоятельств времени и места, при которых было совершено преступление, и т. п. Два преступления, совершенные разными людьми в разное время при различных обстоятельствах, вместе с тем могут в одинаковой степени подходить под диспозицию одной и той же статьи Особенной части Уголовного кодекса. Диспозиции статей Особенной части УК вообще призваны обобщать в своих формулировках конкретные индивидуальные черты сходства отдельных преступлений. Но кроме этих черт сходства, жизнь в ее бесконечном разнообразии выдвигает черты различия, также чрезвычайно существенные для определения общественной опасности преступника и совершенного им преступления. Эти-то черты различия и должны учитываться судом в пределах черт сходства. Поэтому наказание, конкретно назначаемое судом, должно заключаться в пределах санкции статьи Особенной части: тем самым оно будет соответствовать обобщениям, делаемым законом. Но, с другой стороны, наказание должно варьироваться судом: тем самым оно будет соответствовать характеру и степени общественной классовой опасности именно данного конкретного индивидуального случая. Социалистическое правосудие не стрижет всех обвиняемых под одну гребенку, не подгоняет всех под один ранжир, советский суд выясняет степень виновности, степень ответственности и опасности каждого из обвиняемых, хотя бы несколько из этих обвиняемых совершили одно и то же преступление, — скажем, в соучастии друг с другом. Ярким примером такой индивидуализации наказания может служить применение Военной коллегией Верховного суда СССР различных наказаний членам антисоветского троцкистского центра.

Конечно, индивидуализация наказания достигается и качественным различием применяемых наказаний, т. е. назначением в одном случае лишения свободы в тюрьме, в другом — в лагере, в третьем — в исправительно-трудовой колонии, в четвертом — штрафа, в пятом — исправительных работ без лишения свободы и т. п. Но и количественная сторона должна быть использована, тем более что здесь очень нагляден переход количества в качество. Так, сопоставим краткосрочное лишение свободы, например, на 6 месяцев, с долгосрочным — например, на 6 лет. Они отличаются друг от друга не только количественно: ряд мероприятий исправительно-трудового и дисциплинирующего воздействия, приложимых при длительном сроке лишения свободы, окажутся вовсе неприменимыми при кратком сроке лишения свободы и т. п.

В силу всего сказанного надо признать, что метод определения наказания посредством относительно определенных санкций, принятых в проекте УК СССР, является совершенно правильным, целесообразным методом.

Вместе с тем надо покончить с набившими оскомину разговорами об «иррациональной» зловредности относительно определенных санкций.

Классификация преступлений в системе Особенной части проекта отличается от классификации, принятой в действующих уголовных кодексах. Все преступления распределяются по пяти разделам: I раздел содержит государственные преступления. Сюда относятся преступления контрреволюционные, преступления против социалистической собственности и преступления против государственного порядка и безопасности.

Новой, таким образом, является глава «Преступления против социалистической собственности».

Эта глава включает статьи о хищении общественной, социалистической собственности, о похищении, растрате и мошенническом присвоении социалистической собственности и о покушке похищенного государственного или общественного имущества.

В статьях о хищениях общественной, социалистической собственности воспроизводится в основном закон 7 августа 1932 г. с учетом судебной практики. Этот учет позволяет под суровую санкцию закона 7 августа 1932 г. подвести наиболее опасные виды хищений общественной, социалистической собственности. Менее опасные случаи входят в отдельную статью о похищении, растрате и мошенническом присвоении общественной, социалистической собственности с санкцией менее суровой, чем санкция закона 7 августа. Таким образом глава II раздела I Особенной части проекта УК СССР дает выработавшуюся в пятилетней практике применения закона 7 авг. 1932 г. дифференциацию различных видов преступлений против социалистической собственности.

III глава раздела о государственных преступлениях — «Преступления против государственного порядка и безопасности» содержит в себе, главным образом, преступления, которые в действующих уголовных кодексах называются «особо для СССР опасными преступлениями против порядка управления».

II раздел — это преступления против обороны. Сюда входит, во-первых, глава о военных преступлениях и, во-вторых, глава о нарушении военных обязанностей и повинностей. В эту главу включены преступления, которые в действующих уголовных кодексах входят в главу «Иные преступления против порядка управления» и относятся к нарушению военных обязанностей и повинностей. Объединение этих преступлений с военными преступлениями в одном общем разделе преступлений против обороны совершенно правильно, ибо если для военных преступлений типичным является субъект военного преступления, так и нарушений военных обязанностей и повинностей — общий: это — интерес обороны СССР.

Раздел III содержит в себе «преступления против неприкосновенности личности и других гарантированных Конституцией СССР прав граждан». Этот раздел приобретает особое значение в свете сталинского гуманизма, сталинской заботы о человеке и соответствующих установок новой Конституции СССР, приказывающей как зеницу ока хранить са-

мый ценный наш капитал — живых людей. кадры строителей социализма. Для системы Особенной части проекта УК СССР характерно, что преступления против неприкосновенности личности и других гарантированных Конституцией СССР прав граждан поставлены на место, непосредственно следующее за преступлениями против обороны страны. В этом — одно из важных отличий системы проекта от действующих уголовных кодексов, где и преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности и входящие в главу об «имущественных преступлениях» преступления против имущественных прав граждан стояли после преступлений против порядка управления, после преступлений должностных, после нарушений правил об отделении церкви от государства и после преступлений хозяйственных, то есть стояли где-то на седьмом из последних планов кодекса. Раздел «Преступления против неприкосновенности личности и других гарантированных Конституцией СССР прав граждан», в соответствии с его значением, разработан в проекте очень тщательно.

В пределах этого раздела преступления классифицированы в трех главах.

Глава VI посвящена преступлениям против жизни, здоровья и достоинства личности. При этом среди этих преступлений в особый параграф выделены преступления против семьи и брака (незаконный аборт, принуждение к аборту, неплатеж алиментов, использование опеки в корыстных целях, неисполнение обязанностей по воспитанию детей, вовлечение несовершеннолетних в преступление, похищение ребенка, обманное использование зарегистрированного брака, принуждение к браку или разводу, вымогательство калыма, оставление без помощи родителей).

Следующая глава этого раздела — глава VII: «Преступления против основных прав граждан». Это также новая в УК глава. Она концентрирует уголовно-правовую борьбу за сформулированные новой Конституцией основные права граждан. Статьи этой главы карают за преступления против права на труд, права на социальное обеспечение, права на образование, за преступления против равноправия женщин, за отказ от приема на работу женщин по мотивам их беременности, за преступления против национального, равноправия и свободы совести, за нарушение свободы слова, печати, собраний и демонстраций, за преступления против избирательных прав граждан, против неприкосновенности личности, жилища и тайной переписки и, наконец, за эксплуатацию чужого труда.

Последняя — VIII глава этого раздела — «О преступлениях против личной собственности граждан». В отличие от действующих уголовных кодексов, проект УК СССР в своей классификации принципиально разделяет посягательства на социалистическую собственность и посягательства на личную собственность, в то время как действующие УК говорят об «имущественных преступлениях» «вообще», не отличая принципиально социалистической собственности от личной собственности граждан¹; проект, как указано было выше, пося-

гательства на социалистическую собственность выделяет в самостоятельную главу раздела о государственных преступлениях, а посягательства на личную собственность граждан включает в раздел преступлений против неприкосновенности личности и других гарантированных Конституцией СССР прав граждан. Такой систематикой достигается двоякая цель: с одной стороны, подчеркивается принципиальное отличие общественной, социалистической собственности как основы советского строя: посягательства на эту собственность являются государственными преступлениями; с другой стороны, посягательства на личные права граждан проект отнюдь не рассматривает как некую «бытовщину», как преступления «недостойные внимания советского суда». Надо признаться, что до опубликования, а затем утверждения проекта Сталинской Конституции СССР у многих судебных работников было именно такое отношение к имущественным преступлениям в «частном секторе». Проект УК СССР вслед за Конституцией СССР, закрепляя несомненно имеющийся в практике перелом, подчеркивает, что преступления против личной собственности граждан являются (в числе других) преступлениями против гарантированных Конституцией СССР прав граждан.

Раздел VI посвящен должностным и хозяйственным преступлениям. При этом нужно отметить, что объем понятия «должностное преступление» в проекте сокращен по сравнению с действующими уголовными кодексами. Это проведено как в определении должностных преступлений, так и в определении понятия «должностное лицо». Ограничение понятия «должностное преступление» и «должностное лицо» в значительной степени объясняется многочисленными на местах искривлениями политики борьбы с должностными преступлениями, искривлениями, при которых суды нередко присуждали к наказаниям в качестве должностных лиц колхозных бригадиров, колхозных доярок и т. п. работников социалистических полей, конечно, ни в какой мере должностными лицами не являющихся. Эти искривления создали в некоторых областях и республиках слишком большой процент осужденных, в частности, за должностную халатность в тех случаях, когда бороться за укрепление служебной дисциплины можно было мерами не уголовно-репрессивного порядка.

Раздел V содержит «преступления против порядка управления и преступления против общественной безопасности».

В настоящей статье не ставится задача дать характеристику отдельных видов преступлений и связанных с ними мер наказания по проекту УК СССР: характеристика Особенной части здесь ограничивается только изложением ее системы.

Подытоживая сказанное о системе Общей и Особенной частей кодекса и о системе всего проекта в целом, необходимо подчеркнуть единство целей, единство мысли, пронизывающие систему проекта, в которой выражена система социалистического уголовного права,

тального акта и его включение в действующие УК не изменило структуры главы об «имущественных преступлениях».

¹ Конечно, надо иметь в виду, что закон 7 августа 1932 г. издан в качестве самостоя-

являющегося частью общей системы социалистического права Советской страны.

Из отдельных узловых проблем проекта остановимся на двух наиболее общих и основных — на вопросе о преступлении и вопросе о наказании.

К преступлению проект подходит как к материальному общественному отношению в конкретной обстановке нынешнего этапа развития социалистической революции. Проект в статье 5 так определяет преступление: «Преступлением признается всякое предусмотренное настоящим кодексом общественно-опасное действие или бездействие, направленное против социалистического государства, его основы — социалистической собственности, препятствующее социалистическому строительству, дезорганизующее социалистический правопорядок или нарушающее неприкосновенность личности и права граждан».

Это определение является развитием материального, то есть даваемого по существу, определения преступления, которое свойственно советскому уголовному праву с первых лет его развития, начиная с «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» 1919 г. Это определение диаметрально противоположно формальным определениям преступления, содержащимся в буржуазных уголовных кодексах, верней в тех из них, которые вообще пытаются давать определение преступления. В этом определении объединены: определение социального содержания преступления (общественно-опасное действие или бездействие против социалистического государства, социалистической собственности, социалистического строительства) с правовой стороной вопроса о преступлении, как деянии противоправном. Эта сторона преступления — его противоправность — долго игнорировалась в нашей теории уголовного права. Лишь в последнее время в нашей литературе был поставлен вопрос о том, что признание противоправности преступления вовсе не является догматической ересью, что без признания противоправности одно определение социального классового содержания преступления не дает еще полного материального определения преступления и что противоправность преступления несколько не оторвана от его общественной опасности, что, наоборот, в преступлении общественно-классовая опасность проявляется в противоправной форме. В статье 5 проекта УК СССР противоправность преступления непосредственно выражена в словах: «...предусмотренные настоящим кодексом...».

Не значит ли это, что проект становится на точку зрения буржуазной «классической» школы уголовного права, утверждавшей, что «нет преступления и наказания, не предусмотренных в законе»? Не значит ли это, что проект отказывается от принципа аналогии?

Нет, никоим образом.

Признание принципа «нет преступления и наказания без закона» было бы налицо в том случае, если бы статья 5 говорила, что преступлением являются только прямо предусмотренные в статьях Особенной части действия. Тогда действительно аналогия была бы неприменима: аналогия имеет в виду преступность как раз такого действия,

которая не предусмотрена прямо в статьях Особенной части УК. Статья 5 проекта УК ставит вопрос иначе: то или иное действие или бездействие может быть прямо не предусмотрено статьями Особенной части УК, но вместе с тем оно является общественно-опасным действием, направлено против социалистического государства, его основы — социалистической собственности, либо препятствует социалистическому строительству, либо дезорганизует социалистический правопорядок, либо нарушает неприкосновенность личности и права граждан и подпадает под признаки и действие статей Общей части УК. Хотя в Особенной части и нет статьи, прямо предусматривающей это действие, но есть статья, предусматривающая наиболее сходное¹ по содержанию преступление, поскольку и это действие является преступным и охватывается Общей частью кодекса как преступное.

В соответствии с этим проект не отказывается от принципа аналогии и признает его в ст. 6, говоря: «Если общественно-опасное действие прямо не предусмотрено статьями Особенной части УК, то ответственность за него определяется по той статье, которая предусматривает наиболее сходное по содержанию преступление». Если сопоставить это определение аналогии с определением, даваемым ст. 16 действующего УК РСФСР, то сразу ясна гораздо большая точность и четкость редакции статьи проекта. Статья 16 действующего УК РСФСР говорит о таком общественно-опасном действии, которое «прямо не предусмотрено настоящим кодексом». Это выражение неточно. Кодекс в целом не может не предусматривать такого действия, которое является общественно-опасным; если же действие оказывается не предусмотренным кодексом в целом, то его нельзя считать общественно-опасным и по аналогии. Другое дело, если общественно-опасное действие прямо не предусмотрено в статьях Особенной части кодекса, отнюдь не претендующих на то, чтобы прямо и в точности отразить в своих строках все бесконечное разнообразие конкретных жизненных отношений, то такое действие или бездействие может в то же время подходить под общие социальные признаки общественно-опасного, преступного поступка и по аналогии считается преступлением.

Второе уточнение, которое дается статьей 6 проекта, заключается в том, что по аналогии преступным считается действие и бездействие не «применительно к тем статьям кодекса, которые предусматривают сходные по роду преступления» (как это говорит статья 16 действующего УК РСФСР), а ответственность определяется «по статье, которая предусматривает наиболее сходное по содержанию преступление». Дело, таким образом, не в том, чтобы действие, общественно-опасное и преступное по характеру которого требуется определить путем аналогии, признаки этой общественной опасности и преступности исчерпывало сходством по роду с тем или иным преступлением. Такое сходство позволяет только отнести поступок к той или иной

¹ См. статью А. Я. Вышинского в этом же номере.

группе преступлений, но еще не обосновывает преступного характера этого поступка. Дело в том, чтобы найти между этим действием и содержащимся в одной из статей Особенной части преступлением сходство по содержанию материально-общественных отношений.

Таким образом определение статьи 6 проекта не только редакционно уточняет ответственность по аналогии, оно говорит нам о большем, — о стремлении законодателя сочетать принцип аналогии с принципом строжайшей социалистической законности. В этом отношении перед практикой применения нового кодекса, когда он вступит в действие, да и теперь, при действующем УК, стоит очень важная задача: не снижая значения аналогии, принципиально связанной с материальным пониманием преступления, в то же время всячески уберечься от нарушения революционной законности под предлогом аналогии. В практике такие случаи нередки. «Левацкие» извращения проекта УК Комкадемии, пошедшего дальше аналогии и для уголовной ответственности не требовавшего ни того, чтобы то или иное действие было предусмотрено какими бы то ни было статьями кодекса, ни того, чтобы оно было даже сходно с каким-либо преступлением, включенным в «ориентировочные перечни, — эти «левацкие» извращения дают в той или иной степени отзвуки в нашей судебной практике до последнего времени. Нередки случаи, когда под видом аналогии местные органы юстиции прямо нарушают закон и в целях усиления наказания применяют по аналогии статью Особенной части с более суровым наказанием к преступлению, прямо предусмотренному другой статьей Особенной части (но содержащей более мягкую санкцию). В этом смысле известны случаи применения статьи о бандитизме к поступкам, являющимся вне всякого сомнения для самого же суда обыкновенным убийством и т. п. Будущая практика применения нового кодекса должна будет с подобными примерами покончить бесповоротно.

Подобно примечанию к статье 6 действующего УК РСФСР, проект исключает также уголовную ответственность в случаях, когда действие или бездействие хотя и подходит формально под признаки статей Особенной части УК, но по своей малозначительности и отсутствию вредных последствий не является общественно-опасным (часть вторая статьи 5 проекта).

Материальное понимание преступления про- ходит очень ярко в проекте трактовкой вопроса о невменяемости. В действующем УК РСФСР статья 11 средактирована крайне неудачно. Она говорит только о неприменинии к невменяемым мер социальной защиты судебно-исправительного характера; она, таким образом, не исключает уголовной ответственности невменяемых, считая, что невменяемый является субъектом преступления, но что к таким субъектам преступления может быть применен из всех видов репрессий, предусмотренных УК, один вид репрессии — меры социальной защиты медицинского характера. Такая трактовка невменяемости совершенно неверна, да она и противоречит судебной практике, давно вставшей против

неудачного буквального текста статьи 11. Невменяемый, совершающий какой-либо вредный или опасный поступок вследствие душевной болезни, не выражает своим поступком ни сопротивление классово враждебных элементов, ни влияние классового врага или его агентуры, ни влияние буржуазной или мелкобуржуазной стихии. Это больной человек¹, а не враг и не неустойчивый или отсталый трудящийся. Если по отношению к невменяемому необходимо применять меры принудительного лечения, соединяемые часто с принудительной изоляцией, то это принуждение иного сорта, чем наказание. В этом принудительном лечении и связанной с ним изоляции душевнобольного нет ничего от двудеиной задачи наказания, определенной Лениным: по отношению к невменяемому принуждение не является ни подавлением классово враждебных элементов или элементов разложения старого общества, ни принудительным воспитанием к дисциплине неустойчивых элементов из среды трудящихся.

Проект УК СССР имеет в своем распоряжении более совершенную терминологию, чем действующий УК, говоря не о «мерах социальной защиты», а о наказании, и правильно ставит вопрос, прямо отказываясь применять наказание к невменяемым, так как не считает невменяемых уголовно-ответственными. Принудительное же лечение, возможность которого предусматривается проектом в отношении невменяемых, проект не считает наказанием.

Аналогично проект ставит вопрос и в отношении малолетних. В то время как действующий УК по отношению к малолетним ниже минимального возраста допускает применение «мер социальной защиты медико-педагогического характера» (а меры социальной защиты медико-педагогического характера включаются действующим УК в общую систему мер социальной защиты, то есть, по сути дела, наказания), проект УК СССР в статье 12 прямо говорит, что «малолетние в возрасте до 12 лет уголовной ответственности не подлежат» и, следовательно, к ним не применяются никакие меры, которые бы охватывались системой репрессии. Что касается несовершеннолетних старше 12 лет, то о них проект говорит, что они могут подлежать уголовной ответственности лишь в случае совершения ими кражи, насилия, телесных повреждений, злого умысла или убийства. Несовершеннолетние, достигшие 16-летнего возраста, подлежат уголовной ответственности и по всем остальным преступлениям.

Как и действующие уголовные кодексы, проект признает преступным и допускает уголовную ответственность лишь в случаях, когда общественно-опасное действие совершено умышленно или по неосторожности. Проект, таким образом, решительно отбрасывает те попытки принизить значение наряду с другими уголовно-правовыми институтами и умысла и неосторожности, — попытки, которые делались авторами проекта УК Комкадемии, считавшими, что умысел и неосторожность не являются необходимыми элементами уголовной ответственности, а служат лишь «рабочей гипотезой» при определении

¹ См. Н. В. Крыленко, Три проекта УК.

ответственности. Проект УК этим самым утверждает, что уголовно-ответственным виновным может быть только человек, действия которого связаны с его сознанием. Такими формами связи психики лица с его поступками и является умысел и неосторожность. Этим самым отвергается категорически так называемое объективное вменение, когда может быть вменен простой случай, который не был ни предвиден, ни предвидим при данных обстоятельствах. Только в качестве исключения в статье, говорящей об измене родине, проект предусматривает лишение избирательных прав и ссылку в отдаленные районы СССР на срок 5 лет для совершеннолетних членов семьи бежавшего за границу изменника — военнослужащего, если эти члены семьи с ним совместно проживали или находились на его иждивении к моменту совершения им преступления. Но, во-первых, это исключительный случай, полностью соответствующий исключительному характеру такого преступления, как измена родине, во-вторых, здесь наказание применяется к указанным в законе членам семьи изменника как часть наказания самого изменника, ибо характер преступления таков, что эффективность угрозы наказания требует распространения уголовной ответственности не только на самого преступника. Повторяю, что это единственный в кодексе случай объективного вменения, объясняемый исключительно опасным характером преступления — изменой родине.

Из вопросов, относящихся к преступлению, остановимся в двух словах на соучастии.

Проект сохраняет основные установки о соучастии, содержащиеся в действующих уголовных кодексах, но вносит два нововведения: первое заключается в том, что укрыватели преступления относятся к самостоятельному виду соучастников наравне с исполнителем, подстрекателем и пособником, а не выступают в качестве пособников, как это считает действующий УК РСФСР (ст. 17).

Второе, гораздо более важное нововведение, заключается в том, что наряду с исполнителями, подстрекателями, пособниками и укрывателями проект выделяет как отдельный вид соучастников организаторов преступления, представляющих при всяких условиях большую опасность, чем остальные соучастники. В этом отношении проект вводит в Общую часть кодекса то совершенно правильное положение, которое содержится в действующем УК РСФСР, но только в Особой части, в статье 59² о массовых беспорядках. Действительно, если подстрекатели в тех или иных случаях могут быть более или менее опасны, чем исполнитель, а исполнитель в одних случаях может быть более опасен, а в других — менее опасен, чем пособники, если степень ответственности исполнителей, пособников и подстрекателей не может быть заранее предустановлена в зависимости от того, относится ли соучастник к подстрекателям, исполнителям или пособникам, то организаторы преступлений всегда более опасны. Выделение этого вида соучастников в кодексе имеет гораздо большее и теоретическое и практическое значение, чем сохранение деления соучастников на подстрекателей, исполнителей и пособников. В этом отноше-

нии проект УК СССР сделал новый шаг в конструкции соучастия¹.

В вопросах наказания проект вносит много нового по отношению к первоначальным редакциям действующих уголовных кодексов союзных республик, используя практику применения наказания за последние годы и отдельные законодательные акты, касающиеся применения наказания. Во-первых, проект резко порывает с терминологией действующих уголовных кодексов, отказываясь от термина «меры социальной защиты», этого громоздкого термина, заимствованного из терминологии буржуазной социологической школы уголовного права и просочившегося в советское уголовное законодательство с мутными ручейками буржуазных влияний на советскую уголовно-правовую теорию. «Меры социальной защиты» — термин, не известный ни программе партии, ни «Руководящим началам» 1919 г., его мы не найдем ни в трудах Ленина, ни в трудах Сталина. Он ничего общего не имеет с мерами социальной защиты, применяемыми в буржуазном уголовном праве, но вместе с тем он затемняет действительный характер наказания в советском уголовном праве. Меры социальной защиты отодвигают на второй план государственное значение наказания, говоря о какой-то «социальной» защите, этот термин затушевывает то обстоятельство, что репрессия выполняет не только защитную, но и наступательную задачу² и т. д.

Чрезвычайно важно определение в проекте целей наказания. Во-первых, определяя цели наказания, проект в ст. 15 воспроизводит по существу ленинскую формулу двудеиной задачи наказания, хотя редакционно эта формула в проекте переработана применительно к языку закона. «Уголовное наказание, — говорит ст. 15, — имеет цель: а) подавление врагов народа и иных противообщественных элементов и принудительное воспитание лиц, совершивших преступление, к государственной и общественной дисциплине и уважению к правилам социалистического общежития; целей возмездия, причинения физического страдания и унижения человеческого достоинства наказание себе не ставит». В этой формуле органически соединено убеждение и принуждение; здесь соединена задача подавления врагов народа, подавление противообщественных элементов с задачей принудительного воспитания преступников к дисциплине и к уважению правил социалистического общежития. В этой формуле не исключается возможность принудительного воспитания не только представителей неустойчивых элементов среди трудящихся, но и других противообщественных элементов: здесь, таким образом, учтено замечание Ле-

¹ См. по этому поводу предложения, сделанные т. А. Я. Вышинским в его докладе в Институте уголовной политики в 1936 г. об итогах суда над контрреволюционно-троцкистско-зиновьевским террористическим центром. См. также мою статью на ту же тему в «Советском государстве» (1936 г. № 5).

² Подробно по этому вопросу см. мою статью в «Проблемах уголовной политики» за 1935 г. № 1 «Наказание в советском уголовном праве».

нина об исправлении тех представителей капиталистических элементов, которые поддаются исправлению; здесь учтена и практика переделки сознания не только деклассированных элементов, но и отдельных представителей классово враждебных элементов. С другой стороны, в этой формулировке целей наказания даются в классовом политическом разрезе задачи общего и специального предупреждения, рассчитанного на то, что наказание должно воздействовать как на совершившего преступление, так и на лиц, данного преступления не совершивших, но могущих его совершить, склонных к его совершению.

Во-вторых, в определении целей наказания статья 15 воспроизводит тот отказ от целей возмездия, причинения физического страдания и унижения человеческого достоинства, который существует в советском уголовном праве с самого начала его развития.

В-третьих, статья 15, говоря о целях наказания, подчеркивает, что «уголовное наказание применяется судом лишь к тем, кто признается ответственным за совершенное ими преступление». Таким образом уголовные наказания не могут применяться к неответственным — к невменяемым, к малолетним ниже минимального предельного возраста уголовной ответственности, к лицам, совершившим преступление неумышленно и не по неосторожности, а случайно.

С другой стороны, из текста статьи 15 следует, что наказание применяется судом только за конкретное преступление. В этом отношении проект вносит новшество по сравнению с действующими до сего времени «Основными началами уголовного законодательства СССР и союзных республик» 1924 г., которые в статье 22 предусматривали применение судом ссылки и высылки к лицам, не совершившим конкретного преступления, но обнаружившим свою общественную опасность вследствие связи с преступной средой или прошлой преступной деятельностью. Как известно, это правило ст. 22 «Основных начал», введенное в УК некоторых союзных республик, не вошло в действующий УК РСФСР. Проект УК СССР, как явствует из текста статьи 15, исключает положения, аналогичные предусмотренным в ст. 22 «Основных начал»: суд может наказывать только за конкретное преступление.

Однако этим наказуемость паразитических элементов, элементов, связанных с преступной средой или развращенных прошлой преступной деятельностью, не исключается советским уголовным правом, но выводится за рамки деятельности судов. По отношению к этим элементам, независимо от совершения конкретного преступления, но при установлении общественной классовой опасности по перечисленным только что признакам, помещение в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет осуществляется в административном порядке особым совещанием при народном комиссаре внутренних дел на основании положения об НКВД.

Проект УК предусматривает следующие виды наказаний (ст. 16): а) бессрочное изгнание или высылка из пределов СССР; б) лишение свободы; в) ссылка; г) исправительные работы; д) ограничение прав; е) конфискация

имущества; ж) штраф; з) увольнение от должности; и) общественное порицание.

В качестве исключительной меры, впредь до ее окончательной отмены, проект предусматривает в случаях, указанных в Особой части кодекса, — расстрел. Применение расстрела ограничивается: не могут быть приговорены к расстрелу лица, не достигшие 18-летнего возраста, и женщины, находящиеся в состоянии беременности.

Лишение свободы предусматривается в виде заключения в тюрьму, заключения в исправительно-трудовую лагерь, заключения в исправительно-трудовую колонию и, кроме того, проектом предусмотрен краткосрочный арест. Тюрьма и лагерь назначаются на срок от 2 до 10 лет, колония — на срок от 6 мес. до 2 лет. Что касается ареста, то он может быть применен только в случаях, указанных в Особой части кодекса, и отбывается в специальных арестных помещениях. В отличие от всех видов лишения свободы, рассчитанных на исправительно-трудовое воздействие на заключенных, арест этой цели перед собой не ставит: его роль — чисто дисциплинирующая.

В числе наказания, как это видно из перечня, проект предусматривает и ссылку, но прямо оговаривает применение ссылки только к взрослым членам семьи изменника военно-служащего, живущим с изменником или состоявшим на его иждивении к моменту совершения им измены. Высылку проект предусматривает только из пределов СССР. Таким образом и высылка в пределах СССР и ссылка в советском праве теряют значение, и ссылка остается только для одного — к тому же исключительного — случая.

Исправительные работы без лишения свободы в сравнении с действующим УК получают новое название: отбрасывается автология, заключающаяся в названии, принятом действующим УК, — «исправительно-трудовые работы». Проект правильно считает, что называть работы трудовыми бессмысленно, и применяет термин — «исправительные работы»; согласно ст. 23 проекта исправительные работы назначаются без лишения свободы на срок от 5 дней до 1 года. Проект не указывает характера и видов исправительных работ без лишения свободы, отсылая для этого к Исправительно-трудовому кодексу, но в проекте Исправительно-трудового кодекса СССР, разрабатываемом параллельно с проектом УК СССР, этот вопрос решается в том направлении, что исправительные работы по месту службы осужденного упраздняются.

Это решение продиктовано тем, вполне правильным соображением, что на практике исправительные работы по месту службы превратились в «штраф в рассрочку».

Проект УК СССР, говоря о штрафе, прямо предусматривает (ст. 30) возможность взыскания штрафа в несколько сроков, не более, впрочем, 12 месяцев. При этом проект устанавливает для единовременного взыскания максимум — 25% месячного дохода осужденного.

В настоящей статье освещены лишь некоторые важнейшие положения проекта УК СССР

Надо помнить, что здесь речь идет о предварительном проекте кодекса, что возможен еще ряд изменений проекта и, как показала практика работы над текстом проекта в последние два года,—изменения эти могут быть довольно существенны. Но при всех возможных изменениях в проекте несомненно останется то, что в нем особенно ценно,—это не-

разрывная органическая связь со всей системой нашего социалистического права, это революционная действенность, революционная целесообразность, слитая с революционной законностью, крепнущей в жизни нашей цветущей и мощной социалистической родины и выраженной в кованных молотом революции определениях сталинской Конституции.

А. ШЛЯПОЧНИКОВ

Приготовление и покушение на преступление в советском уголовном праве

В свете новой сталинской Конституции и вытекающих из нее требований большей, чем когда-либо, стабильности советских законов приобретает особое значение разработка институтов социалистического права, в том числе и уголовного.

Советское уголовное право, основой которого является охрана и укрепление общественной, социалистической собственности, как право социалистическое, и по своему содержанию и по форме, принципиально отлично от уголовного права буржуазного общества. Это отличие проходит красной нитью через всю систему советского уголовного права. В противоположность господствующему буржуазному определению преступления как действия, запрещенного законом под угрозой наказания, определению, затушевывающему классовую сущность преступлений, советский уголовный закон дает определение преступления по существу (так называемое материальное определение преступления). Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятые в 1924 г., определяли преступления как общественно-опасные действия, подрывающие власть трудящихся или нарушающие установленный ею правопорядок. Исключительно четкое определение преступления как общественно-опасного действия, включая в это понятие противоправность преступления, дает последний проект кодекса Союза ССР: «Преступлением признается всякое, предусмотренное настоящим кодексом действие или бездействие, направленное против социалистического государства, препятствующее социалистическому строительству, дезорганизующее социалистический правопорядок или нарушающее неприкосновенность личности и права граждан» (ст. 5). Понятие противоправности преступления как действия, нарушающего советский закон, нами и ранее подразумевалось составной частью материального понятия преступления. Но впервые это понятие со всей определенностью подчеркивается в нашем уголовном законодательстве указанием на то, что только предусмотренное Уголовным кодексом действие или бездействие может рассматриваться как преступление. Это имеет для нас особую важность потому, что представляет существенный принцип развертывания социалистического демократизма в суде.

В связи с этим особое значение приобретают возникающие повседневно в практике борьбы с преступлениями такие вопросы, как соучастие, приготовление и покушение и подобные им, теоретической разработкой которых мы до сих пор почти не занимались, явно недооценивая их актуальность и важность для судебной практики.

В рамках настоящей статьи мы хотим остановиться на вопросе о покушении и приготовлении, иначе говоря, на вопросе о стадиях преступной деятельности. Буржуазная теория различает обычно: 1) обнаружение умысла, 2) приготовление, 3) покушение (неоконченное и оконченное), 4) оконченное преступление. Как правило, в большинстве западноевропейских буржуазных государств как обнаружение умысла, так и приготовление, если оно не носило характера самостоятельно-наказуемого деликта, формально не влечет применения мер уголовного наказания. Однако многочисленные отступления от этого принципа делают наказуемым на деле не только приготовление, но и обнаружение умысла к совершению наиболее опасных для буржуазии преступлений, в первую очередь преступлений государственных.

Как правило, очень тщательно различаются в буржуазном уголовном праве покушение и оконченное преступление. Покушение влечет более мягкое наказание по сравнению с оконченным преступлением (например, в русском дореволюционном праве при покушении наказание могло быть понижено до 4 степеней).

Такое формальное разграничение наказуемости покушения и оконченного преступления вытекает из буржуазного формального подхода к преступлению.

Рассматривая преступление с точки зрения его опасности для интересов пролетарского государства, советское уголовное право при рассмотрении различных стадий преступления исходит из принципа общественной (классовой) их опасности. При этом нужно иметь в виду, что принцип общественной (классовой) опасности понимается в нашем праве как диалектическое единство опасности преступления и лица, его совершившего, учитывая этим самым степень его виновности.

Обнаружение умысла, поскольку оно не вывилось в конкретных действиях, выражающих приготовление к совершению преступле-

ния или непосредственно связанных с началом его исполнения, как правило, не наказуемо по советскому уголовному праву.

Как действующее советское уголовное законодательство, так и проект УК Союза ССР, исходя из принципа общественной опасности преступлений, не устанавливают принципиального различия стадий преступления (приготовление, покушение, оконченное преступление). Уже в Руководящих началах по уголовному праву 1919 г., в которых, хотя и проводилось различие между приготовлением, покушением и оконченным преступлением, указывалось, что «стадия осуществления преступного намерения совершающего преступление сама по себе не влияет на меру репрессии, которая определяется степенью опасности преступника» (ст. 20).

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. проводит последовательно эту же точку зрения в отношении покушения и оконченного преступления. «Покушение на какое-либо преступление карается как совершенное преступление...» (ст. 14). Однако при этом УК РСФСР 1922 г. выделяет приготовление к преступлению, объявляя его ненаказуемым, за исключением тех случаев, когда «оно само по себе является наказуемым действием» (ст. 12). В соответствии с изменением в 1923 г. редакции этой статьи при признании этих лиц, приготовлявшихся к преступлению, социально-опасными, суду предоставлялось факультативное право применения к ним мер социальной защиты.

«Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» говорят о начале и не доведенном до конца преступлении, не упоминая совершенно о приготовлении: «Если, начатое преступление не было доведено до конца, то есть если преступный результат по каким-либо причинам не наступил, то суд при выборе меры социальной защиты, назначенной уголовным законом за данный вид преступления, руководствуется степенью опасности лица, совершившего преступление, и степенью осуществления преступного намерения» (ст. 11). И здесь не устанавливается обязательного для суда различия между оконченным преступлением и только начатым.

Истолковывая термин «начатое преступление», Верховный суд Союза ССР 7 мая 1928 г. разъяснил, что речь идет о всяких подготовительных действиях к преступлению¹.

Ст. 19 действующего Уголовного кодекса РСФСР прямо говорит о том, что «покушение на какое-либо преступление, а равно и приготовительные к преступлению действия, выражающиеся в приспосабливании или в приспособлении орудий и средств и создании условий преступления, преследуются так же, как и совершенное преступление...»

Этим устанавливается принципиально одинаковый подход ко всем стадиям преступления, в основе которого лежит оценка степени фактической опасности преступника, а не формальное разграничение стадий его преступной деятельности.

В соответствии с указанием ст. 19 УК

¹ См. постановление 20 пленума Верховного суда Союза ССР от 7 мая 1928 г., утвержденное Президиумом ЦИК Союза ССР от 31 октября 1928 г.

РСФСР при выборе наказания суд «должен руководствоваться степенью опасности лица, совершившего покушение или приготовление, подготовленности преступления и близости наступления его последствий, а также рассмотрением причин, в силу которых преступление не было доведено до конца». Как правильно было уже указано в нашей литературе¹, ссылка на «близость наступления последствий» представляет крайне неустойчивое основание для применения наказания. Все же остальные моменты, указанные в ст. 19 УК РСФСР, степень опасности лица и подготовленности преступления, несомненно, должны быть положены в основу применения наказания по конкретному делу.

Ст. 12 проекта Уголовного кодекса Союза ССР 1936 г. таким образом характеризует покушение и приготовление к преступлению и их наказуемость:

«Ст. 12. «Покушение и приготовление к преступлению». Уголовная ответственность за покушение или приготовление к преступлению устанавливается по тем же статьям Особенной части Уголовного кодекса, как за оконченное преступление.

При определении ответственности за покушение или приготовление к преступлению суд должен учитывать степень опасности лица, совершившего эти действия, степень опасности и подготовленности преступления, а также причины, в силу которых преступление не было доведено до конца.

При добровольном отказе от осуществления преступления наказуемы лишь те совершенные действия, которые сами по себе являются преступными».

Таким образом и здесь проведен принцип принципиально-одинакового подхода, как к оконченному, так и к начатому преступлению. Однако это вовсе не означает, как вывод из изложенного, что практически разграничение стадий преступной деятельности при оценке опасности преступника не существенно и не играет никакой роли.

Вот почему в ст. 12 проекта УК СССР и подчеркивается, что уголовная ответственность за покушение или приготовление к преступлению устанавливается «по тем же статьям Особенной части Уголовного кодекса, как за оконченное преступление».

Это более совершенная формулировка, чем та, которую дает нам ст. 19 УК РСФСР.

К сожалению, до сих пор в нашей уголовно-правовой литературе подчеркивался «только принцип одинакового подхода к начатому и оконченному преступлению, критиковалась формальная буржуазная точка зрения разграничения стадий преступления, но совершенно упускалась из виду другая сторона — реальное значение стадий преступления для оценки действительной степени опасности данного лица, его виновности.

Разрешение вопроса о стадиях преступления в советском уголовном праве отнюдь не должно базироваться исключительно на опасности личности преступника в отрыве от совершенных им действий. Такая точка зрения, для которой преступление должно являться толь-

¹ См. Волков, Классовая природа преступлений и советское уголовное право, М., 1935, стр. 221.

ко «симптомом» опасности преступника, усиленно культивировалась одно время под влиянием ревизионистской теории Пашуканиса и отражения идей буржуазно-социологической школы в нашей уголовно-правовой литературе. Эта точка зрения нашла свое прямое выражение в проекте УК ИССП Комакадемии 1930 г. В ст. 17 проекта УК ИССП 1930 г. указывалось, что «все виды подготовительных к преступлению действий рассматриваются судом на тех же основаниях, что и совершенное преступление. Суд обязан при определении мер воздействия исходить от степени выявившейся опасности привлекаемых лиц, а не от степени подготовленности преступления». Здесь прямо противопоставляются друг другу принцип оценки опасности лица и степени подготовленности преступления. Эта типичная для буржуазной реакционной социологической школы уголовного права точка зрения ничего общего с марксизмом не имеет.

Неправильна также сделанная г. Волковым попытка рассматривать наше уголовное законодательство по вопросу о стадиях преступления, как содержащее «и здесь элементы буржуазной уголовно-правовой формы, но тем не менее строя и этот институт по-своему»¹.

Признание наличия в советском уголовном праве элементов буржуазной правовой формы является отражением влияния вредительской «теории» Пашуканиса, отрицавшей социалистический характер советского права.

Ряд ранее существовавших институтов уголовного права, в том числе и вопрос о стадиях преступления, подобные которым мы находим в нашем советском уголовном праве, меняют свое содержание и форму, как институты социалистического права, становясь принципиально отличными от аналогичных, казалось бы, институтов уголовного права эксплуататорских государств.

Глубокое диалектическое понимание взаимосвязи и единства опасности лица и совершенных им поступков принципиально отличает советскую уголовно-правовую теорию и законодательство от буржуазных школ уголовного права, пытающихся выхолостить классовое содержание преступления и мер борьбы с ним.

Не случайно и «Основы уголовного законодательства Союза ССР», и УК РСФСР, и проект УК Союза ССР указывают в той или иной форме на необходимость учета судом при определении наказания степени осуществления преступного умысла. Если «Основы» говорят о «степени осуществления преступного намерения», то ст. 19 УК РСФСР указывает на необходимость учета степени «подготовленности преступления и близости наступления его последствий». Очень важную роль при этом играет изучение причин, в силу которых преступление не было доведено до конца. Это подчеркивается как в действующем законодательстве, так и в проекте УК СССР.

Таким образом принципиально одинаковый подход к начатому и оконченному преступлению отнюдь не означает отказ от дифференциации мер наказания в зависимости от степени виновности преступника в каждом от-

дельном случае. В отличие от буржуазного суда советский суд не связан формальным моментом — степенью осуществления преступления, но именно это обеспечивает индивидуализацию репрессии, обоснованной в каждом конкретном случае степенью опасности самого преступника и совершенного им преступления.

Рассмотрение причин, в силу которых преступление не было доведено до конца, имеет еще и то особое значение, что добровольный отказ лица, намеревавшегося совершить преступление, от его совершения делает действия его не наказуемыми в тех случаях, когда они сами по себе, независимо от задуманного преступления, не являлись преступными. И действующее уголовное законодательство и проект УК Союза ССР стоят на этой точке зрения. Между тем, в судебной практике требования ст. 19 УК РСФСР и соответствующих статей союзных республик об отказе от уголовного преследования добровольно оставленного приготовления или покушения не всегда выполняются. Нет никакой необходимости привлекать к уголовной ответственности и наказывать лицо, добровольно отказавшееся от доведения до конца задуманного преступления, если совершенные им при этом в стадии подготовки действия не являлись сами по себе преступлением.

Подчеркивая ненаказуемость совершенных действий при добровольном отказе от осуществления преступления, как действующее законодательство, так и проект УК СССР не проводят различия между приготовлением и покушением. Однако признать ненаказуемым при добровольном отказе можно только неоконченное покушение. Покушение окончено должно влечь за собой уголовное преследование, хотя бы покушавшийся отказался от мысли повторить попытку осуществления своего преступного намерения. Приведем два конкретных примера. Иванов, желая отомстить Петрову, прячется в засаде с винтовкой, поджидая его возвращения с работы. Заметив идущего по дороге Петрова, Иванов прицелился в него, но не спустил курок, испугавшись в последнюю минуту ответственности. Представим себе другой вариант. Иванов выстрелил в Петрова, но не попал в него, прострелив край его пальто; неудача так на него подействовала, что он отказался от попытки в дальнейшем осуществить свое намерение.

В первом варианте мы имеем покушение неоконченное, во втором — оконченное. Действия Иванова в первом случае не могут являться основанием для возбуждения против него уголовного преследования, хотя вопрос о его социальной опасности может быть поставлен в порядке ст. 22 «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». Во втором случае уголовное преследование обязательно.

В заключение мы хотим остановиться на наказуемости приготовления к преступлению, не доведенного до конца по причинам, от преступника не зависящим. Как мы выше указывали, подготовительная деятельность, направленная на совершение преступления (как приготовление, так и покушение), влечет за собой уголовную ответственность по тем же уголовным законам, что и оконченное преступление. Однако это отнюдь не означает, что

¹ См. Г. И. Волков, Классовая природа преступлений и советское уголовное право, стр. 218.

всякое приготовление к преступлению обязательно должно влечь уголовную ответственность. Совершенно очевидно, что, исходя из статьи 6¹ «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» и примечания к ст. 6 УК РСФСР и соответствующих статей УК союзных республик, далеко не всякое приготовление к преступлению должно наказываться, поскольку вредные последствия не наступили и, следовательно, нужно решить вопрос о степени опасности совершенных действий.

Поэтому мы не можем согласиться с мнением т. Н. В. Крыленко, высказанным им в своем докладе на 2 сессии ВЦИК XII созыва в 1925 г., об обязательной наказуемости приготовления к преступлению. «Исходя из идеи борьбы с опасностью, которую представляет данное социальное лицо, — говорил т. Крыленко, — нам совершенно все равно, успело оно или не успело совершить те или другие действия — это разберет суд и определит, какие меры нужно принять. Но подлежать ответственности люди, подготавливающие преступление, должны всегда». Эта точка зрения разрывает диалектическое единство опасности лица и совершенных им действий. Больше того, нам думается, что было бы целесообразным ограничить в законодательном порядке наказуемость приготовления к преступлению, не осуществившемуся по независящим от преступника обстоятельствам, пре-

ступлениями государственными. Важность государственных интересов требует, чтобы ни один случай приготовления к государственному преступлению, не осуществившемуся по обстоятельствам, от преступника не зависящим, не оставался безнаказанным.

Во всех остальных случаях приготовление к преступлению может быть наказуемо только тогда, если оно составляло самостоятельный деликт. Конечно, практически очень часто представляет большую трудность провести водораздел между приготовлением и покушением. Принятый в буржуазной теории принцип «начало исполнения» не всегда оказывается для этого пригодным. Однако, оценивая все собранные следствием доказательства, можно в каждом конкретном деле установить совершенно отчетливо, на какой стадии находилось осуществление преступления. Одна эта трудность не может явиться препятствием к отказу от уголовного преследования всякого приготовления к преступлению, если нет иных соображений принципиального характера. А таких мы со своей стороны не находим. Наоборот, в свете новой сталинской Конституции мы должны усилить борьбу за максимальную рационализацию нашей судебной политики, исключая из ее поля действия такие незначительные нарушения социалистической законности, преодоление которых возможно мерами общественно-воспитательного и административного характера.

Н. АЛЕКСАНДРОВ

Против антипартийных извращений в понимании категории советского трудового права¹

Газета «Правда» (см. статью т. Юдина в № 20 (6986) от 20 января 1937 г. «Против тупицы, пошлости и ревизионизма») безусловно правильно охарактеризовала правовой участок теоретического фронта, как участок издана засоренной антимарксистской лжеучастностью, выдаваемой за марксизм.

Кое-кто считал, как известно, Е. Пашуканиса «главным теоретиком» в области права, хотя Пашуканис в действительности являлся «основоположником» вульгаризации и искажений в области права.

Учившиеся по «трудам» этого «главного теоретика» молодые научные кадры засорили свои мозги наукообразной пошлостью, путаницей и ревизионизмом и зачастую становились проводниками антиленинских концепций Пашуканиса в вопросах теории права.

Своеобразная «рапповщина», претензии руководства Института государственного права Академии наук беспартийно выдавать свои установки за установки партии, немедленное приклеивание ярлыков всякому высту-

павшему с иной точкой зрения — все это углубляло и умножало антипартийные извращения в различных областях теории права.

Отрицание возможности построения системы советского социалистического права составляло один из краеугольных камней вредительской, меньшевистской «теории» Пашуканиса. По той же «системе», которая фактически лежала в основе выпускаемых возглавляемым Пашуканисом Институтом советского строительства и права программ и учебников по советскому праву, правовая организация труда рабочих и правовая организация труда колхозников оказывались в двух различных отраслях права. Причем первая отождествлялась с категорией советского трудового права в целом, вторая же рассматривалась только отдельно — в земельно-колхозном праве.

Это нашло свое яркое выражение в выпущенных ИССП Комакадемии программах по трудовому праву (автор проф. Войтинский) и по земельно-колхозному праву (автор проф. Павлов).

Проф. Войтинский весь курс советского трудового права сводит к рассмотрению правового регулирования труда рабочих и служащих.

¹ Вопросы системы советского социалистического трудового права будут освещены нами в отдельной статье.

В этой программе проф. И. Войтинский категорично выдвигает следующее определение:

«Советское трудовое право, как особая форма политики пролетарской диктатуры в области труда рабочих и служащих» (подчеркнуто мной. — Н. А.)¹. Далее же в этой программе мы читаем следующее определение сферы действия трудового права: «Труд рабочих и служащих, как сфера действия трудового права»².

Проф. Павлов в программе по земельно-колхозному праву, уделяя место организации и оплате труда колхозников, однако категорически подчеркивает недопустимость рассматривать колхозный труд в сфере советского трудового права.

Институт советского строительства и права не ограничился изданием одной программы. Им же выпущен учебник по советскому трудовому праву проф. З. Гришина.

В основу этого учебника З. Гришин кладет следующее определение советского социалистического трудового права: «Советское социалистическое трудовое право является формой политики пролетарского государства в области регулирования и социалистической организации труда рабочих и служащих»³ (разрядка автора). Далее в учебнике З. Гришина следует целый раздел, так и озаглавленный: «Неприменимость советского трудового права в колхозах»⁴. В этом разделе своего учебника З. Гришин попытки рассматривать отношения внутриколхозной организации труда как отношения трудового права безапелляционно объявляет чуть ли не троцкизмом⁵.

В служившей также до сих пор одним из основных пособий для юридических вузов статье проф. Войтинского «К 15-летию советского трудового права» утверждалось следующее: «Наше трудовое право — орудие регулирования труда рабочих и служащих как в социалистическом секторе, так и в секторе частного-хозяйственном, в той сфере найма рабочей силы, которая сокращалась и сокращается с каждой новой победой социализма»⁶.

В своей статье «Сталинская Конституция и трудовое право» (подготовленной к печати в № 6 «Советское государство» за 1936 г.) я также исходил из этого грубо ошибочного понимания трудового права как правовой организации труда рабочих и служащих.

В соответствии с этим пониманием трудового права, указав в начале статьи, что «Сталинская Конституция, разумеется, служит основой не только правовой организации труда рабочих и служащих, но и основой внутриколхозной организации труда, учитывающей особенности кооперативно-колхозной формы социалистической собственности», я, однако, все дальнейшее содержание статьи построил на рассмотрении закрепленных сталинской

Конституцией трудовых прав в применении к рабочим и служащим, не сопоставляя это с практическими особенностями осуществления этих же прав в колхозах.

В этой статье я несколько раз подчеркнул то ошибочное положение, что сферой действия социалистического трудового права является якобы только труд рабочих и служащих, а рассмотрением применения принципов Конституции во внутриколхозном регулировании труда должны заниматься представители другой отрасли права — аграрники-юристы.

В помещенном в газете «Правда» 20 января с. г. обзоре т. Юдина журнала «Советское государство» за 1936 г. указанная моя статья получила правильную оценку, как статья, носящая антипартийный характер вследствие юридического кретинизма в разработке темы статьи.

Почему узкое понимание категории трудового права, т. е. в смысле правовой организации труда рабочих и служащих, является юридическим кретинизмом?

Потому, что только следуя доведенной до юридического кретинизма формально-юридической логике, можно отождествлять сферу действия трудового права со сферой действия Трудового кодекса и делать отсюда вывод: раз Кодекс законов о труде распространяется только на рабочих и служащих, то, значит, сфера действия советского трудового права ограничивается трудовыми отношениями рабочих и служащих.

Только такая «логика» может приводить к противоречащему здравому смыслу выводу о том, что правовая организация колхозного труда должна рассматриваться обязательно отдельно, вне предмета трудового права.

Почему отождествление сферы действия трудового права с сферой действия КЗоТ является по сути дела антипартийным?

Потому, что оно затуманивает единство социалистических принципов организации труда в советских государственных предприятиях и колхозах.

Изложение самых основных принципов организации социалистического труда раздельно — в одной литературе, программе и т. д. для рабочих, в другой — для колхозников, противоречит тому основному положению, что, несмотря на все различия, особенности, обусловленные различием государственной и кооперативно-колхозной форм социалистической собственности, — труд рабочих и колхозников основан на одних и тех же принципах социалистического труда.

Понимание категории советского трудового права только в смысле правовой организации труда рабочих и служащих является прямым следствием антиленинской концепции Пашуканиса и его «школы» о советском праве как праве буржуазном. Именно в буржуазном государстве капиталистическое правовое регулирование труда, имеющее задачи эксплуатации наемного труда, охватывает сферой своего действия труд рабочих и служащих, превращенных там в наемных рабов капитала.

Будет уместно вспомнить, что в литературе по советскому трудовому праву имели отражение по сути дела меньшевистские попытки изобразить социалистический труд как однотипную с капиталистическим разновидность «независимого» труда. Одним из таких

¹ И. Войтинский, Программа по трудовому праву, 1934, стр. 13.

² Там же, стр. 21.

³ З. Гришин, Советское трудовое право, 1936, стр. 25.

⁴ Там же, стр. 31.

⁵ Там же, стр. 32.

⁶ «Советское государство», 1932, № 9—10, стр. 107.

отражений является следующее положение И. С. Войтинского.

«При наемно-капиталистическом труде и при труде социалистическом, — писал И. С. Войтинский, — отдельный непосредственный производитель (трудящийся) является только рабочей силой (подчеркнуто автором), но не является ни владельцем средств производства, ни организатором производства: при наемно-капиталистическом труде средствами производства владеют и производство организуют капиталисты, а при социалистическом труде — общество трудящихся. В этом смысле как наемно-капиталистический труд, так и труд социалистический одинаково носят характер труда несамостоятельного»¹.

Правовики, критиковавшие эти попытки изобразить советское трудовое право, как правовую форму наемного, «несамостоятельного» труда, все же оставались на позициях буржуазной систематики советского права. Поэтому, указывая, что предметом советского трудового права является, в корне отличная от капиталистической, социалистическая организация труда рабочих и служащих, мы, по сути дела, не выходим из исторических рамок наемного труда и социалистическую организацию труда колхозного крестьянства отделяли в отрасль специального колхозного права.

Порывая с юридическим кретинизмом в понимании категории советского социалистического трудового права, мы должны видеть предмет советского социалистического трудового права в регулировании и организации труда граждан СССР.

В условиях победившего социализма в основе этого регулирования лежат принципы социализма, закрепленные в Сталинской Конституции: труд, как обязанность и долг чести каждого работоспособного гражданина по формуле: «кто не работает, тот не ест», право на труд и оплату по труду, право на отдых, право на материальное обеспечение в старости и в случаях утраты способности к труду, обязанность блюсти дисциплину труда и т. д.

Трудовое право социалистического общества есть единая система гражданских прав и обязанностей, связанных с участием в социалистическом труде.

Поэтому советское социалистическое трудовое право есть часть социалистического гражданского права вообще.

Социалистические принципы организации труда едины. Они охватывают всю социалистическую организацию труда как там, где труд связан с государственной формой социалистической собственности (труд рабочих), так и там, где труд связан с кооперативно-колхозной формой социалистической собственности.

Эти общие принципы социалистической организации труда находят различное практическое преломление в государственных и кооперативно-колхозных предприятиях.

Единство принципов социалистической организации труда не снимает, а, наоборот, предполагает различия в конкретных формах пра-

вового регулирования труда в зависимости от того, с какой из двух форм социалистической собственности связан труд.

Из различных государственной и кооперативно-колхозной форм социалистической собственности вытекают различия в формах гарантии отдельных трудовых прав (например, социальное страхование рабочих и служащих, в одном случае, и создаваемые по решению общих собраний колхозов фонды помощи нетрудоспособным, в другом).

Важным моментом являются различия в методах регулирования труда:

«На государственных предприятиях организация труда определяется государственными органами, конечно, при содействии всех рабочих, при помощи их организации, при их активном участии.

А как дело обстоит в колхозах? Тут организацию труда определяют сами колхозники на основе примерного устава сельхозартели, который принят и принимается добровольно всеми колхозниками»¹.

Правовая организация труда в государственных предприятиях осуществляется госорганами на основе КЗоТ и дополняющего его трудового законодательства. Правовая организация колхозного труда осуществляется на основе Устава с.х. артели актами внутриколхозного регулирования, при этом надо иметь в виду, что Примерный устав является законом социалистического государства.

Правовая организация труда рабочих и правовая организация труда членов колхозов и кооперативных объединений отнюдь не механически, а органически образуют единую систему советского социалистического трудового права.

На вопросах системы трудового права, как это указано в начале статьи, мы остановимся в специальной статье. Здесь же мы считаем необходимым остановиться еще на том, что в теории советского трудового права нашла свое отражение и антиленинская концепция Пашуканиса и его «школки» об отмирании права чуть ли не с 1917 года. Так, в тезисах З. Гришина, утвержденных возглавляемым Пашуканисом директором Института советского строительства и права в 1931 г., мы читаем следующее: «Характерная черта развития трудовых отношений в социалистическом секторе ярко проявляется на нынешнем этапе в том, что элементы отмирания государственного правового регулирования труда неразрывно связаны с укреплением единоначалия и т. д.»² (подчеркнуто мной. — Н. А.). В работах проф. Войтинского мы находим следующее обоснование антиленинского тезиса об отмирании советского права со специфической «аргументацией» в отношении советского трудового права. Проф. Войтинский пишет: «Социалистическое соревнование и ударничество, будучи в перспективе своего развития ориентированы на отмирание трудового права, уже в настоящее время содействуют постепенному выветриванию, свертыванию право-

¹ А. Стецкий, О ликвидации классов в СССР, «Большевик», 1936, № 11, стр. 23.

² Сборник «Советское трудовое право на новом этапе», 1931, стр. 88.

¹ Войтинский, Трудовое право СССР, 1925, стр. 10.

вой формы трудовых отношений»¹ (разрядка автора).

Подлинная история советского социалистического трудового права, разумеется, не имеет ничего общего с приведенными антипартийными утверждениями З. Гришина и Войтинского, отражающими антиленинскую концепцию Пашуканиса об отрицании права.

Советское социалистическое трудовое право, организуя проведение в жизнь социалистических принципов организации труда, в действительности неизменно способствовало развитию

социалистического соревнования, подъему его на высшую ступень — к стахановскому движению, закрепляло достижения соревнующихся, подтягивая отстающих к уровню передовых. Пересмотр нормы выработки на фабриках и заводах и в порядке внутриколхозного регулирования труда в колхозах на основе результатов стахановского движения является одним из ярких примеров характерного для социалистической организации труда сочетания социалистического соревнования с методами правового регулирования.

М. ЧЕЛЬЦОВ

Возбуждение уголовного преследования и процессуальное положение следователя²

1.

Приходится начать с терминологического замечания. Действующий УПК говорит не о возбуждении уголовного преследования, а о возбуждении производства по уголовному делу или (ст. 91) о возбуждении уголовного дела.

Однако оба термина не имеют юридических отличий. В нашей официальной и теоретической литературе они употребляются безразлично в одном и том же смысле. Циркуляр НКЮ РСФСР 1929 г. «Об упрощении уголовного процесса» говорил об оформлении «возбуждения уголовного преследования». Резолюция всесоюзного совещания работников юстиции (апрель 1934 г.) и изданный в развитие решений этого совещания циркуляр Прокурора СССР 13/VIII говорят о «возбуждении уголовного дела и начале расследования». Авторы, пишущие об этом моменте, охотно употребляют, как более выразительный, термин — «возбуждение уголовного преследования»³. Мы также предпочитаем этот последний термин, понимая под ним преследование не только индивидуально-определенного уже обвиняемого, но и неизвестного еще в момент возбуждения при наличии возможности определения его в будущем.

2.

Таким пониманием мы сразу и решительно отгораживаемся от понятия «возбуждения уголовного иска» (*La mise en mouvement de l'action publique* французского процессуального кодекса), охотно употреблявшегося старыми авторами⁴. В другом месте я подробно аргументировал против введения в теорию процесса понятия уголовного иска («Советский

уголовный процесс», т. II, 1929, стр. 44—46). Здесь достаточно будет указать, что за редкими исключениями (ст. 10 и 11 УПК РСФСР) обвинение является обязанностью, а не правом определенных государственных органов. И их длительная планомерная деятельность, направленная на отыскание преступника и его изобличение перед судом, конечно, не укладывается в понятие «предъявление иска», а является уголовным преследованием.

Сам Фойницкий должен был подчеркнуть, как отличие уголовного обвинения от иска, «сближение деятельности по первоначальному обвинению с деятельностью по пресечению преступлений». «Обвинение, начиная судебное производство, заканчивает производство по пресечению преступлений, последний акт которого оно составляет. Естественно поэтому, что существующая в данной стране система пресечения преступлений оказывает решительное влияние и на систему обвинения, преимущественно первоначального, определяя ее организацию и степень возможной для нее энергии деятельности»⁵. Сторонники понимания процесса как юридического отношения между судом и сторонами, говоря об этой стадии процесса, наименее поддающейся укладыванию в Прокрустово ложе «юридического отношения», сокрушенно подчеркивают, что «положительное право... часто в той или иной стадии процесса конструирует последний, как одностороннюю деятельность должностных органов, близкую к деятельности административной и даже полицейской и устраняющую определенное и полное участие в ней сторон»⁶.

Критикуя в своем курсе теорию процесса как юридического отношения, я подчеркивал,

личных определений у Полянского. Очерки общей теории уголовного процесса, стр. 116, сл.

¹ Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. II, стр. 9.

² Розин, Уголовное судопроизводство, 3-е изд., стр. 447. Автор тут же должен, впрочем, признать, что это обстоятельство обусловливается и «самой материей, с которой имеет дело уголовное правосудие».

¹ Сборник «Советское трудовое право на новом этапе», 1931, стр. 57.

² В порядке обсуждения. — Редакция.

³ Например, С. Голунский, О возбуждении уголовного преследования («Социалистическая законность», 1936, № 2).

⁴ См., например, Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. II, стр. 2, сл. Гольмстен в «Журн. министерства юстиции», 1916, № 9, стр. 305—307. См. анализ раз-

что ее чрезмерная юридизация процессуальных действий имела определенное правно-политическое значение, служа интересам раскрепощения буржуазии в царской России, где суд был в руках класса, тяготеющего к феодальным порядкам. Я указывал также, что мы не можем принять теорию, игнорирующую, как аномалии, такие стадии процесса, как предварительное следствие, не построенное у нас на принципе состязательности¹.

Уголовный процесс по своему содержанию всегда был и останется одной из форм напряженной борьбы государственной власти за правопорядок с его нарушителями. Согласно ироническому замечанию наиболее яркого противника конструкции «юридического отношения» профессора Ваха по адресу его автора Бюдова, уголовный процесс «не теоретико-познавательная, а практическая операция». И никакая теория не может скрыть специфической особенности уголовного процесса. Личность обвиняемого неизбежно является в нем объектом исследования — в отношении физическом и психическом; отсюда — ряд весьма существенных ограничений его прав как гражданина и субъекта процесса (стороны).

Исходя из такого понимания процесса, мы с особой тщательностью должны изучить все вопросы, относящиеся к его начальному моменту. Ведь с этого момента ряд советских граждан может быть втянут в сложную цепь правовых отношений, подвергаться различным и иногда весьма существенным ограничениям.

Новая Конституция СССР, требующая строгого соблюдения всех прав граждан Союза, обязывает работников прокурорско-следственного аппарата к особо осторожному применению своих широких полномочий, а советскую теорию — к вдумчивому систематическому пересмотру всех положений советского уголовного процесса в свете провозглашенных сталинской Конституцией принципов.

3.

С точки зрения организационного построения наш следственный аппарат является частью аппарата прокуратуры. В нынешнем положении о судоустройстве советский законодатель полностью покончил с системой «двойного подчинения» следователя, принятой в 1922 г., при которой все спорные вопросы, а также жалобы на следователя разрешались судом, и которая воспроизводила построение следственного аппарата царской России. Наш следователь есть работник прокуратуры, вполне ей подчиненный.

Таким образом у нас не может быть речи об основном принципе французского предварительного производства — разделении полномочий прокурора и следователя, из которых лишь первому принадлежит исключительное

¹ Курс II, № 113 и 114. Мимоходом отмечу pro domo mea: проф. Ундревич с непонятым упорством продолжает зачислять меня в ряды сторонников теории юридического отношения (А. Вышинский и В. Ундревич, Курс уголовного процесса, т. I, изд. 2, стр. 61), хотя эту явную его ошибку уже осветил в литературе проф. Строгович («Проблемы уголовного процесса» в сборнике «Проблемы уголовной политики», вып. II, стр. 60).

право возбуждения и ведения преследования, а второму — также исключительное право совершать следственные действия¹.

Наш следователь — не следственный судья типа французского процесса, не имеющий права без предположения представителя обвинительной власти — прокурора — приступить к следствию, но имеющий зато право отклонять те или иные требования этого прокурора. Наоборот, следователь может по собственной инициативе начать следствие; указания же прокурора для него обязательны.

С этой точки зрения можно говорить о том, что у нас все предварительное производство построено, как прокурорское расследование (или по старому выражению — прокурорское дознание).

И это, конечно, налагает особый отпечаток на всю работу следователя, делая ее исключительно трудной.

В большинстве случаев именно следователю приходится начинать дело с разрешения вопроса, входящего в компетенцию органа обвинительной власти: есть ли достаточное основание для возбуждения уголовного производства. Далее, на нем лежит совершение целого ряда активных розыскных действий (осмотров, обысков, выемок). На него же возложена задача собрать данные, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его вину, и он же, выполняя функции судьи, делает оценку собранных им же самим доказательств как при вынесении постановления об арестах, обысках, привлечении обвиняемых, так и при решении по окончании следствия вопроса о его направлении на прекращение или с обвинительным заключением. В этом последнем случае следователь превращается опять в орган обвинительной власти, группируя собранные улики, освещая их под определенным углом зрения, формулируя обвинение. О характере этой работы очень четко говорит выше цитированный циркуляр Прокурора СССР 1934 г. о качестве расследования: «Обвинительное заключение должно быть составлено таким образом, чтобы из него была ясна несостоятельность оправданий обвиняемого и чтобы резолютивная часть с формулировкой обвинения являлась строго обоснованным логическим выводом из положений описательной части».

¹ Un requiert, tandis que l'autre ordonne toutes les mesures propres à la découverte de la vérité, говорит Garraud Précis de droit criminel Bd N 394.

Этот принцип, который должен был гарантировать права граждан от увлечений обвинительной власти, провозглашен еще законом 7 плювиоза IX года республики и перешел затем в процессуальный кодекс 1908 г.

Тов. Вышинский в речи на совещании с районными следователями 29 мая 1936 г. говорил об «известной самостоятельности» следователя. Однако сейчас же пояснил: «Несмотря на то, что следователь является фигурой, ведущей работу в специфическом направлении, прокурор осуществляет руководство этой работой... Я настаиваю, что руководителем следователя в его работе является и будет являться прокурор («Соц. законность», 1936, № 7, стр. 82).

О психологической трудности сочетания в деятельности следователя указанных моментов, принятия во внимание двух противоположных точек зрения (обвинения и защиты), много писалось в нашей дореволюционной литературе — применительно к судебному следователю по Уставу уголовного судопроизводства. «Созданное законом положение следователя психологически фальшиво, говорил, например, Даневский. Очень трудно в деле, исследуемом по отношению к определенному лицу, одновременно сосредоточить внимание, равномерно напряженное на двух различных сторонах дела; не легко составить себе две противоположные точки зрения, которые находились бы в состоянии равновесия и проверялись бы следователем с одинаковой ревностью, убежденностью и силой логического мышления»¹.

Превалирование обвинительно-розыскных тенденций в работе следователя наблюдается в ряде случаев и в настоящее время. Характерна, хотя и безупречна с точки зрения советской теории процес. права, в этом отношении установка т. Крыленко: «Секретный розыск, как акт первичного расследования, секретно проводимого органами НКВД, дознание, как совокупность первичных действий, производимых по горячим следам органами того же комиссариата, уже не секретно, а активно, и предварительное следствие, как квалифицированный вид систематического производимого расследования — суть лишь три различных вида единого по своему существу процесса»². Розыскной характер следствия подчеркивал и т. Вышинский³. В резолюции V съезда работников юстиции РСФСР устанавливалось соответствующее организационное построение: «Следственно-розыскные органы, подготавливающие материал для судебного рассмотрения, должны в своей деятельности организационно быть частями единого следственно-розыскного аппарата».

Резкий обвинительный уклон предварительного расследования удостоверялся авторитетными органами и лицами на протяжении десятилетия. Так, отмечался он в отчете Прокуратуры РСФСР за 1926 г. т. Стучкой в тезисах по реформе УПК в 1928 г.⁴ Наконец, в уже цитированном циркуляре Прокурора СССР 13/VIII 1934 г. говорится о «недостаточно ответственном подходе к вопросу о возбуждении уголовного дела», о «привлечении граждан к уголовной ответственности по весьма шатким основаниям», о несоблюдении следователем «процессуального правила (ст. 206 УПК РСФСР), обеспечивающего максимальную полноту и объективность расследования и в то же время охраняющего права обвиняемого», об «игнорировании в обвинительных заключениях объяснений обвиняемых», о загромождении обвинительных заключений «ни на чем не основанными догадками»⁵.

¹ В. Даневский. Наше предварительное следствие, 1895, стр. 10.

² «Суд и право в СССР», т. II, стр. 46.

³ «Уголовный процесс», 1927, стр. 152—153.

⁴ «Революция права», 1928, кн. I.

⁵ На совещании народных следователей в Прокуратуре СССР осенью 1936 г. т. Вышинский подчеркнул в своем выступлении тот же момент. «Нам приходится бороться не только

Но если все эти явления и существовали в течение десятилетия, то теперь, после принятия новой Конституции они не должны больше иметь места. Отсюда возникает вопрос о самих принципах построения расследования. Вопрос этот может быть поставлен в двух плоскостях: 1) более радикально, т. е. в плоскости принципиального изменения нашей системы или: а) путем установления контроля суда над существующим у нас сейчас прокурорским расследованием, или б) путем замены этого расследования предварительным следствием с широким допущением состязательности (на английский образец); 2) менее радикально, т. е. сохраняя наше построение расследования, но с введением элементов состязательности.

По ряду практических соображений вряд ли целесообразно радикальное изменение принципов нашего расследования в ближайшее время. Вместе с тем несомненно, что одна из настоятельных задач момента — скорое издание нового общесоюзного УПК, в котором максимально были бы учтены новые требования в этой области.

Поэтому мы не будем сейчас останавливаться на теоретическом обосновании иного построения расследования, хотя и считаем очень вероятным, что через некоторое время в соответствии с общим движением нашего законодательства жизнь выдвинет вопрос о внесении ряда существенных изменений и в эту стадию процесса. Дальнейшее изложение будет посвящено вопросу о частичных улучшениях ныне действующей системы расследования.

4.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что даже полное организационное слияние отдельных звеньев аппарата розыска и расследования, о котором мы говорили выше, не устраняет необходимости в точном проведении грани между неформальными розыскными действиями, входящими в так называемую «доследственную проверку» («негласную проверку» по выражению ст. 93 УПК), и официальными действиями органа расследования (следователя).

О таком «негласном розыске» очень подробно говорил дореволюционный Устав уголовного судопроизводства. По ст. 253, «когда признаки преступления или проступка сомнительны или когда о происшествии, имеющем такие признаки, полиция известится по слуху (народной молве), или, вообще, из источника не вполне достоверного, то во всяком случае, прежде сообщения о том, по принадлежности (т. е. судебному следователю или

с тем, что не привлекают к уголовной ответственности, но главным образом с тем, что зря привлекают... Психология наших товарищей такова, что качество дела определяется обвинительными выводами».

И очень энергично Прокурор Союза потребовал покончить «с этим старым подходом и предрассудками». «Нужно так ставить следствие, чтобы торжествовала истина, а не обвинение во что бы то ни стало... Объективность и истина в расследовании — превыше всего» («Социалистическая законность», 1936, № 11, стр. 60—61).

мировому судье. — М. Ч.) она должна удостоверить через дознание: действительно ли происшествие то случилось, и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка». В этих случаях «полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными распросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах» (ст. 254). Эти правила дополнялись еще относящимся к прокурору запрещением требовать начатия следствия без достаточных к тому оснований. В сомнительных случаях он обязан был собирать сведения посредством «негласного полицейского разведывания» (ст. 312).

С. А. Голунский в названной выше статье показывает, как в «упрощенческий период» нашего процесса директора НКЮ РСФСР 1929 г. № 93 «Об упрощении уголовного процесса» стерла на практике всякую грань между негласным розыском и формальным расследованием и как в результате во всех сомнительных случаях уголовное дело «на всякий случай» возбуждалось. Вытекающие отсюда последствия понятны для каждого работника юстиции. Не менее понятна должна быть полная недопустимость столь неряшливого отношения к правам граждан теперь, когда сталинская Конституция обеспечивает неприкосновенность личности советских граждан. Как известно, в борьбе с неосновательным возбуждением уголовных дел Всесоюзное совещание работников юстиции признало желательным, а Прокуратура СССР летом 1934 г. ввела процессуальное правило, идущее дальше требований УПК по этому вопросу, а именно — предварительный контроль прокурора над возбуждением уголовного дела (мотивированным постановлением следственного органа).

Проект союзного УПК отказывается от этого предварительного контроля, требуя только вынесения мотивированного постановления следователя о возбуждении дела.

Но характерно, что Прокуратуре СССР пришлось столь круто нажать на руль следственной политики, чтобы выправить массовый уклон.

Соглашаясь с возможностью предоставить квалифицированному следователю возбуждать производство по уголовному делу под свою ответственность¹, я бы считал необходимым:

1) сохранить обязанность предварительной санкции прокурора для возбуждения дел всеми другими органами расследования, как не стоящими в тесной организационной связи с прокурором и не всегда достаточно квалифицированными;

2) поместить в будущем союзном УПК норму такого приблизительно содержания, как выше приведенные ст.ст. 253, 254 Устава уголовного судопроизводства, точно устанавливающие негласный порядок следственной проверки, с исключением следователя из круга лиц, производящих такую².

Обвинитель возможен там, где установлен факт преступного деяния, правильно говорил Розин: такое установление должно логически и фактически предшествовать появлению обвинителя¹. До того момента, когда в данном событии установлены черты преступного деяния, — нет места для формального ведения уголовного дела².

Действующий УПК говорит об основании и поводах к возбуждению уголовного дела.

Ст. 96 УПК очень часто понималась на практике, как простая ссылка на ст. 91, потому что выражение: «при наличии в заявлении указаний на состав преступления» — выражение мало отчетливое; в жизни очень часто бывает так, что заявление кричит о преступлении и даже ссылается на соответствующие статьи УК, но необходимый юридический анализ показывает следователю, что при всей эффективности словесной оболочки жалобы в действиях, на которые жалуются, нет состава преступления. Этой-то мысли о необходимости предварительной юридической оценки фактов, указанных в заявлении, и нехватает в ст. 96 УПК. Надо пожелать, чтобы будущий УПК нашел более удачную формулировку этой мысли. Основное в нашей постановке следствия — не поводы к возбуждению; поскольку п. 5 ст. 91 разрешает следователю приступить к следствию по своему непосредственному усмотрению (он ведь представитель обвинительной власти), перечень поводов в ст. 91 теряет свое ограничительное значение. По какому бы поводу ни возбудил следователь дело, его действия не могут быть аннулированы, если только основание для возбуждения было.

Центр тяжести вопроса переносится, таким образом, на оценку основания возбуждения дела.

5.

При анализе достаточности основания следователь должен в сущности решить не один вопрос, а целый комплекс их. Для ведения уголовного процесса от начального его момента до конечного необходимо наличие ряда

следователю материалы, не содержащие определенных указаний на конкретные факты преступлений. Это правило может быть еще более обобщено: ни в каком случае следователь не должен заниматься действиями, лежащими по ту сторону порога формального следствия.

¹ Розин, указ. соч., стр. 448.

² На майском совещании с районными следователями в Прокуратуре Союза т. Вышинский обратил внимание на эту сторону дела: «У вас, наверное, не вывелась система — до заведения следственного дела иметь еще переписку по делу... Следователь этим заниматься не должен. Пусть прокурор переписывается, пока это ему нужно, а следователь приступает к своей работе, когда переписка дала уже результаты для начатия предварительного следствия, а не дознания, ибо следователь — это следователь, производящий предварительное следствие, а не просто реvisor» («Соц. законность», 1936, № 7, стр. 76).

¹ Строгович, Уголовный процесс, изд. 3, стр. 54.

² Еще в 1933 г. НКЮ РСФСР вынес постановление, запрещающее прокурору передавать

условий или так называемых предпосылок процесса¹.

Эти предпосылки (или предположения) распадаются на: 1) фактические и 2) юридические.

Фактические предпосылки — это данные, доказывающие существование самого события преступления (а на более поздней стадии процесса — и совершение его определенным лицом). В нашем УПК оценка фактических обстоятельств лежит на лице, возбуждающем дело. В дальнейших стадиях процесса проверка этой оценки принадлежит самому следователю (при решении вопроса о привлечении в качестве обвиняемого и при составлении обвинительного заключения), прокурору (при утверждении обвинительного заключения или рассмотрении жалоб участвующих в нем лиц) и в конечном счете суду (как в подготовительном, так и в судебном заседании), но в начальной стадии процесса следователь самостоятелен в оценке фактов, что налагает на него обязанность особенно осторожного подхода к сообщениям учреждений и частных лиц.

Юридические предпосылки теоретически делятся в свою очередь на две группы: А) материально-правовые и Б) процессуальные в тесном смысле слова.

А) Материально-правовые сводятся к наличию оснований для применения наказания с точки зрения материального уголовного права.

Следовательно, для возбуждения уголовного дела необходимы:

1. Наличие (в событии или действии) состава преступления. Недействительным является преследование за совершение деяния, не заключающего в себе состава преступления. Оно подлежит прекращению во всякой стадии процесса (так, п. 5 ст. 4 и ст. ст. 95, 204, 222, 238, 320, 326, 418 — для различных стадий процесса).

При действии ст. 16 УК об аналогии этот пункт давал известный простор для личного усмотрения следователя, а значит и лишний повод для совершения ошибки — привлечения за мнимое преступление.

Надо думать, что новый Уголовный кодекс, в соответствии с руководящей мыслью Конституции — о стабильности, твердости и законов и охраняемых ими прав граждан, даст замкнутый перечень точно очерченных составов преступлений².

Поэтому следователю не нужно будет впредь прибегать к собственным толкованиям «аналогичной социальной опасности» непредусмотренных законом деяний и легче будет противостоять всякому нажиму извне, рассчитанному на двойную гибкость, — следователя и закона. На его обязанности будет лежать проверка соответствия фактических дан-

ных дела с тем или другим предусмотренным Уголовным кодексом составом.

Ввиду конструкции ст. 6 УК вопрос об отсутствии в деянии состава преступления (по малозначительности или отсутствию вредных последствий) подлежит, однако, в ряде случаев проверке не только с формально-юридической стороны: можно ли произвести субсумпцию (подведение) деяния под определенный карательный закон. Следователю придется решать этот вопрос также с точки зрения уголовно-политической целесообразности. И это, конечно, одна из ответственных задач следователя: правильно отделить случаи, не требующие карательного вмешательства государства, от преступлений, хотя и менее тяжких, но явно нарушающих те или иные охраняемые законами социалистического государства отношения¹.

2. Наличие преступника. Так как принцип личной ответственности требует наказания физического виновника преступления (с расширением этого понятия на все виды соучастников), то при невозможности отыскания такого дела вестись не может и подлежит прекращению (ст. 202 УПК). Однако наличие определенного обвиняемого в самый момент возбуждения дела необязательно, и его отсутствие не может быть приравнено к абсолютной невозможности его привлечения, если только в самих материалах, рассматриваемых следователем, нет указаний на смерть совершившего преступление. Такое обстоятельство, как смерть обвиняемого, относится к следующей предпосылке процесса.

3. Отсутствие обстоятельств, гасящих применение наказания. Если налицо имеется одно из этих обстоятельств, — возбуждение уголовного дела является бесцельным; оно все равно не может закончиться обвинительным приговором и применением наказания.

Сюда относятся следующие обстоятельства:

а) Смерть обвиняемого (п. 1 ст. 4 УПК), за исключением тех случаев, когда для возобновления дела о человеке, осужденном на основе подложных доказательств или ввиду злоупотребления судьи (следователя), необходимо согласно ст. 375 УПК осудить лицо, виновное в подлоге или злоупотреблении, но лицо это умерло. Тут, очевидно, несмотря на смерть,

«Как можно меньше людей таскать по пустыкам в суд — вот наша задача сейчас. Это не значит — не таскать в суд и преступников, но уверяю вас, преступников, меньше, чем воображаемых преступников... задача следователей заключается в том, чтобы за преступника не принимать воображаемого преступника, иначе говоря, воображаемое не принимать за действительное. Следователь должен возможно меньше людей таскать в суд по пустыковым основаниям. ЦК нашей партии это ясно сказал в отношении колхозников. Мы должны этот принцип перенести на всю нашу работу в целом» (из речи т. Вышинского на совещании с народными следователями, «Соц. законность», 1936, № 11, стр. 60).

¹ Фойницкий (т. II, стр. 39) говорит об «условиях обвинения», Розин. указ. соч., стр. 449 — о «процессуальных предположениях».

² А. Вышинский, Сталинская Конституция и задачи органов юстиции («Соц. законность», 1936, № 8, стр. 17).

может быть возбуждено дело и собираемы доказательства.

б) Истечение уголовной давности (п. 4 ст. 4 УПК). Институт давности рассматривается советским законодателем как материально-правовой, и соответствующие правила излагаются в Уголовном кодексе. Однако одно из условий применения давности в Уголовном кодексе отсылает к моменту процессуальному. Давность применяется, «если в течение соответствующего срока не было никакого производства по делу» (ст. 14 УК). Исходя из оснований давности и для того, чтобы она в действительности могла иметь применение, надо понимать начало производства не в смысле принятия дела к производству соответствующим органом, а возбуждение уголовного преследования против определенного лица. Такое возбуждение прерывает течение давности в отношении именно этого лица¹.

Что касается дел о контрреволюции, здесь правило о давности не имеет значения материально-правовой, абсолютной нормы.

По этим делам только суд при рассмотрении по существу правомочен решить, подлежит или не подлежит применению давность в каждом конкретном случае.

Значит, следователь должен принять к своему производству такое дело, несмотря на истечение давностного срока.

в) Амнистия или специальное постановление верховной власти (п. 6 ст. 4 УПК).

Тут самый текст акта об амнистии или о помиловании определяет пределы его применения. Если акт этот редактирован в смысле прекращения производства по делам определенной категории, отдельному делу или в отношении определенных лиц, то следователь уже не имеет права на возбуждение уголовного преследования по соответствующим делам, которые могут стать предметом внимания органов власти значительно позже издания акта об амнистии.

г) Недостигание лицом, которое является совершителем преступления, возраста уголовной вменяемости, т. е. по закону 7 апреля 1935 г. (в большинстве случаев) двенадцати лет.

б) К процессуальным (в тесном смысле слова) предпосылкам относится ряд условий, без наличия которых уголовный процесс не может начаться, нормально развиваться и закончиться имеющим законную силу приговором, хотя наличие имеется и преступление, и преступник, и возможность (с точки зрения материального уголовного права) применения наказания.

С какими же препятствиями процессуального порядка может встретиться следователь при самом возбуждении уголовного дела?²

1) Препятствием процессуального порядка является правило о силе судебного решения (*autoritas rei iudicate*).

Несомненным условием правопорядка, особенно в момент, когда сама Конституция подчеркивает стабильность законов и покоящихся на них правоотношений, является всемерное поддержание силы судебного решения. Мы понимаем его, конечно, не в смысле абсолютной незыблемости, а в смысле строгого соблюдения гарантий определенного порядка его отмены.

Наша ст. 3 УПК выражает правило о силе судебного приговора в узкой форме, лишь в отношении тех лиц, которые уже судились по данному делу и приговор о которых вступил в законную силу: они не могут быть привлечены вновь к судебной ответственности по обвинению в том же преступлении (кроме случаев возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам). Это правило, обычно выражаемое латинским афоризмом: *non bis in idem*, то есть «нельзя дважды (судить) за одно и то же».

Однако правило о силе судебного приговора может и должно иметь более широкое применение. Об этом говорит ст. 373 УПК: нельзя возобновлять дела, по которому состоялся вошедший в законную силу приговор до отмены этого приговора Верховным судом (на основе собранных путем особого прокурорского расследования материалов — ст. ст. 377, 378, 379 УПК).

Поэтому надо признать, что следователь не имеет права возбуждать уголовного преследования о новых лицах, не привлекавшихся по данному делу, если после осуждения обвиняемого будут собраны розыскные материалы, изобличающие этих новых лиц и оправдывающие одновременно осужденного (например, осужден муж за убийство жены на почве ревности по ст. 136; сейчас есть материалы, указывающие на то, что убитая женщина стала жертвой нападения грабителей). Пока Верховный суд не отменит первого приговора, следователь не может создавать нового дела по тому же преступлению.

Во всех подобных случаях следователь должен ставить перед собой и разрешать вопрос о тождественности фактического материала, а не юридической квалификации. Азбучный пример: лицо, оправданное по ст. 167 УК в разбойном нападении с убийством потерпевшего, не может вновь обвиняться в убийстве этого же лица по ст. 136 УК.

2) Вторым препятствием может явиться некомпетентность заявителя и самого следователя в возбуждении данной категории дел (так называемая некомпетентность обвинителя). О ней может стоять вопрос в делах частного и частно-публичного обвинения (ст. ст. 10 и 11 УПК РСФСР).

По сравнению с буржуазным процессом у нас это препятствие может встречаться реже, поскольку ч. 2 ст. 10 УПК разрешает прокуратуре (по толкованию нашей практики) не только поддержание обвинения, но и возбуждение дел частного обвинения в целях охраны публичного интереса. Надо считать, однако, что право это принадлежит только прокуро-

¹ Так и комментарий к Уголовному кодексу Д. Карницкого и Г. Рогинского, М., 1935, стр. 44.

² На практике он обычно встречается с ними позже, как с возражениями, заявляемыми обвиняемым, но теоретически их действие должно учитываться уже в первые моменты процесса.

ру, а не следователю. Практика дает и сейчас примеры возбуждения милицией (а иногда и следователем) дел об изнасиловании помимо жалоб пострадавшей на основании дошедших сведений (и даже слухов). Ст. 11 УПК категорически запрещает такую практику по делам об изнасиловании, не осложненным элементами «чубаровщины». Таким образом следователю надо по этим делам проверять, имеется ли необходимая предпосылка возбуждения дела — ясно выраженная воля потерпевшей.

3) «Последним из процессуальных препятствий, с которым может столкнуться следователь, препятствием, родственным с только что названной некомпетентностью обвинителя, является так называемая административная гарантия, т. е. особый порядок возбуждения дел в отношении различных категорий должностных лиц. Известный в той или иной мере буржуазным процессуальным законодательствам, крайне расширяемый фашистским процессом до полной безнаказанности всех злоупотреблений и превышений власти чиновников этот институт был упразднен советским законодателем: наши должностные лица — не привилегированные чиновники, а «приказчики пролетариата» (Маркс), подчиняющиеся в своей деятельности требованиям единой социалистической законности и привлекаемые за ее нарушения тем же органом охраны законности, — прокуратурой, как и все советские граждане.

Не в порядке изменения этого принципа, а лишь в порядке учета ошибок следственно-аппарата возникла в нашей практике для следователя и прокурора обязанность предварительного согласования в известных случаях (например, по хозяйственным преступлениям) привлечения тех или иных категорий должностных лиц (инженерно-технических работников, директоров заводов, председателей колхозов) с вышестоящими организациями и учреждениями.

Полагаем, что принятая Конституцией постановка вопроса о правосудии в целом и о независимости прокуратуры от каких бы то ни было местных органов предопределяет позицию будущего УПК в этом вопросе. Прокурор (а равно и следователь) должен иметь право разрешать самостоятельно вопрос о возбуждении уголовного дела, невзирая на лица, но полностью отвечая за свои действия.

Этими замечаниями мы считаем исчерпанным рассмотрение тех вопросов, которые могут вставать перед следователем в момент возбуждения им уголовного преследования при оценке достаточности оснований для этого возбуждения.

6.

В настоящее время можно считать бесспорным, что полное обезличение следователя, превращение его в покорное орудие выполнения прокурорских указаний отнюдь не улучшило нашего процесса. Оно понизило у следователя чувство ответственности за свои действия, но и не создало настоящего полноценного (т. е. оперативного) руководства им со стороны прокурора: при наличии в деле даже десятка бумажных директив и указаний

прокурора этот последний, да и суд всегда склонен был ставить все дефекты следствия на счет следователя.

Очень хорошо говорил о таком «руководстве» следствием т. Вышинский на совещании в Прокуратуре Союза с районными следователями: «Чтобы руководить работой следователя, нужно участвовать в этой работе. А когда прокурор не знает конкретно дела, как он может давать оперативные указания? Он тогда будет вносить в дело только путаницу». Если прокурор хочет давать указания по делу, он должен принять в этом деле непосредственное участие. Если он не принимает участия, не допрашивает свидетелей, не вызывает экспертов... то я говорю — он не должен давать никаких оперативных указаний следователю... «Соотношение между прокурором и следователем — это соотношение между оперативной работой и работой органов, руководящих оперативной работой»¹.

Естественно, что кое-где на местах уже сделаны попытки освободить следователя от всеобъемлющей и не всегда внутренне-авторитарной опеки прокурора. Калининский областной прокурор, например, дал по периферии указание о праве следователя же приять дела, по которому не нужно, по его убеждению, возбуждать уголовного преследования, о праве следователя обжаловать неправильное, по его мнению, предложение районного прокурора перед областным прокурором².

По существу это очень разумная мера, но мне представляется бесспорным, что такой вопрос не может разрешаться на местах в зависимости от взглядов областного прокурора. Это было бы проведением «калужской и казанской законности» в работе того органа, который призван к охране законности «единой всероссийской и даже единой для всей федерации советских республик»³.

Известная самостоятельность следователя в отношении прокурора должна быть гарантирована законом. Тов. Вышинский уже указал, что в будущих «правилах прохождения службы» должно быть указано, «в каких пределах следователь должен подчиняться прокурору и когда он не только не должен подчиняться, но обязан не подчиняться и даже жаловаться на прокурора»⁴. Но мне думается, что этот момент должен быть фиксирован и в статьях Уголовно-процессуального кодекса, в частности в норме, дающей следователю право отклонять предложение районного прокурора о возбуждении уголовного преследования мотивированным постановлением. Копия его должна направляться областному прокурору, окончательно разрешающему вопрос.

Такая постановка вопроса будет лучше обеспечивать нас против зуда приклеивания статей Уголовного кодекса, хватанья первого встречного-поперечного и проделыванья с ним следственных манипуляций, зуда, о котором очень хорошо говорил т. Вышинский районным следователям: «От нас сейчас требуется

¹ «Соц. законность», 1936, № 7, стр. 82—83.

² «Соц. законность», 1936, № 7, стр. 78.

³ Ленин, т. XXVII, стр. 298.

⁴ «Соц. законность», 1936, № 7, стр. 75—76.

действовать осмотрительно, действовать не так, как, по словам Ленина, действуют торопыги, не быть такими торопыгами, действовать осторожно, разумно, с полным сознанием ответственности за каждое свое действие, потому что, провозглашая независимость и самостоятельность суда и независимость и самостоятельность органов прокуратуры, партия и правительство будут требовать от нас четкой работы и ответа за допущенные ошибки»¹.

Есть еще один момент, который, как нам кажется, накладывает неизбежный отпечаток на всю деятельность следователя, придавая ей ту нежелательную односторонность, ту обвинительную тенденцию, о которой мы уже не раз говорили выше. Это — возможность выполнения следователем чисто обвинительных функций: участие в предании суду в подготовительном заседании суда и особенно поддержание обвинения в судебном заседании. Мы считали бы совершенно необходимым категорическое запрещение следователям выступать в этой роли, роли обвинителя, стороны в процессе. По нашему мнению, в новом УПК должна быть уточнена редакция ст. 50 в смысле предоставления права поддержания обвинения не представителю прокуратуры, а только прокурору или его совместителю; в ст. же 237 должно быть указано на вызов в подготовительное заседание только прокурора.

Строгая последовательность требовала бы также передачи составления обвинительного заключения от следователя прокурору, так как в нашем процессе обвинительное заключение является не постановлением об открытии судебного заседания, а требованием обвинительной власти, обращенным к суду и проверяемым в своей основательности в подготовительном заседании.

Передача этой функции, лежащей за пределами предварительного следствия (по ст. 206 УПК следователь объявляет обвиняемому об окончании следствия до составления обвинительного заключения), прокурору как представителю обвинительной власти тем более необходима, если, как это намечено в проекте союзного УПК, предание суду будет построено в форме состязания с допущением к нему обвиняемого и его защитника.

Все, что может усилить в следователе и без того естественную в его положении обвинительную тенденцию, должно быть устранено. Все, что может укрепить самостоятельность следователя на всем протяжении процесса следствия, должно быть закреплено в будущем УПК.

Только при создании соответствующих задач следствия и технически совершенных норм УПК новые хорошо подготовленные следовательские кадры смогут повысить качество своей работы до уровня, требуемого новой сталинской Конституцией.

БОМАС

Борьба против родовых пережитков в национальных республиках и областях СССР

Среди препятствий, стоящих на пути к выполнению задачи второй пятилетки — преодоления остатков капитализма в сознании людей, одним из самых серьезных в условиях национальных республик являются старые пережитки родового быта. Было бы грубейшей ошибкой думать, что с перестройкой всего здания нашей экономики и с ростом культуры одновременно сам собой исчезнет и весь хлам бытовых пережитков, что они отомрут при социализме на подобие того, как гибнет сырость и плесень от действия солнечных лучей. Конечно, главным и основным фактором разложения старого бытового уклада является уничтожение той экономической базы, на которой только и могли держаться варварство и изуверство родового быта. В наших советских колхозах, где раскрепощенная и свободная женщина строит бок о бок

с мужчиной, на равных товарищеских правах члена единого трудового коллектива, свободную, зажиточную и счастливую жизнь, не могут сколько-нибудь долго удерживаться дикие нравы средневековья. Для них нет там соответствующей «питательной среды», нет почвы, на которой они могли бы вырастать и развиваться. Полное неформально-юридическое, а фактическое и реальное равноправие женщины с мужчиной в нашей стране, равноправие, опирающееся на нашу социалистическую экономику и обеспечиваемое советским строем, нашло себе яркое выражение хотя бы в тех цифрах, которые отражают долю участия женщин в общественной жизни и государственном управлении, в промышленности и сельском хозяйстве и на учебе, даже в культурно более отсталых республиках Средней Азии. Так, по данным ЦУНХУ, на последних выборах в сельсоветы по Узбекистану, Туркмении и Таджикистану процент явки женщин-избирательниц превысил 70. Среди занятых в крупной промышленности этих республик женщин-раблиц от 20 до 30% принадлежат к коренным национальностям, а в совхозах Узбекистан этот процент повышается до 38,7 (по данным на 1 января

¹ Вышинский, в «Соц. законности» 1936 г. № 7, стр. 76. Ср. там же, стр. 77 выступление т. Шейнина, сожалеющего о том, что «следователь сегодня сплошь и рядом чувствует себя действительно агентом прокурора», о том, что «мы потеряли свою самостоятельность, которую имели в 1923—1925 гг.».

1934 г.). В школах этих республик в 1935/36 учебном году обучалось свыше 365 тыс. девочек, а в республиках б. Закавказской федерации — свыше 552 тыс., в Казахстане — свыше 345 тыс.

Равноправие женщин стало уже совершенно бесспорным фактом, чем-то само собой разумеющимся. За годы революции наша советская женщина очень выросла, глубоко и до конца осознала она свою роль в социалистическом обществе, на производстве и в семье.

Все это совершенно бесспорно. Но значит ли это, что мы можем на этом успокоиться и предоставить ходу исторического процесса самому постепенно изживать остатки имеющихся еще кое-где бытовых пережитков?

В докладе на XVII съезде ВКП(б) товарищ Сталин предостерегал от такого самоуспокоения на лаврах одержанных побед, как бы велики они ни были:

«Понятно, что бесклассовое общество не может притти в порядке, так сказать, само-тека. Его надо завоевать и построить усилиями всех трудящихся — путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы, путем уничтожения классов, путем ликвидации остатков капиталистических классов, в боях с врагами как внутренними, так и внешними»¹.

Враг разбит наголову, но он еще не добит. Классовая борьба продолжается. Она стала еще напряженной, еще острее, сложнее и хитрее. Не решаясь идти в открытую, враг ищет тех «дыр», тех слабых мест и щелей, где бы он мог еще незаметно, исподтишка, «тихой сапой» вести свою подрывную работу, пако-стить и вредить социалистической стройке.

Одной из таких щелей — и из более, глубоких — является быт, бытовые и семейные отношения, старые родовые связи, переплетающиеся с религиозными верованиями, шарлатанством попов и изуверством полудикарей. Там, в темных дебрях поповско-кулацкой «идеологии» враг пытается еще окопаться против советской власти, чтобы, играя на темноте и невежестве отсталых слоев некоторой части крестьянства, использовать ее в своей подрывной, контрреволюционной работе.

Мы знаем, что коренная переделка экономических отношений еще не означает соответствующей переделки сразу же, ipso facto, сознания людей.

«... дело идет здесь о переделке наиболее укоренившихся, привычных, заскорузлых, окостенелых «порядков» (по правде сказать, безобразий и дикостей, а не «порядков»)»².

Эти слова нашего великого учителя о трудностях перехода на рельсы новых взаимоотношений между людьми, сказанные им еще в 1921 г., находят себе яркое подтверждение в целом ряде фактов, отображающих ход борьбы за раскрепощение женщины в национальных республиках Средней Азии и Закавказья и в автономных республиках РСФСР. Все те «безобразия и дикости», о которых говорил Владимир Ильич, настолько привычны, обыденны, что люди сами их иногда не

замечают, не сознают их гнусности и лицемерности, не задумываются над тем, откуда, для кого, кому на пользу, из каких корней эти «порядки» выросли, и кому выгодно, чтобы они удержались в нашем быту возможно дольше.

В этом смысле весьма показательны данные судебной статистики о классовом составе осужденных за преступления, составляющие пережитки родового быта.

Эти данные указывают на тот факт, что эти «безобразия и дикости» есть результат не только классового сопротивления наших врагов, но и результат отставания сознания от экономики, результат неизжитых пока «привычек полудикарей», на почве культурной отсталости. Отсюда вытекают и определенные выводы в отношении методов борьбы с этим явлением и в отношении судебной политики.

Но можно ли сделать из этих цифр вывод, что вопрос о классовой борьбе на этом участке сейчас снимается, что кулак уже отошел в сторону и не пыгается «пако-стить» советскому государству по крайней мере в этой области человеческих отношений? Конечно, нет. Такое самоуспокоение было бы величайшей ошибкой, играющей на руку классовому врагу, который и на этом участке, как и на других, не сложил оружия, а лишь изменил, применительно к новой обстановке, методы своего сопротивления; не решаясь вести борьбу в открытую, он использует культурную отсталость и несознательность некоторой части крестьянства, выполняющей за него и для него его волю, не подозревая об этом.

Нельзя, конечно, вульгаризировать этот процесс, представляя себе дело так, что за каждым похитителем женщин, за каждым многоженцем, насильником, вымогателем калыма и т. п. стоит за спиной подстрекатель — враг, направляющий его руку. Время такого «прямого действия» в основном миновало. Формы и средства борьбы изменились, усложнились, приспособились к окружающей обстановке, приняли защитную, трудно-различимую окраску. Поэтому вопрос о борьбе против кулацко-поповской «идеологии» не снимается, а лишь требует от нас большей проницательности, бдительности и применения соответствующих форм борьбы.

Для того чтобы подойти к этому вопросу с полной ясностью и конкретностью, необходимо вкратце остановиться на том, что же представляют собой эти преступления, возникающие из пережитков родового быта (которые мы в дальнейшем, для краткости, будем условно называть «бытовыми преступлениями»), на сегодняшний день, какие из них выявили свою особую стойкость и живучесть и в каких формах они сейчас обычно возникают.

Если сравнить тот довольно обширный перечень бытовых преступлений, какой был дан в уголовных кодексах РСФСР, Узбекистана и других союзных республик, где фигурирует свыше 20 разновидностей этих преступлений, с той реальной действительностью, какую мы сейчас наблюдаем, можно констатировать, что целый ряд таких преступлений утратил уже на сегодняшний день свою прежнюю значимость, либо совсем исчезнув, либо же сведясь к сравнительно редким единичным проявлениям. Сюда относятся прежде всего те преступления, которые являлись прямым неприкрытым

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 580.

² Ленин, Международный день работниц, т. XXVI, стр. 194.

выражением экономической эксплуатации, как, например, установление и принудительное взимание сборов и подношений в пользу главы рода; нападение рода на род; баранта («бармта» у узбеков); уилата и взимание куна (в Узбекистане); карангикунак, т. е. предоставление хозяином почетному гостю девушки на ночь (Кара-Калпакия) и т. п. Эти виды бытовых преступлений, непосредственно связанные с экономическим и политическим господством кулаков, баев, мананов и т. п., не могли, конечно, не уйти в прошлое вместе с ликвидацией всех разновидностей кулачества.

Нужно оговориться: тот факт, что за последнее время эти преступления почти выпали из судебной хроники, еще не доказывает, что они уже не совершаются. Такие, например, виды их, как присвоение судебных правомочий (адат), загнаны в подполье, но мы не можем утверждать, что где-нибудь в отдаленных аулах, за закрытыми дверями и спущенными занавесками «почетные старики» не творят еще своего суда по древнему обычаю и преданиям отцов в противовес советскому правосудию. Поэтому даже и здесь при наличии внешнего благополучия мы не вправе предаваться благодушию и успокоенности.

Параллельно с постепенным уходом в прошлое некоторых форм бытовой преступности наблюдается за последние годы рождение новых разновидностей преступлений этого рода, как прямая реакция на наше наступление. Проводимая партией и советской властью в национальных республиках политика раскрепощения женщин, снятие чадры и паранджи, широкое вовлечение масс трудящихся женщин-националок в промышленность, сельскохозяйственное производство, привлечение их к активному участию в общественной жизни и т. п. — все это не могло не вызвать новых форм классового сопротивления, а следовательно, и новых видов «бытовых» преступности. Борьба против раскрепощения женщины приняла самые острые, самые резкие формы.

Иллюстрируем это рядом примеров.

Горянка Дагестана Салихат Юсупова, прежде покорная жена-раба своего мужа, начинает принимать участие в общественной жизни своего села, выбирается в сельсовет, активно участвует в работе района; муж отвечает на это побоями, требует возвращения к семейному очагу, покорности и подчинения, а когда это не помогает, убивает жену-активистку.

В отдаленном Ташаузском оазисе туркменка Ниязметова увлекается открывшимися перед ней перспективами свободной и радостной жизни, начинает посещать кино, театр, общаться к культуре. Муж зверски убивает ее.

В Киргизии Ахметов убивает жену за то, что она посещает школу ликбеза.

В Баку комсомолец Сафаров убивает сестру за то, что она посмела, вопреки воли родных, уйти от мужа и этим «опозорила» семью.

Все эти и подобные им факты, прикрываемые внешностью «бытовых» преступлений, имеют заостренный политический характер и направлены непосредственно против политики раскрепощения женщин. Поэтому следует со всей решительностью отвергнуть всякие попытки омазать политическую значимость этих преступлений переводом их в русло «бытовых».

Характерны те новые формы противодействия освобождению женщины-турчанки, в какие оно вылилось в Азербайджане. За 1934—1936 гг. там имел место целый ряд случаев, целая своеобразная эпидемия самоубийств девочек и молодых девушек, протестовавших этим путем против деспотизма и порабощения со стороны семьи и родичей.

Опозоренная отказом жениха уплатить за нее выкуп, боясь огласки и связанных с этим преследований и травли, молодая девушка Сарра Манамиширова обливает себя нефтью и этим путем, живым огненным факелом, заявляет свой протест против своего рабского положения в семье.

14-летняя Ниса Мамедова, замученная, затравленная, униженная и оскорбленная, лишенная даже возможности учиться, прибегает к тому же средству: керосину и огню.

Распространенность таких огненных протестов (по одному только городу Баку за 1935 и начало 1936 г. зарегистрировано было 15 случаев самоожжения) вынудило прокуратуру поставить перед правительством Азербайджана вопрос об усилении ответственности за доведение до самоубийства путем самоожжения. В Уголовный кодекс введена дополнительная ч. 2 ст. 178, предусматривающая за это преступление лишение свободы на срок до 10 лет.

Наряду с острыми формами сопротивления раскрепощению женщин — убийством, доведением до самоубийства, систематическими издевательствами «непокорных», — противодействие выливается в целый ряд иных, не столь резких, но зато настойчиво проводимых, упорных и систематических приемов, направленных к одной цели: не дать женщине уйти от своего семейного очага, приковать ее, как каторжника к тачке, к каторге безрадостного семейного плена, заглушить в ней стремление к вольной, счастливой и радостной жизни, к свету и знанию, к активному творческому участию в той гигантской, дух захватывающей стройке, которая ключом кипит и бурлит вокруг нее.

Если советская власть сняла чадру и паранджу, то ее нужно постараться заменить другой, невидимой глазу, завесой домашнего плена и семейного порабощения. И тут в ход пускаются все и всякие приемы и ухищрения: не пускать в школу, на курсы, на лекции; отпугивать всякими страхами и заклинаниями, а если они не помогают, то и кулаками, плетью и палками от посещения клубов, театров, концертов; не пускать на выборы советов; не разрешать идти на работу на фабрику, завод, в мастерскую; запрещать какое бы то ни было участие в жизни коллектива, травить ее клеветой, позорными кличками и т. д.

Многообразие таких и им подобных ухищрений настолько велико, их настолько трудно заранее предвидеть и учесть, что для борьбы с ними пришлось дополнить уголовные кодексы ряда национальных республик статьями общего, всеобъемлющего, так сказать, содержания с такой, примерно, диспозицией: «всякое посягательство на личность или достоинство женщины в связи с ее раскрепощением...» (си., например, ст. 144¹ УК Туркмении, ст. 274-6 УК Узбекистана), сопроводив их достаточно жесткими санкциями —

до 5 лет лишения свободы. И как раз этот вид преступлений занимает одно из первых мест среди других бытовых преступлений как в республиках Средней Азии, так и в Азербайджане.

Если обратиться к другим разновидностям бытовой преступности, полученным по наследству от старого дореволюционного уклада, то здесь, по своей распространенности и общественно-политической значимости, на первые места выходят: похищение женщины, калым, браки с несовершеннолетними и малолетними, многоженство.

Умыкание невест, восходящее своими корнями к седой древности, проявляет особую стойкость и упорство в отстаивании своего права на существование. Даже в тех национальных республиках, как, например, в Грузии, Татарии, Чuvaшии, где другие виды бытовых преступлений встречаются сравнительно редко, похищение женщин до сих пор продолжает упорно держаться, выливаясь подчас в самые острые формы прямого бандитского налета. Не получая согласия на брак с облюбованной им девушкой, жених собирает группу молодых родичей или друзей и организуется вооруженный налет на дом девушки, насильственным путем похищает ее, иной раз прямо из постели, и увозит к себе или к своим родственникам; при этом, с целью закрепить ее за собой, похититель нередко, при содействии своих сообщников насилует девушку, закрывая этим ей путь к возвращению в семью. Чувствуя себя «опозоренной», девушка не только вынуждена молчать, но иной раз сама «добровольно» оформляет брак с похитителем в ближайшем органе загса. Нужно со стороны такой потерпевшей немало решимости и мужества, чтобы, пренебрегая оглаской своего «позора», выступить обличительницей преступления.

Для иллюстрации приведем случай похищения 17-летней Маро Бугикашвили. Комсомолец Николай Бекурашвили упорно сватался к Маро, но неудачно. Молодая девушка его не любила и кроме того она хотела продолжать учиться. Ни настояния назойливого претендента, ни уговоры родных не могли сломить сопротивления Маро. Тогда Бекурашвили подговорил нескольких родственников и друзей, и вся банда, вооружившись кинжалами, вымазав себе лица сажей, ворвалась ночью в дом родителей Маро, силой вытащила девушку, босую, в одном белье из постели и увезла с собой. По дороге «жених» ее изнасиловал в лесу, после чего запер в своем доме. Однако на другой день она воспользовалась тем, что он уснул, и бежала.

Второй случай: молодой колхозник Карачая Григорий Козаев, не добившись согласия на брак от понравившейся ему девушки Зины Абоевой, похищает ее при содействии группы друзей ночью из родительского дома, увозит в лес, насилует и под угрозой убийства вынуждает ее зарегистрировать в сельсовете свой «добровольный» брак.

Еще более яркий факт из жизни Северо-Осетинской деревни. Летом 1934 г. Сулейман Темурзиев с помощью товарищей устраивает вооруженную засаду, похищает возвращающуюся домой несовершеннолетнюю девушку Есиеву и при содействии тех же товарищей насилует ее, после чего держит у себя в пле-

ну. Девушке все же удается бежать. Запуганная, опозоренная, она не заявляет об этом властям. Проходит после этого почти два года, и вот уже в 1936 г. Темурзиев вторично похищает ее ночью из родительского дома, причем пытавшаяся оказать сопротивление мать девушки подвергается побоям, а самое девушку с израненными ногами, в одной сорочке увозят на грузовике.

Если во всех этих случаях похищение невест производилось людьми малокультурными, то в случае с похищением Хороманской в роли похитителя и его сообщников выступают уже представители интеллигенции, люди с высшим образованием и ответственным служебным положением.

Напомним здесь вкратце случай, описанный в свое время в фельетоне Рыклина в «Правде».

Чичико Миндадзе, экономист-плановик одной из хозорганизаций, безуспешно ухаживал за женщиной-врачом Кето Хороманской. Тогда он решает преодолеть ее сопротивление хитростью и насильем. По его просьбе, его родственница вызывает ночью запиской Кето к мнимому больному, но вместо этого девушку увозят на машине за город к Чичико, где путем угроз, застраживания и даже прямого физического насилия этот «жених» добивается физического сближения. Во всем этом предприятии ему помогают такие лица, как управляющий трестом, ответственный работник ЗАГЭС, член ВКП(б) и др.

Все описанные выше случаи похищения женщин настолько четко и определенно выявляют характер преступления, что правовой диагноз их не представляет каких-либо особых трудностей. Здесь имеются налицо, без всякой вуали, все признаки, весь «состав» бандитизма.

Но такая простота и легкость распознавания действительной природы преступления встречаются далеко не всегда, особенно в тех случаях, когда похищение не сопровождалось прямым непосредственным насильем над потерпевшей.

Дело в том, что наряду с фактами действительного похищения, совершаемого, вопреки воли и желания похищенной, наблюдаются случаи, когда внешняя форма похищения прикрывает собою фактически добровольный уход девушки к жениху, вопреки воли родителей и опекунов. Именно это-то обстоятельство — противодействие родителей и родичей — толкает молодых людей на инсценировку похищения. Совершенно очевидно, что в таких случаях нельзя говорить не только о похищении, но и о каком-либо ином преступлении со стороны «жениха». Но разобраться в этом, правильно поставить правовой диагноз в том или ином отдельном случае, далеко не всегда легко.

Вот пример. Миша Г. и Фрида В. полюбили друг друга еще со школьной скамьи. Зажиточная семья девушки против ее брака с бедняком Мишей. И когда девушка сама уходит к любимому человеку, родные затевают дело о похищении. Когда же власти предлагают Фриде вернуться под родительскую кровлю, она заявляет, что лучше броситься в Куру.

В этом случае все закончилось благополучно: дело, возбужденное против мнимого похитителя, было прекращено, и молодые люди

были оставлены в покое. Но далеко не всегда такая «запретная любовь», оскорбляющая «священные» семейные и родовые традиции, завершается столь счастливым финалом.

Вот такой случай из ближайшего прошлого. Молодая девушка-колхозница увлеклась своим женатым соседом и, бросив семью, ушла с ним из родного села. Но эта счастливая, забывшая обо всем любовь продолжалась недолго. «Проза жизни» в лице прежней семьи мужа и администрации кооператива, где он работал, напомнила ему о себе. Ему пришлось временно оставить молодую жену. Этим воспользовались родичи и увели ее в дом к опекуну. На протяжении целого месяца велась «обработка» молодой женщины для того, чтобы понудить ее подать ложное заявление властям о «похищении». Она не соглашалась. Тогда опекун сам подает такое заявление от ее имени, не подписанное. Ее вызывают ночью в 11 час. к прокурору, где она сначала подтверждает ложное заявление опекуна, а затем сбивается, плачет. Протокол допроса остается неподписанным. На завтра продолжить его уже оказывается невозможным: молодая женщина повесилась. И даже смерть была использована родичами для того, чтобы расправиться с мнимым «похитителем», ввалив на него всю ответственность за преждевременную гибель молодой жизни (дело Гергедава, Грузия).

Борьба старой семьи и рода за свою власть, за законное право определять судьбу «своих» женщин, за сохранение их рабской покорности воле семьи и рода пронизывает большую часть дел, возникающих на почве революционной ломки старого быта. Ожесточенно защищая свои привилегии, семья и род пускают в ход все доступные им средства, используя не только заботливость и запуганность самих девушек, неизжитые ими представления и остатки религиозных верований, их страх перед «позором», их материальную зависимость, но даже, применительно к новой обстановке, пытаются и, к сожалению, не всегда безуспешно, сделать нашу печать и наше советское правосудие слепым орудием защиты искусно замаскированных интересов своего господства.

Значительное распространение имеют родовые пережитки в форме принудительных браков и калыма, упорно и крепко держащихся по сей день в целом ряде национальных республик и областей. Наиболее отвратительная форма этого сорта «безобразий и дикостей» — выдача замуж, фактически же — продажа несовершеннолетних и даже малолетних девочек, не вышедших из детского возраста, с исключительной наглядностью подчеркивает грубо материальную подоплеку расцвеченной религиозными заповедями и святостью старинных обычаев звериной «идеологии». На брачной бирже выше котироваются незрелые девочки, за них можно получить более богатый выкуп (калым), больше баранов, олов, тканей и серебра, да при этом ранняя выдача замуж избавляет от дальнейших, явно нерентабельных, затрат на воспитание и прокормление. Словом, чем раньше можно выдать девочку замуж, тем выгоднее такая сделка для семьи. Кроме того это и легче; ребенок не станет противодействовать воле семьи, в то время, как, достигнув более зре-

лого возраста, девушка может заявить требование на свое самоопределение, особенно сейчас, в условиях советской действительности. Так уж лучше не искушать судьбу, а поскорей «честным пирком да за свадебку».

И вот, несмотря на самые суровые кары, мы до сих пор имеем еще целый ряд районов и даже областей, пораженных этим преступлением. Так, например, по одному Сальянскому району Азербайджана было осуждено за год за браки с несовершеннолетними 58 человек, по Алма-Атинской области Казахстана — 63 человека и т. п. В ряде районов Азербайджана браки с несовершеннолетними вызвали отлив учащих-девочек из школ, так как мужья не разрешили своим женам-подружкам продолжать учебу (в Закатальском, Белаганском, Кедибекском районах и др.).

Совершенно очевидно, что это общественное зло могло получить такое распространение лишь в условиях попустительства со стороны местных органов власти и в лучшем случае безразличного отношения местной общественности. Мы имеем целый ряд случаев, когда, например, учителя не только не препятствовали бракам с ученицами, но и сами являлись посредниками при заключении таких браков, а иногда и сами занимались развращением и разгневием своих учениц. Вот, например, учитель Ага Раев, женившийся на малолетней учащейся своей школы (Кубинский район АССР); учителя Аналиев и Исмагулов, изнасиловавшие двух учениц своего интерната (Алакульский район, КазССР); учитель Камердинов, который взял себе в жены 11-летнюю школьницу (Чиликский район, КазССР); зам. зав. районо Кочкарского района — то же (КирССР). Аналогичные факты зафиксированы судебными приговорами и по другим республикам Средней Азии.

Не отстают от «педагогов» и ответственные работники, в том числе члены и кандидаты партии и даже некоторые руководители районных организаций. Так, в Кочкарском районе Киргизской ССР из числа 35 человек осужденных за бытовые преступления 8 человек — члены и кандидаты ВКП(б), в том числе пропагандист райкома; этому не приходится удивляться, если учесть, что эти «уважаемые граждане» пользовались покровительством районного руководства; когда один из преступников Дигарунов был предан суду по ст. 151 УК, секретарь райкома Кочкомбаев изъял на 5 месяцев дело из народного суда с явным желанием его замазать, а член райкома Грибарский изъял на целый год такое же дело работника райкома Осиюнова. Народный судья же Сейталиев своим молчанием покрывал эти безобразия, которые были обнаружены лишь после снятия этого «ревнителя правосудия» с судебной работы.

Такую же «политическую линию» по делам о браках с несовершеннолетними проводил в одном из районов Туркмении председатель райисполкома, систематически регистрировавший браки с недостижными брачного возраста и даже половой зрелости девочками и втянувший в эту работу целый ряд председателей сельсоветов, которые выдавали в угоду своему начальнику заведомо ложные справки о возрасте девочек. В результате такой «политики» у населения создавалось впечатление, что в подобных браках нет ничего

ззорного и что советская власть сама им покровительствует.

Характерно дело ответработников Маканчинского района (Казахстан). Приехавшие из районного центра в село ответработники решили «поразвлечься». С этой целью они предложили доставить им девочек; подхалимствующий председельсовета бросился выполнять волю начальства. Когда попытки изнасиловать девочек не удались, разобиженные насильники бросили девочек в яму, а сами уехали. Интересно при этом, что местное районное руководство отнеслось к этому событию с эпическим спокойствием: никто из «героев» этих походов не был даже снят с работы, пока в дело не вмешались областная прокуратура и областной комитет.

Еще более безобразный факт имел место в одном из районов Узбекистана, где группа ответработников пыталась превратить районные курсы в дом терпимости, не останавливаясь перед групповым изнасилованием.

Можно было бы привести еще немало таких и подобных им фактов. За недостатком места мы этого делать не будем, отметив лишь еще один случай из Атбашинского района Киргизии. Народный судья этого района Туронбаев сам женился на 14-летней девочке, не достигшей половой зрелости. Можно себе представить, сколь ревностно сей судья охранял интересы себе подобных растлителей!

«Почетное» место приходится, к сожалению, отвести и некоторым представителям комсомола. В анкетах, заполняемых обвиняемыми в браках с несовершеннолетними и малолетними, далеко не редко приходится наталкиваться на звание члена ВЛКСМ.

Конечно, все эти факты нельзя ни в коем случае обобщать и делать из них вывод, что все наши национальные республики сплошь поражены этой болезнью и что последняя имеет в них массовое распространение, пользуясь общим сочувствием и покровительством властей. Для таких выводов нет никаких оснований. Напротив, факты говорят о том, что мы имеем здесь дело с отдельными очагами болезни, с отдельными пораженными местами, где развитие болезни находится в прямой зависимости от плохой работы, а иногда и от прямого морально-политического загнивания районного руководства. В этом случае полностью подтверждается та оценка положения, какая была дана еще резолюцией XVII партконференции, отметившей, что, несмотря на огромные достигнутые успехи, классовая борьба продолжается и что она неизбежно должна обостряться в отдельные моменты и на отдельных участках социалистического строительства. Именно там, где местное руководство забыло о том, что «революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам», там, где руководители проглядели и не поняли того, что фронт борьбы за укрепление женщин является такой же ареной классовой борьбы, как и фронт борьбы за хлеб, за уголь и т. п., что в условиях национальных республик этот фронт приобретает особое политическое значение; там, где руководители примиренчески смотрели сквозь пальцы на «бытовщину», которая-де стоит далеко от «политики», там и расцветает и множится чертополох «бытовых» преступлений.

Исходя из анализа того, что собой представляют на сегодняшний день преступления, возникающие из пережитков родового быта, мы попытаемся наметить методы и средства борьбы с ними и условия, необходимые для успеха этой борьбы.

Прежде всего необходимо со всей решительностью отбросить пренебрежительно-высокомерное отношение к этому рода преступности, как к «бытовщине», которая, мол, постепенно изживется сама собой, по мере укрепления социалистической экономики и роста культуры, так сказать, в порядке самотека.

Если теория «аполитичности» быта является вообще вреднейшим измышлением, смазывающим смысл и значение быта, оказывающего огромное влияние на положение всей женской половины человеческого общества, то в применении к проблеме раскрепощения женщины в наших национальных республиках подобная «теория» прямо играет наруку классовому врагу, внутреннему и внешнему.

В. И. Ленин писал:

«Советская власть первая и единственная в мире уничтожила полностью все старые, буржуазные, подлые законы, ставящие женщину в неравноправное положение с мужчиной... Но этого мало. Равенство по закону не есть еще равенство в жизни. Нам надо, чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником...»¹.

«Пролетариат не может добиться полной свободы, не завоеывая полной свободы для женщин»².

Говоря о бесправном положении женщины при капитализме, Ленин подчеркивал, что «женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капиталом и сверх того они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не дает; во-вторых, — и это главное — они остаются в «домашнем рабстве», «домашними рабынями», будучи задавлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашне-семейного хозяйства»³.

Можно ли после этого говорить об аполитичности быта, об аполитичности бытовых преступлений, отрывая задачи борьбы с этими преступлениями от классовой борьбы, от задачи построения социализма?

В своем докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов о проекте новой Конституции, ст. 122 которой закрепляет полное равноправие женщины с мужчиной, наш вождь и учитель товарищ Сталин говорил:

«Особенность проекта новой Конституции в том, что он не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав».

¹ Ленин, К женщинам-работницам, т. XXV, стр. 40.

² Там же, стр. 41.

³ Ленин, Международный день работниц, т. XXVI, стр. 193.

В этом аспекте проблема борьбы против всех и всяких попыток сохранить фактическое закрепление и неравенство женщины получает новое и особое значение. Эта борьба становится борьбой за осуществление великой сталинской Конституции, за обеспечение действительности записанного в ней положения.

Все это с полной ясностью и беспорочно говорит о том, что борьба против бытовых преступлений в национальных республиках является одной из важнейших политических задач советской власти, в том числе прокуратуры и суда, в этих республиках.

Об этом должен твердо помнить каждый прокурор и судья, каждый работник юстиции.

Между тем, недавние факты говорят за то, что далеко не все прокуроры уяснили себе всю важность этого вопроса. Чем иным, как не явной недооценкой политической значимости бытовых преступлений, можно объяснить, например, тот факт, что прокуратура УзбССР не проверила на протяжении всего третьего квартала 1936 г. ни одного дела этой категории, несмотря на такой исключительно тревожный сигнал, как то, что из 55 дел, расследованных за этот период народными следователями, 29 дел (т. е. более половины) оказались прекращенными до суда? Или аналогичное бездействие Азербайджанской прокуратуры, которая из 129 дел, законченных в июле и августе 1936 г. в судах, ограничилась проверкой в порядке надзора всего лишь 4 дел? Это ли говорит о внимании к делам данной категории, об учете их значения в условиях указанных республик. Чем другим, как не недооценкой этого можно объяснить то, что до сих пор большая часть дел о родовых пережитках расследуется по РСФСР органами милиции, а не народными следователями? Что дела волокитятся расследованием иногда по 2 месяца и дольше? Что качество расследования таково, что чуть ли не половина из них прекращается (Узбекистан, отчасти Туркмения)?

Подобные же факты плохой работы приходится отметить и в ряде судов. Вот б. народный судья Буриев, который маринровал у себя в шкафу по полгода без движения дела о браках с малолетними или выносил по ним оправдательные приговоры (Киргизия). Вот другой судья, оправдывающий покупателя 14-летней девочки по тому соображению, что «народные заседатели сами пользовали потерпевшую и потому знают, что в момент выхода замуж она не была девушкой» (Джумгалский район, Киргизской ССР). Вот народный судья Эскиев, который установил практику назначения по бытовым делам и.т. работ по месту работы, предоставляя возможность преступникам откупаться деньгами за серьезные преступления против свободы и достоинства женщин (Саясановский район ЧИАО).

Можно было бы привести много конкретных дел, где неправильная квалификация преступления и ничем не оправдываемая мягкость репрессии смазывали политическое значение процесса (квалификация убийств на почве раскрепощения как обычных убийств на личной почве с соответствующим снисходительным наказанием; подведение фактов систематической травли активисток на почве раскрепощения под квалификацию личного оскорбле-

ния или клеветы; назначение и.т. работ или условного осуждения там, где социальная опасность преступлений и распространенность их в данном районе диктовали необходимость жесткой репрессии; мягкотело-снисходительный подход к соучастникам и пособникам, в особенности к должностным лицам, снабжающим, например, «женихов» заведомо ложными справками о возрасте, регистрирующим их браки «на-глазок», не замечая явно детского возраста невесты и т. п.). Данные судебной статистики также подтверждают невыдержанность карательной политики по делам о бытовых пережитках в ряде республик. Так, например, в Грузии, где похищение женщин занимает первое место среди преступлений этой категории, преобладающей формой карательного воздействия оказываются исправительно-трудовые работы; из 17 человек, осужденных за это преступление в I полугодии 1936 г., только к 4 было применено лишение свободы, все же остальные отделались исправительно-трудовыми работами и даже — в одном случае — условным осуждением. Еще более милостивы суды Узбекистана: на 71 человек, приговоренных за «бытовые преступления» к лишению свободы, приходится за тот же период 80 человек, получивших и.т. работы, и 55 человек, отпущенных с миром под условные приговоры. Особенно снисходительны суды к фактам воспрепятствования мужьями и родителями участию женщин и девушек в общественной и культурной работе. Здесь, как правило, применяются и.т. работы, а лишение свободы составляет редкое исключение, и это даже в таких республиках, как Азербайджан и Туркмения, выдерживающих вообще жесткую карательную политику по делам о бытовых преступлениях. Тут, бесспорно, сказывается недооценка этих дел, этакое либерально-снисходительное отношение к «бытовщине», подыскивающее смягчающие моменты личного характера, позволяющие «извинить» многое, но упускающие при этом из виду всю социальную опасность этих якобы «невинных» «бытовых» дел, направленных объективно на срыв политики раскрепощения женщины.

Если к отмеченным фактам неустойчивости и колебаний в карательной практике судов добавить неизжитые факты судебной волокиты, несоблюдения сплошь и рядом основных процессуальных гарантий, низкое зачастую качество судебного следствия и неграмотно и жестоко написанные приговоры, составляющие далеко не редкость в делах этого рода, то нужно признать, что судебная работа по делам о бытовых пережитках еще далека от того высокого уровня советского правосудия, какое требуется для реального обеспечения фактического равноправия женщины, провозглашенного ст. 122 сталинской Конституции.

Только при решительном улучшении качества следственно-прокурорской и судебной работы, на основе отчетливого понимания всей политической значимости «бытовых» дел, мы сможем выполнить ответственную задачу, возложенную на нас партией и правительством в деле окончательного освобождения советской женщины от «безобразий и дикостей» старого быта.

Вторым необходимым условием успешности борьбы на «бытовом» фронте является сосре-

доточенное, согласованное действие всех сил, сочетание мер судебной репрессии с широко развернутой работой всей общественности. Было бы крайне наивным полагать, что одно подавление, одна голая репрессия может разрешить поставленную задачу. Подобная «левацкая» установка, не учитывающая коренных изменений в социальной структуре общества, так же вредна и опасна, как и противостоящая ей оппортунистическая ставка на самотек, на автоматическое отмирание бытовых пережитков. Только правильное сочетание работы суда и всего советского аппарата власти с культурно-массовой работой советско-партийной общественности может обеспечить то сосредоточенное действие огня по окопам противника, которое может привести к победе.

Хорошие образцы именно такой сосредоточенной и согласованной работы всего аппарата власти и общественности дала прокуратура Дагестана (прокурор республики т. Склярский), сумевшая включить в эту борьбу и советские органы, и партийные и комсомольские организации, и самих женщин-горянок, и местную печать. В результате проблема освобождения женщины-горянки стала там в центре внимания всей общественности как актуальнейшая жизненная задача не одного только суда, но всего трудящегося народа этой республики. Мы не станем здесь подробнее останавливаться на конкретных приемах и средствах, использованных прокуратурой Дагестана в этом направлении, поскольку этот вопрос был уже освещен на страницах «Соц. законности».

Немало было сделано и прокуратурой ССР Киргизии в смысле привлечения общественности. Но здесь, к сожалению, эта положительная работа по созданию широкого актива не была закреплена дальнейшей систематической работой с ним. Вообще приходится отметить, что компанейщина в этом вопросе наложила свою печать на работу не только Киргизии, но и других национальных республик и областей.

После того как прошедшие осенью 1935 г. съезды женской молодежи всколыхнули застоявшееся болото спячки и равнодушия, после принятия хороших резолюций, люди, разехавшись на места, постепенно опять забыли в повседневных текущих заботах то важное и принципиальное, что должно было определять содержание и методы их дальнейшей работы. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы те факты судебной статистики за первую половину 1936 г., о которых мы выше говорили. Можно ли, например, говорить о серьезном отношении к вопросу со стороны Туркменской прокуратуры, которая на протяжении полугодия не смогла даже найти работника для руководства бытовым отделом республиканской прокуратуры. Особенно «не везло» местным прокуратурам в их попытках наладить и закрепить свою связь в работе с общественностью, с женским, комсомольским и селькоровским активом. А между тем, как раз эта сторона дела особо важна при наступлении на старый быт. Без помощи общественности прокуратура бессильна вскрыть те «безобразия и дикости», с которыми она призвана бороться. Чтобы убедиться в этом, приведем следующие данные,

характеризующие инициативу в возбуждении дел о многоженстве по Чечено-Ингушской автономной области.

Из 19 дел этой категории, по заявлениям самих потерпевших, возбуждено было всего 2 дела, по сигналам актива и селькоров — 11 дел и по инициативе партийных и советских органов — 6 дел.

Оно и понятно: заботность, малокультурность, фаталистическая покорность судьбе, которые держат в плену родовых пережитков «потерпевших» от этих преступлений женщин, заставляют их молчать и не жаловаться.

Поэтому там, где местная общественность не активизирована, преступления остаются нераскрытыми, свободно распространяются в глубине бытового подполья, а местный прокурор, сидя в своем кабинете в районном центре, может слать в столицу победные реляции о преодолении в его районе родовых пережитков: на Шипке все спокойно.

До чего можно докатиться, если отгородиться китайской стеной от общественности, показывает, например, следующий случай из жизни одного из сел Чечено-Ингушской области. Председатель сельсовета Кусиев не только не противодействовал обычаю калыма, но решил его регламентировать. С этой целью он образовал специальную комиссию при сельсовете, введя в ее состав мулл и «почетных стариков». Комиссия установила твердую таксу, предложив женихам поскорее вступать в брак и пригрозив, что через месяц такса будет повышена. Это подействовало: за один месяц заключено было 30 браков.

А вот другой случай из судебной хроники Азербайджана. В лесу недалеко от Хачмаса объявилось «святое место», исцелявшее бесплодие. И вот комсомолец Махмудов вместе с группой женщин отводит туда свою бесплодную жену и, вырыв у «святого места» могилу, укладывает ее туда, прикрыв досками. В результате несчастная жертва этого дикого обряда была извлечена мертвой. Об этом знали и не могли не знать многие. Но молчали... И только корреспонденция селькора газеты «Бакинский рабочий» вскрыла этот случай.

Вывод ясен: без самой тесной связи с общественностью, в особенности с женским активом, прокуратура и суд не в состоянии сами победить на фронте борьбы с закрепощением женщин.

Третье условие успешности борьбы — это нанесение меткого сосредоточенного удара. Как мы указывали выше, географически распространение бытовых преступлений не идет сплошной полосой, а характеризуется образованием отдельных пораженных очагов. Отсюда следует, что нужно прежде всего хорошо знать расположение этих очагов и в зависимости от этого сосредоточивать внимание именно на этих отдельных участках не разбрасываясь. Это требует от руководящих органов республиканских прокуратур дифференцированного, конкретного и оперативного руководства, не сводя последнее лишь к спуску общих директив.

В таких районах необходимо усиление следственного и прокурорского аппарата, передача расследования дел этой категории следственному аппарату прокуратуры, усиление связей с местной общественностью, активизация работы последней, обеспечение жестких сроков

расследования и прохождения дел в судах, равно как качество расследования и суда, организация общественного обвинения, принятие через рай и сельсоветы мер против практики выдачи ложных справок о возрасте, установления контроля над работой загса, постановка показательных процессов, широкая разъяснительная кампания в печати и на общих собраниях колхозников, проводимая на конкретных примерах живых дел, и т. п., словом, мобилизация всех средств и сил для сосредоточенного удара по противнику.

Четвертое условие успеха — подлинная большевистская бдительность, умение распознать маневры врага, приспособляющегося к нашей советской действительности для того, чтобы обмануть правосудие и даже сделать его подчас послушным орудием в своих руках.

Выше мы отмечали уже некоторые из таких ухищрений. Чтобы нагляднее показать, как умело маскируется враг, приведем еще несколько типичных фактов из судебной практики.

В делах о похищении женщин и насильственной выдаче замуж самым обычным приемом, применяемым для обмана правосудия, является использование самих потерпевших девушек для этой цели.

Желая избавиться от жены, Теймур Сафаров заманил ее обманом в безлюдную степь и, нанеся удар молотком по голове, бросил в колодезь. Ее удалось спасти. А когда он был предан суду, она же сама стала его защищать, требуя его освобождения (Азербайджан).

На съезде женской молодежи Азербайджана одна из делегатов рассказала публично перед съездом об издевательствах со стороны ее мужа Аскерова. Но стоило следственной власти завести на основе ее слов дело против него, как от потерпевшей поступило письменное заявление с требованием прекратить дело как неосновательное.

Вот еще одно дело, вскрывающее «хитрую механику» таких «примирений».

В одном из сел Чечено-Ингушетии была похищена молодая девушка Мархиева. Сбежав от похитителя, она подала заявление властям о похищении и изнасиловании. Тогда похититель выплачивает родне богатый калым, после чего Мархиева смягчает свои показания, отказываясь от обвинения в изнасиловании. «Обработка» и торг продолжались, и когда потерпевшая была вновь допрошена, она отказалась уже и от обвинения в похищении.

В той же ЧИАО Аксанов с группой пособников насильно похитил комсомолку Зубайруеву, причинив ей ряд телесных повреждений. Когда же дело дошло до суда, потерпевшая заявила, что похищения не было, а была лишь инсценировка как обрядовая форма. Суд ей не поверил и осудил Аксанова. После этого Зубайруева рассказала, как родичи путем целой системы средств психического воздействия вынудили у нее ложные показания перед судом.

Таких фактов судебная практика в национальных республиках знает не один десяток. А сколько дел не доходит вовсе до суда вследствие этой скрытой подпольной работы!

На какие жульничества пускаются «женихи», показывает, например, дело б. парторга Верхне-Марского аула Милокаева (Карачаевская АССР). Не добившись согласия на сожительство от комсомолки К., требовавшей регистрации брака, Милокаев использует свои связи в сельсовете и при помощи работников последнего проделявает такую комбинацию: они берут из архива старую книгу записи браков и вносят туда регистрацию брака Милокаева с К. Когда же этим путем ему удалось добиться половой близости с К., он выгнал ее из дому и настоял на исключении из комсомола как «проститутки».

Другой случай. Ибрагим Джафаров сосватал 14-летнюю девочку Гзею. Зная заранее, что загс не регистрирует такого брака, он ведет вместо нее к врачу и в загс взрослую девушку Мину и получает врачебное удостоверение о совершеннолети, после чего регистрирует брак. Когда в загсе потребовали фотокарточку, он вследствие ротозейства председателя сельсовета получает засвидетельствованное личности Гзеи на фотографической карточке подставного лица — Мины (Вагаршапатский район Армении).

Организованное лжесвидетельство, подлоги, фальшивки, подкуп должностных лиц, использование их разгильдяйства, давление на потерпевших и свидетелей, запугивание, иногда прямое насилие и т. п. — все это пускается в ход для того, чтобы запутать дело, сбить с толку суд, прикинуться невинными простачками. И, к сожалению, далеко не редки случаи, когда эти жульнические махинации и искусная маскировка вводят суд в заблуждение.

Эти факты показывают со всей наглядностью, как необходима для следователя, прокурора и судьи подлинная революционная бдительность, с какой сугубой осторожностью должны взвешиваться и оцениваться улики — будь то свидетельские показания, объяснения потерпевших или письменные документы.

Резюмируем сказанное.

Чтобы с честью выполнить ответственной задачей обеспечения действительного равноправия женщины-националки и вытравить из сознания людей остатки «безобразий и дикостей» родовых пережитков, все работники юстиции должны вести свою работу на этом участке классовой борьбы на высоком политическом уровне, всемерно повышая качество своей работы, ведя ее рука об руку с местной общественностью, организуя последнюю на это дело, активизируя ее работу; должны уметь извлекать политические уроки из каждого дела и организовывать на конкретном живом материале таких дел общественное мнение и всегда и всюду быть бдительными, вскрывая вражеские махинации и ухищрения.

Только такая работа, одухотворенная сознанием важности и значимости поставленных перед нами партий и правительством задач, даст нам право заявить, что на этом участке борьбы за социализм мы честно и до конца выполняем волю народов Советского союза, воплощенную в величайшем документе эпохи — сталинской Конституции.

Весенний сев—в центр внимания

2 февраля СНК Союза ССР принял постановление «О государственном плане весеннего сева 1937 года».

Вторая стахановская весна будет проходить в текущем году в условиях огромных побед, одержанных народами Советского союза под руководством коммунистической партии во всех областях нашего культурного и хозяйственного строительства, в том числе и в области сельского хозяйства.

Техническая реконструкция земледелия сделала в СССР гигантские успехи.

В 1936 г. социалистические поля необъятного Союза бороздили свыше 400 тыс. тракторов мощностью в 7580 тыс. л. с., что превышает тракторное вооружение фашистской Германии в тридцать раз и фашистской Италии в сорок раз. Больше того, в результате ударной работы многомиллионной армии энтузиастов социалистических полей мы обработали в 1936 г. тракторами в три с лишним раза большую площадь, чем США (200 млн. га против 66 млн. га в США).

Если к этому прибавить, что в государственном плане весеннего сева текущего года доля единоличных хозяйств составляет менее одного процента, а доля колхозов, обслуживаемых МТС, достигла 90% всего ярового клина колхозов, то станет совершенно очевидным, что колхозный строй в нашей стране победил окончательно и бесповоротно.

Такие успехи нашего сельского хозяйства обусловили возможность, несмотря на неблагоприятные климатические условия 1936 г., планировать весенний сев 1937 г. в количественном, а главное в качественном отношении на значительно более высоком уровне, чем в предыдущие годы.

План ярового сева на 1937 г. утвержден в размере 94 494,7 тыс. га, что превышает прошлогодний план на 2 с лишним миллиона га. При этом наряду с ростом зерновых культур, в первую очередь пшеницы, план намечает расширение посевов наиболее ценных масличных культур.

Дальнейший подъем культуры нашего сельского хозяйства сказывается в повышении плана сортовых посевов, в расширении паров по колхозам, в увеличении минеральных и органических удобрений, в надлежащей обработке семян, в повышенных требованиях к сортовым участкам и, наконец, в установлении более коротких сроков сева.

Все эти мероприятия должны обеспечить максимально быстрое выполнение исторической задачи, поставленной товарищем Сталиным перед социалистическим земледелием Советского союза—добиться в ближайшие 3—4 года производства 7—8 миллиардов пудов зерна в год.

Выполнение плана весеннего сева 1937 г. должно протекать при самом активном участии органов прокуратуры.

Это никоим образом не должно приводить к мелочной опеке и вмешательству в повседневную жизнь МТС, совхозов, колхозов и от-

дельных единоличных хозяйств, к рассылке на места многочисленных трафаретных циркуляров, телеграмм, к требованию «подробных», «исчерпывающих» докладов и статистических отчетов о посевной кампании, одним словом, к созданию вокруг этой важнейшей хозяйственно-политической кампании той бумажной, бюрократической шумихи, в которой тонет всякое подлинно живое дело.

Органы прокуратуры должны сосредоточить свое внимание на отдельных решающих участках подготовки и проведения весеннего сева.

В одном районе неблагополучно с ремонтом тракторного парка и с.х. машин, в другом—с подготовкой и использованием рабочего скота и удобрений; в одном колхозе срывается подготовка семян к посеву, расхищаются семенные фонды или не выделяются семенные участки, а в другом,—вопреки директивам правительства, сев затягивается, безобразно относятся к кадрам или тормозится развертывание стахановского движения. Органы прокуратуры должны, учитывая специфические особенности каждого района, каждого колхоза, уметь улавливать, что является важнейшим, решающим в данный момент, чтобы на этом именно участке притти на помощь районным организациям, руководящим севом.

При этом никоим образом нельзя увлекаться массовыми репрессиями и привлечением к уголовной ответственности «по совершенно пустяковым основаниям, где было бы вполне достаточно ограничиться общественным воздействием или указанием соответствующего партийного или советского органа»¹, а нужно направлять острые репрессии против действительных классовых врагов, расхитителей социалистической собственности, дезорганизаторов с.х. производства и других преступных элементов, стремящихся сорвать весенний сев текущего года.

В настоящий момент, когда «в области сельского хозяйства вместо океана мелких единоличных крестьянских хозяйств с их слабой техникой и засилием кулака мы имеем теперь самое крупное в мире механизированное, вооруженное новой техникой производство в виде всеобъемлющей системы колхозов и совхозов» (Сталин), а колхозное крестьянство перешло к зажиточной жизни, классовый враг будет вновь и вновь делать свои преступные попытки сорвать проведение весеннего сева.

Поэтому при расследовании дел о преступлениях, связанных с невыполнением обязательств по весеннему севу и срывом различных мероприятий правительства в этой области, необходимо принимать все меры к тому, чтобы устанавливать, нет ли в выявленных случаях преступного или небрежного отношения обвиняемых к своим обязанностям более

¹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1935 г. «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках нечерноземной полосы».

глубоких преступных мотивов и не руководит ли классовый враг рукою какого-нибудь незаметного технического исполнителя. А для этого нужно, чтобы наш аппарат досконально знал свой район, его слабые и сильные звенья, чтобы он чутко реагировал на сигналы о неблагоприятии на том или ином участке, чтобы расследование каждого дела проводилось не поверхностно, а глубоко, всесторонне, в максимально короткий срок и, наконец, чтобы организуемые по преступлениям, связанным с весенним севом, судебные процессы проводились не келейно, а как первостепенной важности общественно-политическое дело, широко освещаемое в областной и районной печати.

Только в этом случае работа прокуратуры будет в достаточной мере эффективной.

Борьба прокуратуры за надлежащее проведение весеннего сева текущего года должна быть органически увязана с проводимыми мероприятиями по неуклонному соблюдению Сталинского устава с.-х. артели. «До сих пор приходится сталкиваться с возмутительными фактами грубейшего нарушения устава. На первый взгляд эти нарушения кажутся как будто незначительными, но на самом деле речь идет об ущемлении классовых интересов колхозов. Жизнь уже ввела свои законы. Там, где запущено колхозное хозяйство, где низок урожай, там, как правило, надо искать нарушения Устава с.-х. артели. Это первая и главная причина отставания многих колхозов»¹.

Сформулированная «Правдой» глубоко правильная мысль должна быть усвоена всеми работниками прокуратуры, которые должны понять, что хозяйственное укрепление колхозов возможно только на основе безоговорочного и полного соблюдения Сталинского устава с.-х. артели.

Между тем, в большом количестве районов все еще имеют место нарушения Устава с.-х. артели, причем нарушения эти охватывают самые разнообразные стороны колхозной жизни. Особенно часты случаи командования колхозами со стороны риков, нарушения колхозной демократии (незаконный прием и исключение из членов колхоза, нарушение принципа выборности и правления и ревизионной комиссии и т. д.), незаконного распоряжения средствами колхозов и игнорирования личных интересов колхозников.

Так, президиум Ювинского рика Свердловской области, слушая доклад о работе Афонинского колхоза, предложил прокурору арестовать правление колхоза, в трехдневный срок

оформить материал и судить показательным судом, а президиум Нытвенского рика той же области предложил прокурору немедленно взять под стражу председателя колхоза им. Кирова.

В селе Миллер АССР немцев Поволжья на собрании, где избирался председатель колхоза, из присутствовавших 445 человек только 130 голосовали за кандидатуру председателя. Тем не менее он оказался избранным.

Красноярская МТС АССР немцев Поволжья взяла у колхоза платежное поручение на свое имя без указания суммы, с расчетом забрать все денежные суммы, которые в дальнейшем окажутся на счете колхоза.

Исполнительный комитет Гмеринского кантона АССР немцев Поволжья обязал колхоз оплачивать телефонистку сельсовета.

В АССР немцев Поволжья были случаи изъятия у колхозников конюшен, которые нужны были им для индивидуального скота колхозников (село Шталь, село Розенгейм, село Рейнвальд и т. д.).

Поступающий с мест материал прокуроров об их работе по борьбе с нарушениями Устава с.-х. артели показывает, что органы прокуратуры, как правило, недостаточно энергично и успешно борются с этими нарушениями, ограничиваясь принятием лишь эпизодических мер. Поэтрум борьба, которая ведется прокуратурой с нарушителями Устава с.-х. артели, все еще не дает надлежащих результатов.

Такое положение в дальнейшем должно быть признано совершенно нетерпимым.

Органы прокуратуры, в соответствии с директивами Прокуратуры Союза, обязаны систематически, изо дня в день вести борьбу с нарушениями Устава с.-х. артели, с пренебрежительным отношением к основному закону колхозной деревни, проводя эти работы не в виде очередной кампании, а как важнейшую, составную часть работы прокуратуры по борьбе за революционную законность.

Весенний сев текущего года должен проходить с исключительным подъемом.

Это, с одной стороны, последний весенний сев второй пятилетки, а с другой — первый сев, который крестьянство Советского союза будет проводить под знаменем новой, самой демократической в мире сталинской Конституции.

Мы должны поэтому сделать максимум возможного, чтобы эта весна стала новой исторической вехой на великом пути нашего движения к бесклассовому социалистическому обществу, к коммунизму.

С. БЕРЕЗОВСКАЯ

Первые итоги работы Отдела по общему надзору

Сейчас уже можно с определенностью сказать, что организация отделов общего надзора в аппарате органов прокуратуры дала положительные результаты. Прокурорский над-

зор за соблюдением законности становится более действенным, и вся эта работа получила значительно больший размах.

В Прокуратуру СССР ежедневно поступают спецдонесения о вскрытых органами прокуратуры на местах фактах нарушения советских законов. Из этих спецдонесений видно,

¹ Передовая «Правды» от 25 февраля 1937 г. № 55.

что органы прокуратуры во многих случаях играют активную роль во вскрытии незаконной и правильно ставят борьбу с ними, не ограничиваясь пресечением того или иного незаконного действия, а принимая предупредительные меры на дальнейшее.

Как видно из поступающих материалов, основная масса нарушений законности приходится на деревню.

Наиболее распространенными из них являются нарушения устава с.-х. артели, незаконное административное вмешательство риков и сельсоветов в хозяйственную деятельность колхозов, нарушения закона о национализации земли, о государственных заготовках, о кооперативной собственности.

Так, например, Диканьский рик Харьковской области в заседании 16 января 1937 г. вынес постановление о снятии 20 председателей колхозов, грубо нарушив тем действующее законодательство. Такие же самые беззакония допустил Тобольский рик Омской области, сняв с работы 29 председателей колхозов. Интересно отметить, что мотивами снятия являлись и такие, как «прибытие в район работника, окончившего курсы». Председатель Грязновского сельсовета единолично снял с работы председателя колхоза Лыкова.

В Омской, Ленинградской, Калининской, Кировской и Воронежской областях вскрыты многочисленные случаи незаконного распоряжения колхозным имуществом.

Серединкинский сельсовет Омской области вынес постановление, обязывающее колхозы засеять колхозными семенами участок земли сельсовета, предназначенный для нужд его работников. Казанский сельсовет Липецкого района Воронежской области обязал колхоз выдавать счетоводу сельсовета продукты «по его потребности». В Тельмановском районе Крымской АССР на колхозы возложили обязанность предоставить строительные материалы и рабочую силу для постройки районного клуба. Все эти постановления опротестованы.

Повсеместно вскрыты факты нарушения устава с.-х. артели как самими колхозами, так и органами власти на местах.

Обнаружилось, что в Ленинградской области во многих ревизионных комиссиях колхозов состоят люди, не являющиеся членами колхозов; колхозы Березовского района Омской области ввели у себя «кандидатский стаж» для принятия в члены колхоза; Пашенский рик Ленинградской области установил «испытательный срок» для принимаемых в колхозы. В той же Ленинградской области и в ряде других областей и краев исключение из колхозов проводится постановлениями не общих собраний, а бригадных.

Эти нарушения происходят, главным образом, из-за плохого знакомства с уставом, малой культурности, недомыслия. Органы прокуратуры, опротестовывая подобные незаконные постановления, одновременно ведут и разъяснительную работу, делают на колхозных собраниях доклады об уставе и т. д.

Встречаются злостные нарушения законности, требующие от органов прокуратуры принятия репрессивных мер в отношении виновных.

Так, например, в Ронгинском районе Марийской области прокуратурой вскрыты грубейшие нарушения Конституции, вызвавшиеся

в производстве зам. зав. финотделом Строфиловым и председателем сельсовета Тошпаевым массовых незаконных обысков в домах у лиц, не выполнивших своих обязательств по государственному поставкам. Виновные были преданы прокуратурой суду. Строфилов осужден к 2 годам лишения свободы, Тошпаев к 1½ годам лишения свободы.

За незаконные обыски у колхозников предан суду председатель Некрасовского колхоза В. Реченского района Омской области Прудников. За незаконные обыски, грубое обращение с колхозниками и единоличниками и нарушение кооперативной демократии, выразившееся в снятии с работы председателя сельсо, отдан под суд председатель Редьковского сельсовета Омской области Поздняк; за попытки принудительного размещения займа осужден народным судом к 1 году и.т. работ председатель Лыковского сельсовета той же Омской области Некрасов. Нарушения законности принимают иногда характер «законотворчества». Березовский рик Омской области установил своеобразную «приобретательскую» давность, не известную нашему гражданскому праву, издав постановление о том, что лица, выловившие во время наводнения то или иное имущество, по истечении одного месяца приобретают на него право собственности.

Все еще встречаются случаи нарушения закона о национализации земли.

Правление колхоза «Дружба» Татищевского района Саратовской области сдало в аренду райзаготскоту 130 га колхозной земли. Председатель колхоза за это осужден. Сдачей земли в аренду занялся и колхоз «Знамя труда» той же области. Правление колхоза сдало колхозникам в аренду за плату огороды.

По Московской области обнаружены серьезные нарушения законов об издании обязательных постановлений и о наложении штрафов за невыполнение этих постановлений. Так, например, в Шелуховском районе ни на одном постановлении о взыскании штрафов не указано, за нарушение какого именно обязательного постановления он наложен. Имеются случаи незаконного наложения штрафов. В том же Шелуховском районе подвергнуты штрафу колхозники Монахов, Сучков за то, что они в пруду ловили рыбу. Колхозники Краюшкин, Трушин и др. подвергнуты штрафу за игру в карты дома. Наконец, оштрафованы три колхозника по 25 руб. каждый за то, что они около пожарного сарая пели песни и тем самым отвлекли дежурного пожарника от прямых обязанностей.

В Московской области, как и в Ленинградской, обнаружены случаи о штрафовании злостных хулиганов вместо привлечения их к уголовной ответственности.

Эти и многие другие нарушения законности прокуратурой опротестованы, причем в Мособлисполком внесен ряд практических предложений, направленных к предупреждению подобных нарушений в дальнейшем.

Много случаев нарушения законов отмечается по делам налогового обложения и государственных заготовок.

Однако здесь работа органов прокуратуры определенно еще слаба. Это видно и по спецдонесениям, которые мало уделяют внимания

делам этого рода. Между тем, по жалобам и другим материалам, имеющимся в распоряжении Прокуратуры СССР, видно, что эти нарушения имеют широкое распространение и зачастую принимают весьма злостные формы.

Работники прокуратуры не дают себе труда входить в проверку правильности расчетов заготовительных и финансовых органов и кладут их решения в основу своих постановлений по жалобам. Налоговое законодательство для районного прокурора часто является «книгой за семью печатями», к преодолению премудрости которой он и не приступает.

Много грубых нарушений допускаются при взыскании налоговых недоимок. Зачастую в погашение налога отбирается то имущество, на которое по действующим законам взыскание не может быть обращено. Нормы, оставляемые плательщику по закону, не соблюдаются. Нарушаются и правила продажи имущества с торгов. Часто не составляются даже описи изъятого имущества и цены, за которую оно продано. Благодаря этому при отмене обложения и необходимости возврата имущества невозможно бывает установить ни количества его, ни стоимости. Этими делами наши прокурорские работники занимались мало в предшествующие годы, мало занимаются и сейчас, что совершенно недопустимо. Только тогда, когда нарушения налоговых законов начинают принимать формы прямых уголовных действий, иногда контрреволюционного характера, наши работники начинают бить в набат. Так было, например, в Витязевском районе Одесской области, где налоговые извращения, которым не давалось должного отпора, приняли, наконец, характер издевательства над населением.

Нарушения законности, вскрытые органами прокуратуры в городах, сводятся, главным образом, к нарушениям законов об издании исполкомами и горсоветами обязательных постановлений и наложения штрафов за них.

Так, например, установлено, что в Ленинграде постановления о наложении штрафов зачастую выносятся через 2—3 месяца после совершения поступка, за который штраф налагается, в то время как по закону штраф может быть наложен не позднее месячного срока со дня совершения нарушения. В наложении штрафов существует непонятная уравниловка. Гражданин, сорвавший цветок с клумбы в общественном саду, и явный дебошир-хулиган штрафуются одинаково по 10 руб. При этом ленинградская милиция допускала наложение штрафов на злостных хулиганов, в то время как их следовало предавать суду.

Нарушения закона допускали также райжилотделы Ленинграда. Выражалось это, главным образом, в том, что они выносили постановления (и проводили их в жизнь) о выселении различных учреждений из занимаемых ими помещений, не считаясь с договорами на право занятия помещения. Прокуратура Ленинградской области наряду с принесением протестов на незаконные постановления сообщала о них Ленинградскому облисполкому.

В г. Калинин нарушались правила опубликования обязательных постановлений. О многих из них население не знало.

Мотивы наложения штрафов в Калинин не имели иногда анекдотический характер; так, например, на одно домоуправление был наложен штраф «за антисанитарное состояние донимовой книги».

В Ростове на Дону горсовет на днях принял незаконное постановление об установлении трудгужповинности для борьбы со снеготаносами. Оно опротестовано и отменено.

Гораздо меньше внимания уделяют органы прокуратуры на местах надзору за соблюдением законности в хозяйственных учреждениях и отделах исполкомов. Между тем, и здесь совершается немало беззаконий, требующих вмешательства органов прокуратуры. Отделу общего надзора Прокуратуры СССР нередко приходится указывать работникам общего надзора на местах на конкретные факты нарушений закона, которые под боком у них совершаются, или устранять их непосредственным своим вмешательством.

Грубое нарушение закона вскрыто, например, в Московском горвнуторге: инспекция Мосгорвнуторга, задачей которой в частности является проверка различных жалоб на работу торговых предприятий, отпечатала в типографии и пустила в обращение повестки для вызова лиц, на которых поступают жалобы. В повестке указывается, что вызываемые приглашаются «на допрос». На обратной стороне повестки жирным шрифтом напечатано: «Не явившиеся по вызову подвергаются приводу на основании Уголовного (!?) и Уголовно-процессуального кодексов».

Прокуратура СССР вскрыла это безобразие и предложила немедленно изъять повестки из обращения. По делу ведется расследование.

Кировобадский горсовет (Азербайджанская ССР) вынес постановление, которым предложил горснабу: «Ввиду антисанитарного состояния базара и отсутствия развернутой борьбы со спекуляцией уволить всех работников городского базара и заменить их более честными».

Это незаконное постановление, грубейшим образом нарушающее трудовые законы СССР, бросающее оскорбление целому коллективу работников, прокурором г. Кировобад не было опротестовано и горснаб провел его в жизнь. В число уволенных попал, например, и счетовод базарной конторы, не имеющий никакого отношения ни к «антисанитарному содержанию базара», ни к «развертыванию борьбы со спекулянтами». Он обратился к прокурору Кировобад с жалобой на неправильное увольнение, однако безрезультатно. В дело должна была вмешаться Прокуратура СССР, предложившая немедленно опротестовать незаконное постановление горсовета и восстановить нарушенную законность.

В г. Мерве прокурор даже сам санкционировал явное беззаконие.

Председатель Мервского горсовета пожелал отобрать для себя квартиру, занимаемую командиром запаса т. Рославцевым. В этой квартире т. Рославцев жил в течение многих лет. Он своими руками вырастил во дворе сад, развел пчел, приспособил свое жилище для культурной жизни советского гражданина.

Мервский горсовет, не посчитавшись с жилищными законами СССР, с санкции прокурора выселил т. Рославцева из квартиры, предложив ему взамен ее лачужку в другом мес-

те. Тов. Рославцев решил вступить в борьбу за свои законные права и в лачужку не поехал, оставшись жить на дворе, куда его выселили.

Самое печальное в этом деле то, что прокуратура Туркменской республики, которой Прокуратура СССР предложила проверить это дело, присоединилась к нарушителям закона. Помощник прокурора республики т. Медведев сообщил, что он не видит в действиях горсовета ничего особенного. Рославцев, по его мнению, просто капризничает, не желая отдавать своей квартиры, своего сада и своих пчел. Подумаешь, буржуазные предрассудки! Может поселиться и в другом месте и там снова разводить и сады и пчел. Квартира же понадобилась председателю горсовета, который решил переменить свою старую.

Прокуратура СССР дала хороший урок прокурору Туркменской республики, раскрыв всю гнилость подобных взглядов на законность, предложив немедленно вселить Рославцева об-

ратно, а виновных в незаконном его выселении предать суду.

На этом маленьком и таком обыденном примере видны все неизжитые еще недостатки нашего общего надзора.

Защита прав отдельного советского гражданина не привлекает внимания прокурора; при разрешении вопросов, связанных с этими правами, прокурор позволяет себе противопоставлять «целесообразность» «законности», постановления и заключения прокурора по жалобам граждан на нарушение их прав носят еще иногда следы влияния местных органов власти. С этими недостатками работы отделов общего надзора надо как можно скорее покончить.

Забота об ограждении прав советского гражданина от каких бы то ни было посягательств должна стоять в центре внимания советского прокурора, ведущего работу по общему надзору. А единственным руководящим началом в разрешении этих вопросов является советский закон.

С. МИРОНОВ

Задачи прокуратуры водного транспорта в навигацию 1937 г.

В навигацию 1937 г. перед водным транспортом партия и правительство поставили огромные задачи. В этом году нужно перевести по сравнению с 1936 г. много больше грузов и пассажиров. Государственный план перевозок должен быть выполнен точно и с наименьшими затратами. Все организации водного транспорта мобилизуют водников на большевистское проведение навигации в 1937 г.

Прокуратура водного транспорта обязана развернуть решительную борьбу со всеми преступлениями, которые могут подорвать успешное завершение плана перевозок. Прежде всего, каждый работник прокуратуры должен сделать до конца все выводы из недавно закончившегося процесса антисоветского троцкистского центра. Оголтелая банда фашистско-троцкистских шпионов, диверсантов и террористов, стертая с лица советской земли, пыталась парализовать важнейший нерв народного хозяйства и обороны социалистической родины — транспорт. Этим процессом раскрыты причины многих чудовищных крушений на железных дорогах, совершенных бандой троцкистских заговорщиков.

Совершенно правильно сказал в своей речи т. А. Я. Вышинский, что «этот процесс вскрыл все тайные пружины подпольной преступной деятельности троцкизма, весь механизм их кровавой, их предательской тактики».

Еще кое-где остались, притаились эти трижды презренные, заклятые враги народа и продолжают вести подрывную вредительскую работу.

Контрреволюционеры-троцкисты — изменники родины и правые отщепенцы — вредили и на водном транспорте и особенно там, где не было большевистской бдительности и где сидели ротозей и болтуны. Следователи и не-

которые прокуроры недостаточно остро подходили к расследованию многих преступных фактов, сигнализировавших о вредительстве, неправильно заканчивали ряд таких дел с квалификацией преступления по ст. 111 или ст. 112 УК РСФСР.

Первая и главная наша задача — разоблачить и добить троцкистское охвостье и правых отщепенцев, ведущих подрывную работу на водном транспорте.

Материалы процесса требуют от прокуратуры по-иному оценивать аварийность на водных путях. Надо каждую аварию анализировать по-новому.

В 1936 г. многие прокуроры бассейнов слабо искали врага-вредителя в делах по авариям. Заканчивали следствие и предавали виновных суду за обычное нарушение трудовой дисциплины и невыполнение правил плавания и судовождения. По некоторым, даже серьезным, авариям прокуроры не приступали к производству следствия (прокурор М.-Окского бассейна т. Погоржельский) и полагались на начальников пароходств, которые в свою очередь тинули волокиту в даче технического заключения о причинах аварий, и поэтому аварийщики оставались безнаказанными.

Следы аварийности, как показывает ряд дел, ведут на заводы, в механико-судовые службы, в отделы кадров.

Преступно вредительски ремонтируют суда, назначают явно неопытных, неподготовленных командиров.

Надо прямо сказать, что до настоящего времени все еще нет непримиримой борьбы с аварийщиками и их пособниками. Прокуратура бассейнов не всех виновных в совершении аварий привлекает к ответственности, многие начальники пароходств проявили гнилой либе-

рализм и даже прямое игнорирование приказа наркома № 272 о борьбе с авариями. Вся обстановка на водном транспорте и рост аварий из года в год настоятельно требуют от суда более строгих мер наказания в отношении аварийщиков. В настоящую навигацию прокуратура должна это обеспечить и не допускать ошибок, имевших место в 1936 г., которые подробно обсуждались на январском совещании прокуроров бассейнов.

Недопустимо длительные сроки расследования дел об авариях приводили к утрате эффективности судебной репрессии и к прекращению некоторых дел по мотивам нецелесообразности слушания их в суде.

Прокуратура Аму-Дарьинского бассейна дело об аварии баржи «Комсомолка», возбужденное 12 мая 1936 г., не закончила до конца января 1937 г. по вине следователей Таджиевой, Садовникова и прокуроров Андреева и Нечаева.

Дело о поджоге катера «Туркменистан» и катюка № 243 расследовалось с 4 июня по 12 декабря, причем это дело лежало без движения несколько месяцев у следователей Рахматулина и Азаниева. Можно было бы привести много таких фактов возмутительной волокиты и по другим бассейнам. Никакими причинами эту волокиту оправдать нельзя. Объяснение волокиты надо только искать в расхлябанности, недисциплинированности и безответственности следственных кадров, а также в крайне слабом руководстве со стороны прокуроров бассейнов и участков.

Прокурор Союза ССР требует положить конец ничем не оправдываемой волокиты в расследовании преступлений на водном транспорте. Вместо бесполезной констатации длительности расследования прокуроры бассейнов и участков должны взять под непосредственный надзор движение следствия по каждому делу и в отношении всех волокитчиков принимать решительные меры вплоть до отстранения их от работы и предания суду.

На аварию судов обязан немедленно выезжать прокурор и следователь, следствие заканчивать не позднее 10-дневного срока. В этот же срок необходимо обеспечить получение технического заключения от начальника пароходства. По всем делам об авариях должен выступать обвинителем прокурор. Каждый судебный процесс над виновниками аварий должен проводиться как процесс, имеющий большое политическое значение. Каждый процесс должен широко освещаться в местной и центральной печати водного транспорта.

Безаварийная работа в предстоящую навигацию во многом зависит от доброкачественного ремонта судов. Контрреволюционные троцкисты и их сподвижники — правые отщепенцы — стараются всеми мерами вредить и сорвать план ремонта судов. Этих мерзавцев — изменников родины — всех до одного прокуратура должна выявить и вместе с водного транспорта.

Ни одно судно не может выйти в плавание без хорошо выполненного ремонта. Прокуратура бассейна несет полную ответственность за своевременное разоблачение всех виновных, срывающих зимний судоремонт, и привлечение их к ответственности. В мастерских, на заводах, на всех судах следует активизи-

ровать работу групп содействия прокуратуре. Надо добиться такого положения, чтобы активисты прокуратуры сигнализировали о всех преступлениях в области судоремонта и подготовки судов к выходу в плавание.

Важнейшим условием в ликвидации аварийности и в успешном проведении навигации является укрепление трудовой дисциплины среди водников. Расхлябанность дисциплины, преступная безответственность, косность и бюрократизм не получают решительного отпора и воздействия со стороны прокуратуры и командного состава.

В навигацию 1936 г. на судах работали злостные аварийщики и хулиганы. По их вине немало было случаев срыва работы судов.

В предстоящую навигацию мы не можем допустить такого состояния личного состава судовых команд. Прокуратура бассейна обязана оказать помощь начальникам пароходств и политотделов в разоблачении аварийщиков, хулиганов и лиц, нарушающих трудовую дисциплину.

Обучение кадров плавсостава, тщательное его инструктирование по вопросам правил плавания и судовождения играют большую роль в четкой и безаварийной работе. Прокуратура должна вести борьбу с лицами, игнорирующими и срывающими дело вооружения техническими знаниями плавсостава.

Прокуратура водного транспорта в 1936 г. плохо боролась с перепростоём судов под погрузкой и выгрузкой. Это приводило к тому, что виновники задержки судов оставались безнаказанными. Этим пользовались враги народа, охвостье троцкистов, и срывали план перевозок. Так было в Камском и Волжских пароходствах.

Троцкисты на пристани Пермь организовали контрреволюционный саботаж. Забили рейд грузовыми судами, а пристанционные склады — грузами, ожидавшими погрузки на суда и перевалки на железную дорогу. В результате тоннаж не подавался вовремя к пунктам погрузки в Камском и даже в других пароходствах, что повлияло на срыв плана перевозок. Прокуратура Камского бассейна очень поздно по этому делу приступила к расследованию, а к ответственности привлекла виновных в конце навигации.

Так работать в 1937 г. мы не можем. Такое отношение прокуроров свидетельствует об ослаблении революционной бдительности. Мы должны обеспечить в предстоящую навигацию своевременное возбуждение уголовного преследования, быстрое расследование дел и без задержки рассмотрение их в суде.

Важнейшей задачей прокуратуры является охрана общественной социалистической собственности.

На основе указаний прокурора Союза ССР мы должны в этой области поднять нашу работу на новую, более высокую ступень. Главное внимание работники водной прокуратуры должны сосредоточить:

- а) на выявлении и привлечении к уголовной ответственности всех виновников хищений и растрат;
- б) на раскрытии виновников хищений, которые скрываются под так называемыми «недоставками» грузов;

в) на привлечении к ответственности лиц, виновных в неорганизации охраны груза, что способствует хищениям;

г) на ликвидации волокиты в расследовании дел и особенно дел о растратах;

д) на соблюдении порядка приема и сдачи грузов по весу.

Мы имеем все возможности путем более оперативной, более ответственной работы полностью ликвидировать хищения на водном транспорте. Работа прокуроров будет оцениваться не по количеству расследованных дел, а по тому, как борьба прокуратуры повлияла на сокращение и ликвидацию хищений и растрат.

Водные прокуроры должны особое внимание обратить на борьбу с преступлениями в области капитального строительства. Враги народа — вредители-троцкисты и правые отщепенцы и на этом участке протягивают свои кровавые руки. Проекты на объекты строительства изменяются несколько раз. Строительство сильно затягивается и даже много раз консервируется, а затем вновь возобновляется. То, что может быть построено в 1—2 года, строится 5—7 лет, и кроме того многие объекты заканчиваются строительством недоброкачественно. Разбазаривание строительных материалов и случаи задержки выдачи зарплаты рабочим и служащим не получают соответствующего отпора со стороны прокуроров бассей-

нов, и многие виновные в этом лица не привлекаются к ответственности.

Надо систематически проводить борьбу с преступлениями на важнейших объектах строительства и нанести сокрушительный удар по контрреволюционным саботажникам и вредителям.

Для успешного большевистского выполнения всех задач, поставленных перед прокуратурой великой сталинской Конституцией, нам нужно высоко поднять идейно-политическую и юридическую подготовку кадров прокуроров, следователей и секретарей.

К началу навигации необходимо закончить сдачу юрминимума и в основном пройти техническому.

Поднимая политическую и юридическую квалификацию и повышая общую грамотность, мы будем продолжать непримиримую борьбу со всеми врагами народа, мерзавцами-троцкистами и правыми отщепенцами.

На январском совещании прокуроров бассейнов т. Вышинский сказал: «Если вы спросите, какая наша первая задача, то я отвечу: будьте достойны нашей великой партии и тех требований, которые нам предъявляет наш великий вождь и учитель товарищ Сталин, оправдайте их, и все задачи будут решены».

Водные прокуроры должны это указание прокурора Союза крепко запомнить и выполнять.

Е. ДОМБРОВСКИЙ

Прокуратура и надзор за исполнением судебных решений

Правильное и своевременное исполнение судебного решения имеет исключительно важное значение для укрепления социалистической законности, устойчивости гражданского оборота социалистического общества и охраны гражданского правопорядка.

Сказанное товарищем Сталиным о стабильности наших законов целиком относится и к устойчивости судебного решения, вступившего в законную силу.

«Стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было» (Сталин). Строй гражданских правоотношений социалистического общества требует охраны их судебными органами, точного исполнения судебных решений, надзора за их исполнением.

Недавно состоявшееся в Москве I всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников по гражданским делам обстоятельно, поделовому проанализировало недостатки работы суда и прокуратуры в гражданском процессе.

Особое место в работе совещания было уделено обсуждению вопроса об исполнении судебных решений.

Председатель гражданской коллегии Верховного суда РСФСР т. Лисицын в своем докладе на совещании нарисовал объективную картину крайне неудовлетворительного положения на этом участке судебной работы.

«Ревизии и обследования народных судов и

непрекращающийся поток жалоб на действия судебных исполнителей, волокиту, бездействие, бюрократизм и т. п. свидетельствуют о том, что в настоящее время работа по исполнению судебных решений находится в неудовлетворительном состоянии» (из тезисов доклада т. Лисицына).

Совещание подробно обсуждало намеченные докладчиком мероприятия для улучшения работы по исполнению судебных решений. В числе основных недостатков указывались: нетерпимая волокита с исполнением судебных решений, безответственное отношение судебных исполнителей к запросам сторон, оставление без ответа обращений взыскателей, самотек в работе по исполнению решений, загрузка судебных исполнителей мелкими взысканиями хозорганов, от чего страдают живые интересы взыскателей-трудящихся, нарушение социалистической законности со стороны судебных исполнителей — формальное отношение к исполнению судебных решений, отсутствие инициативы, плохая постановка учета исполнительных листов и денежных документов, неудовлетворительная денежная отчетность и плохое хранение денежных сумм, крайне слабая работа с общественностью и неудовлетворительное руководство судебными исполнителями со стороны судов.

Перечень этих недостатков являлся бы неполным, если бы мы не отметили совершенно

неудовлетворительную работу народных судов по руководству судебными исполнителями и по качеству тех определений, которые выносятся судьями в порядке ст. 270 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик. Краевые и областные суды чрезвычайно слабо руководят этим участком судебной работы.

Принятая совещанием резолюция по докладу т. Лисицына целиком направлена на скорейшее устранение этих недостатков и надлежащую организацию надзора за исполнением судебных решений. Улучшению работы по исполнению судебных решений будет, несомненно, способствовать значительное расширение сети судебных исполнителей.

Негернимо дальше такое положение, когда суд фактически стоит в стороне от исполнения судебных решений.

Надзор судебных органов за исполнением судебных решений прямо предусмотрен ст. 270 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик. Согласно этой статье, жалобы на действия судебного исполнителя и иного органа, исполняющего судебное решение (исполнительный комитет, сельский совет и т. п.), в установленных законом случаях подаются народному судье, в районе которого производится исполнение, в пятидневный срок со дня совершения обжалуемого действия или же с того момента, когда оно стало известно жалобщику.

Жалобы эти рассматриваются единолично народным судьей с вызовом, в случае необходимости, заинтересованных сторон.

На определения, выносимые по этим жалобам народным судьей, могут быть приносимы частные жалобы в краевой (областной) суд (ст. 249 ГПК).

Следовательно, закон устанавливает не только непосредственный надзор за исполнением судебных решений со стороны народного судьи по месту исполнения, но и проверку определений судьи краевым (областным) судом по гражданской кассационной коллегии. Исправление ошибок народных судей по надзору за исполнением судебных решений, дача конкретных указаний в связи с рассматриваемыми частными жалобами лежат на краевом (областном) суде.

Непосредственный надзор за работой судебных исполнителей предусмотрен также ст. 267 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик. Эта статья предусматривает утверждение народным судьей расчета при распределении судебным исполнителем взысканных с должника сумм для удовлетворения нескольких взыскателей. В случае возражения взыскателей или должника против расчета судебного исполнителя последний представляет этот расчет на утверждение народного судьи. Постановление народного судьи об изменении расчета может быть обжаловано в пятидневный срок в порядке частного обжалования (ст. 249 ГПК).

Нормы Гражданского процессуального кодекса РСФСР и кодексов других союзных республик, однако, недостаточно полно регламентируют надзор суда за работой судебных исполнителей, равно как и процессуальный порядок рассмотрения жалоб на их действия.

Отсутствие в кодексе соответствующих норм ставит нередко суд в затруднительное поло-

жение. При разработке проекта ГПК Союза ССР, очевидно, необходимо восполнить этот пробел, предусмотрев в нем в числе особых производств подробно регламентированное производство по жалобам на действия судебных исполнителей. В схеме проекта союзного ГПК такое производство предусмотрено.

Какова же роль прокурора в стадии исполнения решения?

Практика знает ряд случаев неправильного осуществления прокуратурой надзора за исполнением судебных решений.

В докладе т. Лисицына правильно отмечалось, что имеются случаи незаконного вмешательства прокурора в оперативную работу судебных исполнителей, выражающиеся в непосредственных распоряжениях об отсрочке и отмене отдельных исполнительных действий, в даче словесных и по телефону распоряжений по отдельным вопросам исполнения.

Такие распоряжения прокурорских органов не соответствуют закону. Лишь суд является тем органом, на который возложен законом оперативный надзор за исполнением судебных решений. Этот тезис подчеркивался как в докладе т. Борисова о работе прокуратуры по гражданским делам, так и в докладе т. Рейхеля о работе суда.

Принцип невмешательства суда в исполнительное производство чужд нашему гражданскому процессу. Дореволюционный закон, исходя из буржуазной диспозитивности и состязательности гражданского процесса, устанавливал, что «судебные установления не обязаны наблюдать за приведением решений в исполнение» (ст. 925 Устава гражданского судопроизводства). Аналогичные нормы содержатся и в процессуальных кодексах буржуазных стран.

Последовательное проведение принципа диспозитивности в буржуазном процессе предоставляет исполнение судебных решений целиком усмотрению взыскателей. Суд не вправе активно вмешиваться в осуществление взыскателями их прав по исполнительным документам. Совершенно другое положение мы имеем в нашем гражданском процессе — активность суда в процессе, несомненно, распространяется и на стадию исполнения судебного решения. Важнейшие указания ст. 5 ГПК РСФСР, ст. 7 ГПК УССР и соответствующих статей ГПК других союзных республик настоятельно требуют усиления внимания суда к исполнению судебных решений и активной работы по надзору за деятельностью судебных исполнителей. Суд обязан «оказывать обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы им во вред. При этом суд разъясняет обращающимся к нему сторонам их процессуальные права и необходимые формальности, предупреждая о последствиях, связанных с процессуальными действиями или упущением их» (ст. 5 ГПК РСФСР).

Совершенно очевидно, что указанное требование закона как один из основных принципов советского гражданского процесса полностью распространяется и на стадию исполнения судебного решения.

Кто из судебных работников не знает, как часто взыскатели обращаются за содействием

к судебным органам именно в порядке исполнения судебных решений? Достаточно напомнить исклчительно большое количество жалоб и заявлений об исполнении судебных решений по алиментам, о взыскании присужденной заработной платы и др., чтобы отчетливо представить себе, насколько актуальным является требование закона об активном вмешательстве суда в исполнительный процесс и осуществлении действенного надзора за исполнением судебных решений. Такого надзора необходимо во что бы то ни стало добиться.

В гражданском процессуальном кодексе Союза необходимо развить нормы, касающиеся активного надзора за исполнением судебных решений.

Вследствие игнорирования судьями этого участка своей работы мы имеем сейчас такое положение, когда взыскательницы алиментов на содержание детей нередко не могут добиться реализации судебного решения, а иногда не получают даже ответа на свои неоднократные запросы о взыскании алиментов с неисправных или злостных неплательщиков.

Тов. Лисицын констатировал в своем докладе, что почти 50% взысканий по исполнительным листам сводятся к формальному составлению судебными исполнителями актов о несостоятельности или о нерозыске должника и к составлению препроводительных бумажек о направлении исполнительных листов в другие организации. Судьи молчаливо наблюдают за подобным рода «исполнением» судебных решений.

Отсюда понятен тот поток жалоб, который направляется взыскателями в органы прокуратуры на бездействие судебных исполнителей или на неправильные действия последних, а также на оставление без ответа запросов и обращений сторон.

Роль прокуратуры в этой области определяется действующим законодательством, согласно которому «прокурор вправе как начать дело, так и выступить в дело в любой стадии процесса, если, по его мнению, этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс» (ст. 2 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик).

Следовательно, прокурор, опираясь на указанную ст. ГПК, может вмешаться в дело и в стадии исполнения судебного решения.

Проверив жалобу, прокурор вправе принести протест на незаконные действия судебного исполнителя в суд по месту исполнения; он вправе также опротестовать незаконное определение народного судьи, вынесенное в порядке ст. 270 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик, в гражданскую кассационную коллегию краевого (областного) суда.

Прокурор вправе возбудить перед краевым (областным) судом вопрос о наложении дисциплинарного взыскания на виновных в волоките, бюрократизме, невнимательном отношении к жалобщикам должностных лиц судебной системы. Прокурор обязан также ставить вопрос о привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших уголовно-наказуемое деяние в стадии исполнения судебного решения.

Прокурор вправе, наконец, потребовать су-

дебное дело и принести протест на судебное решение, если из поданной жалобы он усмотрел незаконность судебного решения, руководствуясь при этом ст. 254 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик.

Прокуратура не должна, однако, непосредственно вмешиваться в оперативную работу судебных исполнителей. Жалобы на их действия должны направляться в суд. Верховные суды союзных республик, краевые и областные суды на основе решений всесоюзного совещания должны разработать систему мероприятий по обеспечению нормальной работы судебных исполнителей и судебного надзора за их деятельностью.

Прокуратура же принимает к своему производству жалобы на действия судебных исполнителей лишь в тех случаях, когда эти действия противозаконны, когда наблюдаются случаи волокиты, бюрократизма, нарушения принятых судебных решением гражданских прав в стадии исполнения или когда жалоба указывает на явно неправильное судебное решение, требующее истребования дела, приостановления исполнения решения и принесения протеста.

Так, например, Прокуратура Союза ССР правильно вмешалась в дело исполнения судебного решения о выселении машинно-тракторной станции, произведенном явно противозаконно. Жалоба направлена была в следственный отдел для расследования и привлечения виновных к ответственности. Прокуратура также правильно вмешалась в исполнение судебного решения об истребовании ребенка, по которому ребенок на основании судебных решений в течение месяца несколько раз перебрасывался от одного родителя к другому. По делу был принесен протест в интересах ребенка, и дело окончательно разрешено с участием в процессе прокурора. В связи с этим делом, кстати сказать, была издана директива Прокурора Союза от 8 августа 1936 г. об обязательном участии прокурора в судебных процессах об истребовании ребенка.

Прокурор должен поинтересоваться исполнением судебного решения по поручениям вышестоящих звеньев прокуратуры, а также по поручениям контрольных органов. Все предложения вышестоящих прокуратур о проверке принятых мер по исполнению того или иного судебного решения должны быть неукоснительно выполняемы нижестоящими звеньями прокуратуры в установленные сроки.

Общий вывод, какой следует сделать по затронутым нами вопросам, сводится, таким образом, к строгому соблюдению законов, определяющих роль суда и прокурора в гражданском процессе.

Нормальной инстанцией, осуществляющей повседневный надзор за исполнением судебных решений, является суд по месту исполнения.

Прокурор не вмешивается в оперативную работу судебного исполнителя или иного органа, исполняющего судебные решения (сельсовет и др.). Роль прокурора и в стадии исполнения решения определяется ст. 2 ГПК и задачами надзора за законностью судебных решений.

О техническом снаряжении следователя

На заключительном заседании последней конференции следователей Прокуратуры Союза ССР т. Вышинский заявил, что следователю пора научиться настоящему следственному розыску, что пора следователю перестать заниматься одним только протоколированием. Это не значит, конечно, что следователь будет иметь свой розыскной аппарат, но это значит, что он должен обладать такой квалификацией, чтобы быть в состоянии руководить, когда это необходимо, и розыском преступника.

Новые требования, которые предъявляются к следователю, вытекают из сталинской Конституции социалистического общества. Необходимо обеспечить такое положение, при котором всякий враг народа, всякий покушающийся на социалистическую собственность, всякий покушающийся на личные права граждан социалистического общества будет изобличен органами правосудия, при котором ни одно преступление не останется не раскрытым.

На народного следователя возложено расследование наиболее серьезных уголовных дел, имеющих большое общественно-политическое значение.

Для успешного выполнения этой большой и ответственной задачи наш следователь должен обладать не только высоким политическим и культурным уровнем развития, но и определенными знаниями в области уголовной техники и иметь минимум технического снаряжения.

За последнее время Прокуратура Союза ССР сделала очень многое в области повышения теоретического уровня следователей; особенно эта работа усилилась с созданием следственных отделов. Собираются периодические конференции следователей, к работам этих конференций привлекаются лучшие педагогические силы, издается целый ряд методических пособий. И все же эта работа может оказаться незавершенной, если мы серьезно не возьмемся за техническое оснащение следователя.

На совещании начальников следственных отделов союзных республик, которое было созвано следственным отделом Прокуратуры Союза ССР, был рассмотрен образец так называемого следственного чемодана. Все выступившие в прениях приветствовали это начинание Прокуратуры Союза ССР и просили ускорить разрешение вопроса о снабжении следователей подобными чемоданами. Демонстрируемый следственный чемодан был принят совещанием в качестве образца. Совещание вынесло решение приступить к массовому изготовлению следственных чемоданов с тем, чтобы уже в 1937 г. часть следователей его имели.

Центральный методический совет при Прокуратуре Союза ССР 10 февраля с. г. при окончательном утверждении образца следственного чемодана внес в него много изменений. Указано было, чтобы чемодан не был громоздким, чтобы содержимое чемодана по своей простоте было доступно каждому следователю. В качестве приложения к чемодану предложено написать руководство. В этом руководстве не-

обходимо описать каждый предмет чемодана и правила пользования им.

Совет обязал зам. Прокурора Союза ССР т. Рогинского обеспечить массовое изготовление следственных чемоданов уже начиная с марта.

Следственный чемодан — это и есть тот минимум технического снаряжения, который должен иметь следователь.

Мысль о «следственном чемодане» или «следственной сумке» не нова. О «следственном чемодане» не раз уже писалось в нашей криминалистической литературе. Многие заинтересованные в этом учреждении разрабатывали и изготовляли показательные экземпляры «следственных чемоданов». Но «воз и ныне там». — дальше изготовления показательных экземпляров дело не шло.

Нам кажется, что этот вопрос очень серьезный и заслуживает большего внимания, чем он до сего времени имел. Лаборатория по научно-следственной работе Прокуратуры Союза ССР получила не один десяток писем от наших следователей с просьбой оказать им содействие в приобретении некоторых материалов и аппаратуры по технике расследования. Это лишний раз подтверждает, что надо ускорить снабжение нашего следователя необходимыми предметами технического снаряжения.

Аксиомой для каждого криминалиста является, что осмотр места совершения преступления есть основа для всего дальнейшего расследования. От успешности произведенного осмотра часто зависит все дальнейшее рассмотрение дела. Но что может сделать следователь, если он выезжает на место совершения преступления, что называется с «голыми руками». Кроме того, следователь часто не знает, с чем ему придется встретиться на месте преступления и что он должен с собой захватить. В этих случаях «следственный чемодан» как набор всего необходимого может спасти от неожиданностей.

Подходя с этим требованием к содержанию «следственного чемодана», мы должны его организовать таким образом, чтобы «следственный чемодан» содержал все необходимое: приборы и материалы по обнаружению и собиранию вещественных доказательств на месте преступления.

Первым, самым крупным отделом «следственного чемодана» должен быть фотографический. Мы не согласны с т. Якимовым, который, предлагая образец «следственного чемодана», исключает вообще фотографию. Фотографирование места преступления или отдельного вещественного доказательства должно всегда предшествовать всем другим методам расследования. Во-первых, это полезно сделать потому, что фотографический метод не вносит никаких изменений в обстановку места преступлений, чего другие методы гарантировать не могут. Во-вторых, тщательный осмотр и изъятие отдельных предметов в качестве вещественных доказательств может быть только после того, как все место преступления сфотографировано в целом.

Какие предметы и материалы необходимы в этом отделе? Мы считаем, что предметы должны быть самые необходимые и притом такие, которые имеются в продаже (последнее обстоятельство важно, имея в виду массовое изготовление следственных чемоданов): фотографический аппарат ВООП (Фотокор). Этот фотоаппарат имеет двойное расстояние меха, позволяющее фотографировать предмет в его натуральную величину. Качество объектива этого аппарата (светосила 1:4,5) позволяет его рекомендовать для оперативно-следственной фотографии. Необходимо иметь в чемодане не менее десяти штук кассет. Кассеты лучше всего заряжать ортохроматическими пластинками.

Необходимы два светофильтра — желтый и оранжевый. Желтый необходим для получения на фотоснимке правильного соотношения между окраской снимаемых объектов, оранжевый — для фотосъемки предметов или следов, находящихся на красном, оранжевом или коричневом фоне. При употреблении светофильтров нужно иметь в виду, что при фотографировании на пластинках, не чувствительных к желто-зеленым или красным световым лучам, светофильтры не применяются.

Вместо обыкновенного штатива в чемодане должен быть видель-штатив. Последний, во-первых, занимает очень мало места, во-вторых, при помощи его фотоаппарату можно придать устойчивое положение в любой обстановке. Имеющаяся на штативе вращающаяся штативная головка позволяет при необходимости придать фотоаппарату вертикальное (объективом вверх или вниз) или наклонное положение.

Необходимо также иметь порошок для вспышки, ибо не всегда можно использовать дневной или электрический свет.

Для точного обозначения размера фотографируемых следов или отдельных предметов употребляется масштаб. Для этого масштабная линейка помещается рядом и в одной плоскости с фотографируемым объектом.

Вдавленные следы фотографировать необходимо при косом одностороннем освещении. При искусственном освещении это достигается расположением светового источника с одной стороны под углом от 10° до 20° к плоскости нахождения следа, причем угол освещения возрастает при фотографировании наиболее углубленных следов во избежание образования теней.

Правильность освещения следа проверяется по матовому стеклу фотоаппарата, на котором контуры следа должны изображаться с достаточной отчетливостью.

В чемодане должно быть все необходимое для получения копий следов путем изготовления с них слепков (второй отдел чемодана). Это, во-первых, гипс, необходимый для изготовления слепков со следов ног человека и животных, транспортных средств и т. д., и, во-вторых, пластем, применяемый для получения слепка со следа, оставленного каким-либо орудием на твердой поверхности.

Пульверизатор необходим для опрыскивания

водой сыпучих веществ. На которых имеется след, с которого необходимо получить слепок.

Для составления плана необходимы планшет с укрепленным на нем компасом, трехгранная линейка для визирования при производстве «глазомерной съемки», миллиметровая бумага в листах на размер планшета, готвальня и металлический метр.

Для применения дактилоскопического метода соответствующий отдел следственного чемодана должен содержать: 1) аргентрат и графит для проявления бесцветных пальцевых отпечатков, оставленных на стеклянных, гладких металлических и полированных поверхностях; 2) пленки белого и черного цвета для снятия копий пальцевых узоров, проявленных порошками; 3) кисти из мягкого волоса; 4) лупа; 5) типографская краска; 6) цинковая полированная пластинка; 7) валик; 8) скипидар; 9) свечи; 10) резиновые перчатки; 11) деревянная коробочка, предназначенная для сохранения от порчи изъятых кусков стекла со следами пальцев рук; 12) алмаз для разрезывания стекла при изъятии кусков с пальцевыми отпечатками.

Оттиски пальцев рук, обнаруженных на месте преступления, подлежат изъятию и направлению в соответствующие лаборатории для исследования. На предметах, могущих быть доставленными в лабораторию, пальцевые отпечатки не подвергаются обработке на месте преступления.

Кроме перечисленных выше приборов и материалов, в «следственном чемодане» необходимо иметь: отмычки — дверные и шкафные для вскрытия помещений на месте преступления, когда это нельзя сделать обычным способом; инструменты — нож, ножницы, щипцы, кусачки, напильник, молоточек, отвертку, — все это требуется для работ по изъятию и упаковке вещественных доказательств.

Из реактивов должна быть перекись водорода для предварительной пробы на кровь. Здесь же нужно заметить, что предварительную пробу на кровь при нахождении пятен, схожих с кровяными, следует производить только в исключительных случаях и притом на самом ограниченном пространстве пятна. Основное исследование должно быть произведено в соответствующей лаборатории.

В «чемодане» в запасе должно быть несколько пустых пробирок для помещения в них мелких вещественных доказательств, подлежащих микроскопическому исследованию, например, волосы, грязь из-под ногтей, пыль и т. п.

Все перечисленное и является тем минимумом, который должен иметь каждый следователь в своем распоряжении. При массовом изготовлении стоимость одного «следственного чемодана» не будет превышать 550 руб.

Чем скорее мы проведем в жизнь прекрасное решение совещания начальников следственных отделов о «следственном чемодане», тем будет больше пользы для дела. Вновь организованная лаборатория по научно-следственной работе Прокуратуры Союза ССР должна взяться за это дело немедленно.

К вопросу о переподготовке кадров

В резолюции июльского Всесоюзного совещания прокурорских работников с полной ясностью было записано: «Перед лицом чрезвычайно важных задач, поставленных новой Конституцией перед органами прокуратуры, приобретает особенное и исключительное значение правильная организация работы самой прокуратуры... прокуратура в работе всех звеньев своего аппарата, от районной прокуратуры до прокурора союзной и автономной республики должна давать образцы:

а) беспредельной преданности делу социализма, делу великой партии Ленина—Сталина;

б) высокой политической и специальной квалификации каждого из работников своей системы;

в) высокой сознательной пролетарской дисциплины и беспрекословного большевистского исполнения своего прокурорского долга».

Несмотря на необходимость резкого улучшения качества работы всего следственно-прокурорского аппарата, вопросу переподготовки кадров уделяется все еще очень мало внимания.

Крупным недостатком в организации прохождения юрминимума явилось, по нашему мнению, то, что работа была начата с периферии.

Областные прокуроры и их заместители до сих пор все еще собираются сдавать юрминимум.

На протяжении 1935 г. была полная возможность организовать сдачу юрминимума руководящими работниками краев и областей, а при этом основательно проинструктировать их о порядке проведения этой работы на местах.

Ничего подобного Наркомюст не предпринял, и лишь в начале 1936 г. лично т. Вышинский вызвал целый ряд областных и краевых прокуроров на совещание по вопросам проведения юрминимума при Прокуратуре СССР.

Единой системы организации сдачи зачетов выработано не было: в Западной Сибири имели место случаи сдачи зачетов целыми группами с составлением одного общего протокола человек на 15—20 сдающих. Сдача зачета по первой части юрминимума такой группой людей «укладывалась» в 5—6 час. По Западной области зачеты сдавались и сдаются индивидуально с составлением отдельных актов.

При таком положении вещей не удивительно, что наши руководящие организации в центре несколько недоверчиво относятся к итоговым данным сдачи испытаний по юрминимуму, и т. Рогинский на июльском совещании прокуроров совершенно правильно по этому поводу заметил: «Одно из двух, либо юридический минимум проводился бюрократически, по-чиновному, и те данные, которые нам представили, не соответствуют действительному положению вещей, либо выступления здесь и указания о том, что вы имеете такой прорыв в кадрах, о котором говорили т. Гарин и другие, свидетельствуют лишь раз о том, что вы не знаете своих кадров».

Несомненно, что организация проведения юрминимума была поставлена плохо: не носила единообразного характера, отсутствовали единые критерии оценки, а отсюда и наличие странного положения — неплохие отметки и в то же время в аппарате попрежнему — неподготовленные люди, подчас буквально обыватели «в мундирах следователей и прокуроров».

Сейчас во всю ширь поставлен вопрос о том, что следователи и прокуроры должны быть всесторонне культурными, вполне грамотными людьми. Наши мероприятия по переподготовке кадров в очень малой мере обеспечивают достижение значительных результатов в этом направлении и недостаточно способствуют изучению кадров.

В практике работы Западной областной прокуратуры в порядке опыта экзаменационная комиссия, принимая испытания по юрминимуму, попробовала не ограничиться рамками учебника, а в ряде случаев, стремясь выяснить степень политического и общего культурного развития товарищей, беседовала по вопросам, выходящим за пределы программы юридического минимума.

Такая постановка работы дала возможность выявить буквально вопиющие факты.

Народный следователь т. Самосват, который в свое время закончил семилетку и работает следователем с 1929 г., услышав, что его спрашивают не о порядке возбуждения уголовного дела, а по географии, обиделся и прямо указал, что это едва ли касается его следовательской работы.

Народный следователь Дятьковского района т. Латынов работает с 1933 г. и «ухитрился» (иное выражение в данном случае едва ли подойдет) до сих пор не знает, что такое стратостат.

Следователь Гордеевского района т. Зайцев не знает, что такое монархия, и склонен считать, что в Германии — монархия. Он объяснил свое «мнение» тем, что «по его сведениям там у власти буржуазия».

Комсомолец Кулешов, работающий около года следователем Погарского района, в дни, когда даже советские дети следили за событиями в Испании и, как пять своих пальцев, изучили географическую карту этой страны, признался, что не знает, какой город — столица Испании.

По его мнению, в Италии власть в руках коммунистов, а на вопрос о том, кто такой Муссолини, он спокойно заявил, что не знает и не видит надобности запоминать отдельные фамилии.

Что может быть более возмутительным в сравнении с фактами, установленными в процессе сдачи испытаний по юрминимуму следователем Климовского района Срединским?

Этот человек в свое время закончил полный курс гимназии. Он имел неплохое общее образование. Работая несколько лет следователем, т. Срединский, вместо того чтобы расти политически, безнадежно увяз в болоте обывательщины, не интересовался и не инте-

ресуется жизнью страны, забыл, что такое книга и газета.

Из беседы с ним во время испытаний выяснилось, что с проектом сталинской Конституции он совершенно незнаком.

Он остался в стороне от окружающей его действительности, владея лишь остатками знаний, полученных в гимназии.

Когда т. Срединского спросили, что он читал из произведений современной художественной литературы, то выяснилось, что даже таких замечательных книг, как «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Как закалялась сталь», он не читал.

К сожалению, т. Срединский не одиночка. Во время беседы комиссии с рядом следователей и прокуроров выяснилось, что некоторые из них до сих пор не читали ни одного произведения Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, Алексея Толстого и др.

Все эти люди мало-мальски удовлетворительно отвечали на прямые вопросы по содержанию учебника юрминимума, но обнаруживали полное невежество всякий раз, когда речь заходила о вещах, которых нет в учебнике.

В результате работы таких следователей и прокуроров мы получаем позорные факты.

Вот образец такой «работы».

Народный следователь Велижского района т. Казаков в обвинительном заключении по делу Павлова пишет: «В своих показаниях Павлов называет себя человек исключительной честности и преданности советской власти (беспартийный большевик), по если бы Павлов был действительно таким, то он не хранил бы на протяжении 19 лет полицейскую паспортную книжку — Начальника Земской Управы».

Большая ответственность перед партией и правительством за качество работы на важнейшем участке, на участке защиты социалистической законности обязывает не допускать, чтобы человек, занимающий политически ответственный пост прокурора или следователя, по своим знаниям, политическому развитию, общей культуре оставался буквально обы- вателем.

Низкий уровень развития некоторой части следователей и прокуроров нельзя объяснить только скверной работой по переподготовке кадров в краях и областях.

Прокуратура Западной области добросовестно отнеслась к организации освоения работниками юрминимума: все то, что рекомендовалось центром, выполнено, проводились учебные конференции, рассылались учебники, давалась письменная консультация, но несмотря на все это продолжают иметь место случаи, подобные описанным выше.

Кроме того, известно, что перлы невежества следователей и прокуроров встречаются не только в Западной области. О ряде таких же фактов в других краях и областях говорил в июле на совещании т. Вышинский.

Все дело в том, что система переподготовки и подготовки кадров, осуществляемая НКЮ, во многом неудовлетворительна.

Разве можно считать положение вещей удовлетворительным, если по Западной областной правовой школе НКЮ в 1935 г. истрачено 77 107 руб., а Западная областная прокуратура получила по окончании учебного

(1935) года лишь 3 работников, к тому же отвратительно подготовленных?

Этой же правовой школой в 1936 г. истрачено было 213 957 руб. При таких финансовых ресурсах учеба могла бы быть организована неплохо, а в действительности оказывается, что преподаватель по уголовному праву на протяжении года менялся трижды, в отношении других предметов дела обстоят не лучше. Никаких специальных кабинетов школа не имеет.

Важнейшей задачей увязки теоретических занятий в правовых школах с прохождением практики НКЮ совершенно не занимается. Люди, проучившись год в школе, буквально в глаза не видели уголовного дела, не имеют никакого понятия о практике применения требований УПК, ГПК и т. д.

На местах этот вопрос разрешают «как бог положит на душу», в иных местах оставляют людей по окончании школы на месяц или два при аппарате краевой (областной) прокуратуры, в других — посылают на «учебу» к опытным прокурорам и следователям. Находятся и такие областные (краевые) прокуроры, которые направляют товарищей, окончивших школу, без всякой практики, сразу на самостоятельную работу.

Пора НКЮ привести в порядок этот участок подготовки кадров и перестать рассчитывать исключительно на инициативу мест.

Еще хуже дело обстоит с переподготовкой кадров.

Попытка вооружить аппарат некоторыми юридическими знаниями путем проведения юрминимума, проведена неудачно, да и едва ли иные результаты могли бы быть достигнуты.

При разрешении этого вопроса следовало иметь в виду, что недостатки наших кадров сводятся не только к отсутствию у многих следователей и прокуроров юридической подготовки, основным недостатком является низкий уровень общего развития. Известно, что очень многие следователи и прокуроры располагают лишь низшим образованием.

Прохождение юрминимума ни в какой мере не обеспечивало повышение общего развития, и с подобной практикой переподготовки наших кадров следует раз и навсегда распрощаться.

С осени 1936 г. по линии заочного образования начато мероприятие исключительной важности — это организация заочных юридических школ. В программу этих школ включены 8 правовых и 11 общеобразовательных дисциплин. Трехлетний курс обучения «без отрыва от производства», система закрепления за учащимися на местах педагогов местных средних школ гарантирует нам, при большом, систематическом и серьезном руководстве центра, серьезную переподготовку кадров.

Заочная юридическая школа при такой организации в состоянии подготовить неплохие кадры для заочных институтов.

По Западной области в заочном институте учатся только 31 прокурор и 32 следователя. Целому ряду из этих товарищей учиться очень трудно — не хватает общего развития. Широко вовлекать следователей и прокуроров в систему высшего заочного правового образования трудно по этой же причине.

Необходимо теперь же широко развернуть работу заочных юридических школ с охватом всех людей, подходящих для работы в органах прокуратуры, из наличных кадров.

Ясно, что такая переподготовка кадров потребует больших капиталовложений, серьезного внимания центра, планового снабжения литературой и целого ряда иных организационных мероприятий. Уложить широкую переподготовку кадров в рамки различных 3-месячных или месячных курсов и пресловутого юрминимума невозможно.

Следует теперь же буквально всех следователей и прокуроров, не имеющих высшего образования и не подготовленных к учебе в заочном вузе (а уровень знания для лиц, вступающих в заочный правовой вуз, должен быть безусловно высоким), охватить учебой в хорошо организованных заочных юридических школах с программой средней школы плюс некоторые правовые дисциплины. Объяснить для соответствующей категории работников эту учебу обязательной и безусловно обеспечить ее денежными ассигнованиями и руководством.

Наша обязанность организовать дело так, чтобы тот, кто не может учиться в вузе, учился в школе, а если он этого не хочет, несмотря на все созданные возможности, то к таким «работниками» придется распрощаться.

Совершенно прав был т. Вышинский, говоривший, что, «если мы не поставим перед собой задачи в течение ближайших 3—4 месяцев — полугодия просмотры буквально каждого работника и не выкинем из аппарата... неграмотных дураков или чрезмерно умных философов, ничего хорошего не выйдет из нашей работы».

Организовав так систему переподготовки кадров, следует учесть, что в краях и областях изо дня в день стремятся всячески найти людей для пополнения следственного аппарата и принимают на эту работу лиц, не работавших в органах юстиции и не имеющих юридического образования: например, бывших работников милиции. Необходимо теперь же, не ожидая издания нового положения о судоустройстве, разослать единую, твердую программу-минимум тех требований, которые должны предъявляться в отношении лиц, же-

лающих работать в нашем следственном аппарате.

Нам известно, что не за горами издание нового положения о судоустройстве и различных проектов о прохождении службы в органах прокуратуры, но нельзя не иметь в виду, что прием на работу новых людей начнется не завтра, а ведется изо дня в день уже и сейчас. Поэтому следует подбирать новые кадры так, чтобы не пришлось переделывать всей работы потом.

От редакции

Для проверки сообщенных в настоящей статье фактов и для ознакомления с нарследователями, о которых идет речь в публикуемой статье, в Западную область был командирован представитель Прокуратуры СССР т. Кузьмин.

Шесть нарследователей были вызваны в Смоленск. На оперативном совещании у Облпрокурора тов. Еремина была проведена с ними беседа.

Приведенные в статье факты подтвердились. Эти факты были давно известны руководству Облпрокуратуры. Еще в октябрьском номере бюллетеня Западной облпрокуратуры «За образцовую постановку следствия» была напечатана статья «Больше внимания учебе» с характеристикой крайне низкого политического и культурного уровня нарследователей. Тем не менее, поскольку руководство Облпрокуратуры не сделало серьезных выводов, ограничившись простой констатацией и регистрацией фактов, положение с этими нарследователями мало чем изменилось и через несколько месяцев.

Прокуратурой Союза ССР предложено Облпрокурору т. Еремину взять под свое личное наблюдение работу этих нарследователей с представлением в Прокуратуру Союза к 1/VII 1937 г. материалов, характеризующих их работу в течение первого полугодия 1937 г. Со своей стороны, Прокуратура Союза ССР установила систематическую связь с этими следователями в целях оказания им необходимой помощи в устранении в их работе и квалификации обнаруженных недостатков.

М. СТРОГОВИЧ

Новое начинание

Задача повышения уровня теоретической и практической подготовки прокурорских работников делается все более и более актуальной, а ее разрешение — все более и более неотложным. Особенно сейчас, когда новая сталинская Конституция СССР возлагает такие громадные и ответственные задачи на прокуратуру, повышение квалификации прокурорских работников, их идейно-политического роста, их юридических знаний и практических навыков должно стать предметом самой большой заботы со стороны руководящих органов прокурату-

ры. Осуществление этой задачи достигается различными средствами. Проведение юрминимума, циклы лекций по важнейшим правовым дисциплинам, конференции следователей и прокуроров, система юридических школ, заочное юридическое образование — все это крайне важно сейчас, все это помогает (но все еще далеко не в достаточной мере) систематически поднимать уровень наших прокурорских кадров.

Сейчас Прокурор СССР т. А. Я. Вышинский, наряду с указанными выше мерами, в виде опыта ввел еще одну меру, очень грудную для

исполнения, но очень плодотворную и эффективную при правильном ее осуществлении. Приказом по Прокуратуре СССР от 23 февраля 1937 г. № 135 т. Вышинский распорядился вызывать в течение марта, апреля и мая с. г. по 10 человек прокуроров с периферии для работы в течение месяца в Центральном аппарате Прокуратуры СССР. Вызываемые товарищи с мест — помощники областных прокуроров, районные прокуроры, народные следователи или прокуроры специальных прокуратур должны будут в течение месяца работать в соответствующих отделах Прокуратуры СССР под непосредственным руководством начальников отделов, под общим руководством Прокурора Союза и его заместителей. Основное, что преследуется этим — это приобщение товарищей с мест к важнейшим принципиальным вопросам прокурорской работы, как они ставятся и решаются Прокуратурой СССР, к стилю, к методам работы Прокуратуры СССР. Работая под руководством Прокуратуры СССР, участвуя в разработке важнейших мероприятий, захватывающих различные стороны прокурорской работы, знакомясь с методами руководства прокурорской периферией, командированные товарищи за месяц своей работы в Прокуратуре СССР смогут значительно расширить свой кругозор, поднять свой политический уровень, и ряд вопросов, с которыми они сталкивались повседневно в своей работе на местах, получит для них иное освещение и иное значение. Но для этого должно быть обеспечено одно важнейшее условие. Командированные товарищи с мест ни в коей мере не должны использоваться в качестве добавочной «рабочей силы» для разгрузки текущих дел в соответствующих отделах Прокуратуры СССР. Иначе — все это начинание обречено на успех. Текущих дел, переписка, жалоб и т. п. у товарищей с мест было достаточно и на своей постоянной работе. Поэтому основным содержанием их работы в Прокуратуре СССР должно быть участие в разработке принципиаль-

ных вопросов прокурорской работы, в разрешении важнейших, принципиальных дел, чтобы товарищи могли усвоить линию работы, методы работы, получить зарядку для своей дальнейшей работы, научиться свободно ориентироваться в сложных и трудных практических вопросах. Иными словами — основная задача командированных товарищей с мест — учиться работать и, научась работать, — учить этому своих товарищей на местах. Этому много поможет и участие командированных товарищей на оперативных совещаниях при Прокуроре СССР, на совещаниях по специальным вопросам и т. д. Другой стороной работы командированных товарищей будет учение в собственном смысле слова. Для них будут организованы специальные курсы лекций по правовым дисциплинам, которые будут читать наиболее квалифицированные лекторы, они будут участвовать на научных заседаниях Института юридических наук, с ними будут проводиться беседы по отдельным вопросам права. Работа товарищей будет распланирована таким образом, чтобы они имели полную возможность, помимо работы в отделах, успешно заниматься и читать соответствующую литературу самостоятельно.

Таковы основные условия проведения этого нового мероприятия по повышению уровня теоретической и практической подготовки прокуроров и следователей. Количественно охват этого мероприятия невелик, но если опыт удастся (а он должен удасться), его можно будет распространить на прокуратуры союзных республик и этим увеличить количество таким образом обучающихся товарищей. А затем — совершенно очевидно, что командироваться в Прокуратуру СССР должны будут только лучшие работники с мест, поэтому по возвращении к месту своей постоянной работы они свой опыт и полученные знания будут использовать для помощи другим работникам в деле повышения уровня их знаний.

ССК

Вместо фельетона

Зрительный зал клуба одного из крупнейших заводов столицы был переполнен до отказа. На улицах шумела густая толпа жаждущих пробиться в зал. Публика волновалась: начало было объявлено в пять часов, шел уже восьмой, а на сцене не было заметно никаких признаков жизни. Каждые десять — пятнадцать минут поднимался стук стульями, выхивали аплодисменты вперемежку со свистками, но ничто не помогало.

Вы ошибетесь, если подумаете, что зрители, собравшиеся в таком необычно большом количестве, ждали начала какого-нибудь интересного концерта, спектакля или выступлений популярного докладчика.

Мы не будем спекулировать на догадливости читателя и скажем прямо — тысячная тол-

па рабочих ждала начала показательного процесса над врачами, обвинявшимися в производстве абортов, тремя женщинами, подвергшимися этой операции, и мужем одной из них, толкнувшим ее на такой способ ликвидации беременности.

Было объявлено, что народный суд 1 участка Таганского района под председательством старшего судьи т. Грязнова начнет в пять часов дня слушание этого дела, так взволновавшего заводскую общественность.

Поверив объявлению и собравшись к пяти часам, публика была наказана за свое легкомыслие и незнакомство с практикой организации показательных процессов народным судом Таганского района.

Когда часовая стрелка приблизилась к пяти минутам девятого, через толпу протискался плотный мужчина в очках и, поднявшись на сцену, скрылся за кулисами. У толпы вырвался вздох облегчения — все поняли, что пришел судья. Однако процесс не начинался еще не один десяток минут. Тайна этой последней задержки осталась неизвестной публике.

Пожалуйста, не подозревайте судью в том, что он в эти минуты пил чай или читал газету, заставляя нервничать аудиторию, так терпеливо ожидавшую целых три часа.

Эти минуты принесли ряд неожиданных волнений и беспокойств самому старшему судье: именно тогда обнаружилось непредвиденное обстоятельство, грозившее срывом процесса. Вопрос — быть или не быть показательному процессу — был решен только в эти минуты и то лишь благодаря истинно суворовской находчивости старшего судьи.

Перед судьей стала во весь рост такая проблема: трое обвиняемых по делу, оказывается, остались без защиты, так как явились только трое защитников, приглашенных другими обвиняемыми, а защита из местной консультации не была затребована судом, так как старший судья полагал, что между тремя защитниками по соглашению можно будет распределить всех обвиняемых. Однако такое распределение между тремя защитниками всех обвиняемых оказалось невозможным в силу противоречий интересов обвиняемых. А так как явившиеся защитники оказались недостаточно «дисциплинированы» и не согласились на уговоры судьи «как-нибудь примирить противоречия», то перед самым открытием процесса и возникло непредвиденное осложнение.

Тогда прокурором и судьей были вызваны обвиняемые, оставшиеся без защиты. Уговорить их оказалось легче.

Проблема, казавшаяся неразрешимой, разрешилась очень легко: обвиняемые отказались от защиты, услуги коей им не были даже предложены.

Дальше последовало спешное наведение порядка на сцене, и в 8 ч. 30 м. долгожданный процесс начался.

Большая часть публики была весьма поражена своеобразием того, что происходило на ее глазах, зато любители эксцентрики остались весьма довольны.

Обычно двери судебного зала закрываются в те моменты процесса, когда исследуются сугубо интимные стороны жизни и даются показания по таким обстоятельствам, о каковых не всегда удобно рассказывать в присутствии публики.

Здесь же судья решил, что в интересах показательности не следует закрывать двери судебного заседания даже в такие моменты. И вот перед тысячной настрожившейся аудиторией поднимавшиеся на сцену женщины-обвиняемые подвергались настойчивому допросу и, едва преодолевая смущение, должны были повествовать о том, какие именно меры принимались ими для предотвращения беременности, и т. п.

Одной из женщин настойчиво предлагалось рассказать, от кого именно она забеременела и с кем имела случайные связи.

Это позорище происходило под взрывы смеха, фырканье и не совсем пристойные репли-

ки кое-кого из местных хулиганов, пробравшихся в зрительный зал.

Ободренный создавшимся «веселым» настроением, судья шутливо успокаивал публику и, призывая к порядку, острел: «Граждане, снимите головные уборы — голове будет легче».

В остальном все шло в соответствии с установившимися традициями показательных процессов районного масштаба: обвиняемые и свидетели долго и нудно допрашивались по моментам, не имеющим никакого отношения к делу, ходатайства защиты отклонялись, часто объявлялись перерывы «на три минуты», продолжавшиеся, примерно, по полчаса...

На следующий день судебное заседание, в силу каких-то совершенно непонятных причин, началось во-время, но наученная горьким опытом публика собралась только к восьми часам.

То, что своевременное начало судебного заседания на второй день процесса было лишь исключением, только подтверждающим правило, выяснилось в последующие дни процесса: на третий день судебное заседание началось с опозданием в два с половиной часа, а на четвертый день процесса не состоялось совсем. В результате каких-то неполадок или, как принято говорить, недостаточной увязки во взаимоотношениях канцелярии суда с канцелярией Таганской тюрьмы обвиняемые вообще не были доставлены в суд.

После трехчасового ожидания публике было объявлено, что продолжение процесса будет на следующий день утром в 10 час. Следующий день был выходной — в клубе вечером должны были быть сеансы кино. Поэтому по договоренности с администрацией клуба на следующий день был запланирован такой порядок: утром и днем должны были состояться прения сторон и суд должен был заслушать последнее слово обвиняемых, затем суд должен был удалиться на совещание, а в это время в зрительном зале должен был начаться киносеанс. После первого сеанса предполагалось оглашение приговора в зрительном зале, а затем уже второй киносеанс.

План этот оказался недовыполненным лишь в очень незначительной части: прения сторон, реплики, последнее слово, первый киносеанс прошли во-время, однако второму киносеансу не суждено было состояться в силу того, что судья не успел написать приговор за время первого киносеанса и вследствие нарушения порядка в зале (администрация клуба не хотела пропускать в зал лиц, не взявших билеты в кино, а густая толпа чаящих услышать судебный приговор смела на своем пути и контроль, и все другие преграды).

В практике работы наших кинотеатров мы не слышали, чтобы в перерывах между сеансами, вместо обычного джаза, происходили прения сторон или оглашались бы судебные приговоры, хотя, может быть, и нашлись бы люди, предпочитающие, вместо джаза, прослушивать приговор по тому или иному судебному делу прежде, чем смотреть «Полициестера Антека» или «Девушку, которая спешит на свидание».

Мы думаем, что опыт, проведенный в этом направлении народным судом Таганского района, вряд ли привьется и скорее привлечет к себе внимание руководителей Мосгорсуда и

Наркомюста, чем руководителей управления московскими кинопредприятиями.

Редким своеобразием отличался и стиль прений сторон, предшествовавших киносеансу.

В качестве обвинителя выступал нарследователь Таганского района г. Танасевич, производивший предварительное расследование дела. Тов. Танасевич был чрезвычайно разгневан тем, что защита осмелилась указать на несколько необычные дефекты предварительного следствия, в частности на то, как следователь протоколировал допросы обвиняемых и свидетелей (в протоколах допросов без всяких оговорок были вычеркнуты, переправлены и изменены отдельные слова и целые фразы, в результате чего в суде произошел даже такой инцидент: когда председательствующий зачитывал показания, данные на предварительном следствии, то прокурор заявил, что они оглашаются не так, как они изложены в протоколе, тогда как на самом деле во всей этой странне с помарками и исправлениями никак нельзя было уловить, что собственно там хотел изложить следователь).

Тов. Танасевич в гневе дал волю своему полемическому темпераменту настолько, что в реплике и в отдельных выкриках с места заявлял по адресу защиты: «Вы говорите чушь», «занимаетесь передергиванием» и т. п.

Все это не только не пресекалось народным судьей, но последний, видимо, даже решил поощрить резвость т. Танасевича, так как, вопреки порядку, установленному УПК, предоставил сторонам возможность воспользоваться репликами по два раза. Во второй своей реплике т. Танасевич дал весьма ценное пояснение своему образу действий, свидетельствующее как о его такте, так и о культурном уровне. Тов. Танасевич громкогласно заявил, что, по его мнению, «чушь», «передергивание» и другие выражения такого типа являются выражениями литературными и вполне допустимыми в прениях по делу.

Одна из подсудимых в последнем слове со слезами на глазах недоумевала, почему прокурор считает ее женщиной легкого поведения.

Естественно каждый заинтересуется, почему все это происходило, и отдавал ли себе отчет т. Грязнов в том, в какой мере проведенный им показательный процесс дискредитирует советский суд и прокуратуру.

Поэтому следует привести некоторые «доказательства» того, что т. Грязнов до некоторой степени это понимал, так как после процесса принял меры к тому, чтобы не все, здесь описанное, стало достоянием тех, кто проверяет деятельность народного суда, причем предпринятые т. Грязновым меры носили довольно специфический характер.

Как известно, происходившее в судебном

заседании должно отражаться в протоколе судебного заседания. Конечно, протокол судебного заседания не может претендовать на точность стенограммы, однако в ст. 80 УПК точно перечисляются моменты, которые должны быть отмечены в протоколе.

Видимо, недостаточно точный протокол, составленный секретарем судебного заседания, т. Грязнова не удовлетворил, так как его в деле не оказалось. Место этой пропавшей грамоты было занято другим протоколом, написанным каллиграфическим почерком той же секретарши, но составленным, несомненно, после судебного заседания. В этом новом протоколе значились даже такие определения суда, которые на самом деле не выносились, и предусмотрительно умалчивалось о таких, например, мелочах, как время открытия судебного заседания и т. п.

Обнаружив это, некоторые из защитников подали замечания на протокол судебного заседания.

Как же, вы думаете, реагировал на это т. Грязнов? Некоторая находчивость была проявлена им и здесь: по закону он должен был или удостоверить факты, приведенные защитой, или их отвергнуть, но как в самом деле будешь отвергать факты, очевидцами коих были сотни людей? И товарищ Грязнов избрал третий, не предвиденный законом, путь — заявления защитников были просто подшиты к делу, причем ни да, ни нет по поводу приведенных там фактов т. Грязнов не сказал.

Казалось бы, кассационному суду нельзя было пройти молча мимо таких, например, фактов, как только что описанная операция с протоколом судебного заседания, однако Мосгорсуд с поистине эпическим спокойствием прошел мимо этого безобразия, утвердив целиком приговор и никак на это не реагировал.

Пока эпилог всей этой истории таков: в «Черной Москве» появилась небольшая заметка о процессе, в заводской многотиражке процесс также был отмечен, но нигде не было ни звука о том, как все это дело разбиралось и в какую возмутительную форму дискредитации суда вылился весь этот процесс, с позволения сказать, показательный. Судья и прокурор — организаторы всего этого неслыханного безобразия — теперь, конечно, успокоились: приговор утвержден горсудом — как будто все в порядке, а присутствовавшие на процессе никак не могут уяснить, как в Москве на первом месяце после принятия великой сталинской Конституции, на глазах общественности крупнейшего из московских заводов в таких непристойных формах может отправляться правосудие.

Мы не сомневаемся, что эти недоумения будут рассеяны и вместо этого эпилога соответствующие органы сумеют написать другой.

Обмен опытом

Как я улучшил качество следствия

Шесть лет назад я впервые начал работать народным следователем в одном из районов Западной Сибири. В то время моя квалификация как следователя сводилась только к желанию во что бы то ни стало овладеть, как можно скорее и лучше, техникой новой для меня работы.

Думаю, что мой рассказ о том, как я добился высокого качества проводимого мною следствия в такой мере, что был выдвинут на работу по руководству следствием в областной прокуратуре, будет полезен для нашей следовательской молодежи — таких же новичков в этом деле, каким не так давно был и я, он облегчит им выбор правильного пути для скорейшего овладения искусством следствия.

Уже по истечении нескольких, самых первых дней своей следовательской работы я убедился в том, что не только нельзя не быть хорошим следователем, но и нельзя быть следователем вообще без наличия двух условий.

Первое условие это — всякий, желающий работать следователем, должен быть вполне развитым культурно и политически.

Я встречал многих товарищей, думающих иначе: кое-кто из них полагал — раз знаешь, что в процессе следствия надо допрашивать, а потом предъявлять обвинение, знакомить обвиняемого с материалами следствия и составлять обвинительное заключение, то значит налицо все основания для работы следователем. Однако это не так: по целому ряду мало-мальски серьезных дел политически неграмотный, некультурный человек не только не изобличит преступника, но сам безнадежно запутается в обстоятельствах дела и будет вынужден признать свою беспомощность.

Мне однажды пришлось в процессе следствия анализировать работу директора библиотеки. Совершенно ясно, что политически неграмотный и некультурный товарищ следствия по этому делу не провел бы.

Но и этот, я бы сказал, исключительный пример не нужен, так как ясно, что вести следствие по любому делу — это заниматься оценкой политической значимости человеческих поступков, устанавливать их подлинную цель, решать вопросы юридической квалификации преступлений, разбираться в человеческой жизни, бороться с хитроумными и острожными действиями последней разбитых враждебных классов и т. п., а такая серьезная задача — не по плечу малограмотному, некультурному, политически неразвитому человеку.

Поняв все это, я установил для себя режим: газеты и книги читать каждый день. Разумеется, я старался не читать, что попадает под фуку, и не ленился доставать интересные, полезные и нужные книги.

Я знал и знаю немало районных следователей, жалующихся на невозможность достать в районном центре нужную книгу.

Это неверно. Я сам работал следователем в небольшом сибирском городе, который не так давно был простой деревней, но нужную мне книгу я всегда находил. Те, кто жалуется на отсутствие нужных книг, обычно думают, что книгу и журнал им должен кто-то принести. При такой постановке вопроса, конечно, книг, журналов и газет не получишь.

Ежедневное чтение газет и книг стало одной из основных моих привычек. Я не мог лечь спать, не прочитав газеты, не почитав книги. Я могу отказать себе во многом, но нужную газету, книгу и журнал обязательно куплю, выпишу.

Второе условие это — отличное знание всех процессуальных требований, определяющих порядок следствия, права и обязанности следователя.

Упорно изучая уголовный процесс, УПК и постоянно практикуясь в составлении различных постановлений, я в то же время тщательно присматривался к работе опытных товарищей и в конечном счете овладел всем этим в такой степени, что потом, в процессе работы, припоминание тех или иных процессуальных требований и форм следственных документов не отвлекало моего внимания, примерно так же, как не отвлекается во время письма внимание грамотного человека припоминанием того, как пишут ту или иную букву.

Такой степени освоения процессуальных требований и форм следственного производства я достиг в полной мере и считаю, что это — первейшая обязанность следователя, элементарное условие не только для повышения качества его работы, но и работы вообще в должности следователя.

Однако на практике своей работы следователем я убедился, что высокой грамотности, культурности, вполне удовлетворительного политического развития и отличного знания уголовного процесса и форм следственного производства еще недостаточно для того, чтобы хорошо вести следствие.

Располагая всеми этими данными, можно все же оставаться плохим следователем.

Успешность работы следователя зависит от степени его умения вести расследование по плану. Удачи и неудачи в процессе расследования многих и самых разнообразных дел убедили меня, что главное именно в этом.

Некоторые следователи понимают задачу ведения следствия по плану неправильно, примитивно: они изобретают различные универсальные схемы порядка производства следственных действий и пытаются применять их на практике.

«Планирование» подобного рода не ведет к улучшению качества следствия, а вносит лишь в работу следователя элементы трафарета и схематичности, живое, сложное, интересное дело омертвляет, низводит до выполнения

только определенного порядка и правил «оформления дела».

Что же значит вести следствие по плану?

Я считаю, что вести следствие по плану, это значит вздумчиво относиться к расследованию каждого дела, тщательно разбираться во всех, даже самых мельчайших и, с первого взгляда, как будто бы второстепенных деталях происшествия. Собирая доказательства, не идти вслепую, допрашивая кого придется, а звено за звеном проверять вероятность, одну за другой, всех намеченных версий.

Проверяя намеченные версии, надо использовать все ресурсы уголовной техники и тактики (криминалистики) и по мере установления новых обстоятельств быстро перестроить, если понадобится, все направление следствия.

Следователь должен полностью вскрыть все политические мотивы совершения преступления, его общественно-политическую значимость и установить подлинное лицо преступника.

Я решительно настаиваю на том, что именно все это и есть ведение следствия по плану.

Наконец, расследовать по плану — это до щепетильности быть бережливым в отношении времени. Следует помнить, что некоторые вещи сегодня, сейчас, сию минуту могут быть легко установлены, а немного позже, тем более завтра на это же, в лучшем случае, потребуются значительно больше времени, а может случиться и то, что ряд фактов безвозвратно ускользнет от следователя.

Мне приходилось слышать жалобы следователей на неумение работать по плану, на незнание формы составления планов.

Дело не в форме, план можно составлять по любой форме, я составлял план в трех вертикальных графах: в первой отмечал, — какое действие намечено к производству, во второй, — что этим действием должно быть выяснено, и в третьей — дату, указывающую время, когда намечено к производству это действие.

Думаю, что все жалобы о незнании формы составления планов несерьезны и более всего рассчитаны на оправдание безобразного отношения к делу со стороны людей, случайно ставших следователями и не любящих этой работы.

Обдумывая много раз различные случаи из своей следовательской практики и припоминая работу моих товарищей следователей, среди которых были и «удачники» и «неудачники», я пришел к выводу, что всякий следователь, любящий свое дело, систематически работающий над освоением уголовной техники и тактики, вне всякого сомнения, может усвоить систему расследования по плану.

Приведу несколько случаев из моей следовательской практики, позволивших мне прийти к таким выводам и научивших меня некоторым правильным приемам работы.

Однажды летом, часов в 6 утра, мне по телефону сообщили, что в рудничном поселке обнаружены убитыми муж и жена.

Я немедленно выехал к месту происшествия. Обстоятельства дела оказались такими: в небольшом домике жили отец, мать, дочь 20 лет и сын 22 лет.

Вечером, накануне убийства, сын ушел в гости, дочь пошла на вечеринку, а отец и мать остались дома.

По словам дочери, она вернулась домой часа в два ночи, двери дома оказались незапертыми и она, не придав этому никакого значения, во дворе, на крыльце дома, сняла ботинки, вошла в комнату, не зажигая электричества, заперла двери и легла спать на пол, а родители, по ее словам, как всегда спали посредине комнаты, в двух шагах от нее.

Часов в пять утра вернулся сын, долго стучал, а зайдя в комнату, зажег свет и увидел, что одеяло, которым накрыты родители, все в крови, и отец с матерью лежат убитые.

Сын, по его словам, немедленно сообщил в милицию, а милиция уведомила меня.

До момента моего приезда в комнату, где лежали убитые, почти ничего не было тронут.

Мое внимание прежде всего привлекло резкое различие в поведении дочери и сына убитых. Сын очень сильно волновался, почти плакал, а дочь была странно спокойна и нехотя отвечала на вопросы. Заинтересовало меня и то, что из массы сундуков и ящиков взломанным оказался только один, самый неказистый с виду, но именно тот, в котором лежала деньги.

Убитые лежали посредине комнаты: мужчина на спине, голова у него была почти отрублена, удар был нанесен, видимо, топором, верхняя часть тела женщины лежала на муже, ее лицо было спрятано у него на груди. По всей вероятности, в момент убийства она проснулась и, испугавшись, инстинктивно спрятала лицо. Удар нанесен ей был в тот момент, когда она находилась в таком положении. По характеру раны смерть, должно быть, наступила моментально.

В головах убитых стоял покрытый скатертью туалетный столик с массой безделушек.

Кто-то из убитых, возможно судорожным движением перед смертью, сдернул скатерть со столика: все безделушки упали на пол и ими был буквально усеян пол комнаты.

Среди безделушек на столике стоял будильник, он тоже упал на пол и лежал почти рядом с местом, где находилась подушка постели дочери.

Падая, будильник не сломался и продолжал идти.

Осматривая место происшествия, я невольно обратил внимание на громкое тиканье будильника.

Звук идущих часов, странное, чересчур спокойное поведение дочери убитых, упорно утврждающей, что, возвратившись ночью домой, она ничего не заметила, побудили меня инсценировать ее ночное возвращение.

В комнате, по моему приказу, ничего не было тронут.

Наступившей ночью, ровно в два часа, т. е. тогда, когда дочь в ночь убийства якобы вернулась домой, я приехал в этот дом снова. На этот раз в комнату зашел я, дочь убитых, работник уголовного розыска и понятые.

Ночь была светлая, светила полная луна.

В небольшой комнате с пятью окнами оказалось светло, как днем.

Безделушек, которыми был усеян пол, лежащий и тикающий будильник нельзя было не заметить. Нельзя было не обратить внимания и на убитых, с головой прикрытых одеялом и не издающих ни одного звука, а в

ночной тишине, подчеркнутой тиканьем будильника, это буквально резало слух.

Ложь дочери убитых стала очевидной и она тут же рассказала об убийстве все, что знала. Убийцей оказался ее жених, по ее указанию взломавший сундук, в котором хранились деньги.

Этот случай говорит о необходимости вдумчивого отношения к оценке обстоятельств происшествия и показывает эффективность правильно избранных тактических приемов расследования.

С большой неохотой я приостанавливал расследуемые мною дела. Приостанавливание дел почти всегда свидетельствует о неворотливости следователя, благодаря которой преступники успевают скрыться. Больше того, я убежден, что и те дела, по которым преступники скрылись до поступления первичных материалов к следователю, могут быть приостановлены только в том случае, если действительно нет ни одного факта, указывающего на место нахождения преступника, и нет ни одной нити, могущей привести к разгадке этого дела, а такие дела встречаются очень и очень редко. Только в этих редких случаях неизбежно приостановление расследования и применение обычного союзного розыска.

Во всех остальных случаях следователь, если он действительно любит и знает свое дело, должен, как можно быстрее, найти преступника.

В моей практике был один интересный случай.

Райсберкасса обратилась ко мне с просьбой принять меры для борьбы с растратами и возможно скорее организовать процесс над одним из растратчиков. Управляющий кассой жаловался, что целый ряд материалов, посланных в милицию, не расследованы, и ему ничего не удалось добиться, несмотря на настойчивые переговоры по телефону с работниками уголовного розыска. К этому письму прилагался материал о новой крупной растрате по одному из отделений сберкасс.

Я решил сам провести следствие по этому делу. Обстоятельства дела оказались досадно очевидными: некий Б., холостой молодой человек, живя один, любил «кутнуть», и средства для этого брал из денежного сундука сберкасы.

Стремясь покрыть растрату, Б. грубо подделывал лицевые счета вкладчиков.

Почувствовав, что не сегодня, так завтра его проделки заметят, он выписал на свое имя крупный аккредитив и скрылся.

Желая закончить следствие по этому делу, я решил не приостанавливать расследования и, не прибегая к объявлению розыска, самому поискать Б.

В течение двух дней все мое внимание было сосредоточено на изучении круга знакомых Б. Вскоре мне стало известно, что с одной девушкой он знаком довольно близко и вероятно ей он напишет.

Принятые мною меры не замедлили привести к желанным результатам. Почтовая контора доставила письмо от Б. в адрес этой девушки.

Б. сообщил ей, что он в Киеве, и указывал свой адрес.

На мое телеграфное предложение об аресте

уголовный розыск сообщил, что Б. выехал неизвестно куда.

Мое разочарование продолжалось недолго. Вскоре было задержано второе письмо Б. из Одессы, на этот раз он сообщал, что собирается там работать в одной из сберкасс.

Опять телеграмма об аресте и вновь ответ о том, что Б. на работу не был принят и выехал.

Прошло около трех недель и... новое письмо от Б. Оказалось, что Б. уже в Челябинске, работает в сберкассе и приглашает свою знакомую приехать к нему.

По моей телеграмме Б. был арестован. Но до ареста он все же успел растратить крупную сумму уже по Челябинской сберегательной кассе.

В некоторых случаях подобный метод неприемлем, так как адресаты, не получая писем, могут быть обеспокоены и предупредят об этом того, чей адрес нужен следователю. В процессе следствия по делу Б. для таких опасений не было оснований; девушка, которой адресовались изымаемые мною письма, не особенно беспокоилась молчанием Б. и, не зная его адреса, не могла ему писать.

Я не помню, ни одного случая, когда я отказался бы от расследования того или иного дела по мотивам необходимости каких-то розыскных действий, не свойственных следователю.

«Горе-следователи», уклоняющиеся от расследования некоторых дел по указанным выше мотивам, просто не умеют и не любят работать. Они не понимают того, что всякое преступление может быть раскрыто любым следователем, овладевшим умением расследовать преступление по плану и знающим уголовную технику, тактику и методику следствия.

Надо раз и навсегда понять, что милиция и какие-либо иные органы расследования не располагают какой-то «волшебной палочкой» для установления личности преступника, а поэтому с практикой отказа следователей от ведения следствия по так называемым «загадочным» делам надо раз и навсегда покончить.

Попробую примерами показать, что любое такое, на первый взгляд, загадочное дело вполне по плечу следователю.

Помню случай убийства целой семьи: мужа, жены и трех детей.

Убитые лежали в своих кроватях, головы у всех были разможжены, а тяжелая кувалда, принадлежавшая убитому хозяину дома и послужившая орудием преступления, валялась тут же на полу.

На первый взгляд казалось невозможным найти преступника, совершившего это преступление.

Осмотревши домик, работники милиции не нашли никаких следов, указывающих хотя бы косвенно на личность преступника, и не знали, что предпринять дальше.

Во время нового, тщательного обыска мне удалось в куче мусора, выметенного в сени, отыскать извещение из ОИТР о явке для отбывания принудительных работ на имя некоего гр. Р. На столе были обнаружены, незамеченные ранее, два стакана с недопитой водкой. На одном из них оказались отпечат-

ки пальцев, не принадлежащие кому-либо из убитых.

Вызванный для допроса Р. заявил, что с убитыми был знаком, бывал у них, а извещение, полученное им из ОИТР, где-то потерял.

Свое участие в убийстве он отрицал и утверждал, что в последнее время в доме у убитых не бывал.

Я установил, что дактилоскопические отпечатки на стакане с недопитой водкой принадлежат ему.

Изобличенный Р. признал, что действительно накануне убийства он был в гостях у убитых, пил там водку, потом якобы ушел и о преступлении ничего не знает. Свои попытки скрыть этот факт раньше он теперь объяснил нежеланием навлекать на себя какие-либо подозрения.

При обыске на квартире у Р. я нашел окровавленную рубашку, он заявил, что рубашка его, но на ней не пятна крови, а следы клюквы, которую он недавно купил на базаре и нес домой в людоле этой рубашки.

Анализ установил, что рубашка испачкана не соком клюквы, а кровью человека.

Тогда Р. сознался в убийстве, но выдвинул версию о том, что мотивом убийства было желание отомстить убитому и его семье за сообщение колчаковцам о партизанской деятельности Р.

Однако мною было доказано, что после убийства Р. выломал золотые коронки из рта убитого, а с прежнего места жительства Р. на мой запрос был получен ответ: «Р — кулак, лишен избирательных прав, сбежал от уголовной ответственности за грабеж».

Таким образом «партизанское» прошлое Р. и мотивы совершения им убийства были установлены с исчерпывающей полнотой, а «загадочное» преступление оказалось полностью расследованным обычными способами, доступными любому следователю.

Я хочу еще остановиться на одном интересном случае подобного рода.

Местная газета опубликовала ряд корреспонденций о связи спекулянтов с работниками большого городского универмага и требовала передать преступников суду.

Уголовный розыск не смог установить конкретных фактов связи служащих магазина со спекулянтами, а на базаре изо дня в день спекулянты продолжали торговать наиболее дефицитными товарами универмага.

Дело надо было расследовать во что бы то ни стало. Прокурор поручил мне взяться за следствие.

Установив связь с редакцией газеты, работниками и организовав при универмаге группу содействия прокуратуре, я начал внимательно присматриваться к работе этого магазина. Кое-какие материалы о постоянном отпуске некоторыми продавцами товаров по знакомству и добыл довольно быстро, но все это было не то, чего требовалось отыскать.

По данным группы содействия и из показаний отдельных работников универмага, у меня сложилось впечатление, что внимание следователя должно быть, главным образом, сосредоточено на действиях заместителя заведующего обувным отделом П.

Правильность этой линии подтверждалась,

правда, весьма косвенно, наличием у спекулянтов большого количества именно обуви.

Через несколько дней, часов в семь вечера мне сообщили, что внутренней охраной магазина задержан какой-то гражданин, получивший при помощи П. несколько пар детских валенок, несмотря на отсутствие в данный момент их в продаже.

Отложив все остальные дела, я сейчас же поехал в универмаг.

Задержанный Ю. оказался молодым, нигде не работающим человеком. Он, действительно, при помощи П. купил 5 пар детских валенок. Детей, по его словам, он не имел и его потребность в этих вещах была очень сомнительной. Арестован Ю. оснований не было, но в то же время было вполне ясно, что если его освободить, то позже вновь обратиться за исследование этого случая будет бесполезно.

При допросе Ю. заявил, что с работником магазина П. не знаком, а валенки получил не по знакомству, а купил, как обычный покупатель. На замечание о том, что сегодня в магазине они не продавались, он ничего не ответил.

П. в своих показаниях запутался, и в конечном счете они оба сознались, что давно знакомы друг с другом и года два назад вместе приехали из Восточной Сибири.

При обыске на квартире у Ю. были обнаружены вещи, бесспорно купленные для спекуляции: несколько пар разных валенок, пуховые дамские береты, большое количество всевозможной мануфактуры.

Ю. сознался в том, что жил исключительно на средства, добываемые спекуляцией разными товарами из универмага, которые ему удавалось покупать при помощи П. в неограниченном количестве.

По словам Ю., он получал сообщения от П. о поступлении в универмаг вещей, подходящих для спекуляции.

Во время обыска на квартире у П. в папке со старыми бумагами нашлись его письма к жене, в которых он давал ей точные указания о порядке продажи вещей, купленных в универмаге исключительно для спекуляции. В вещах жены П. была найдена записная книжка с подробными приходо-расходными отметками. В приходах перечислялось большое количество сапог, валенок, мануфактуры и многое другое, чем торговала жена спекулянта, а в расходе оказались записи стоимости «передач Мишке».

Эти передачи меня заинтересовали и мне удалось выяснить, что в Восточной Сибири, куда ездила спекулировать жена П., содержался под арестом ее брат по обвинению в убийстве милиционера.

Я вспомнил, что еще в своих прежних показаниях П., стремясь отклонить обвинение в незаконном отпуске товаров по знакомству, заявил, что мужчина, часто приходивший к нему, не просто знакомый, а его родной брат.

Отправившись тут же к брату П., я нашел то, чего даже не мог ожидать. Как оказалось, брат П. тоже содержался под стражей в Восточной Сибири вместе с указанным выше «Мишкой» — вторым братом П.

После этого он нигде не работал и занимался исключительно получением товаров из универмага для группы живущих в этом доме профессиональных спекулянтов.

Братья П., Ю. и связанные с ним торговцы с базара прибыль от спекуляции делили поровну и систематически устраивали большие кутежи.

Так, в одну ночь мне удалось закрепить следствием все, что потом облегчило окончательное расследование дела. Следствие по делу вскоре было закончено, и судебный процесс привлек внимание трудящихся города.

Думаю, что на основании даже только двух рассказанных случаев я имею право утверждать, что всякое преступление остается загадочным только то время, пока следствие ведется без плана, т. е. необдуманно, неумело, небрежно, без применения методически правильных приемов расследования.

В процессе ведения следствия по любому делу с особой тщательностью следует относиться к задаче расследования с исчерпывающей полнотой всех обстоятельств преступления.

Следует помнить, что довольно часто наиболее опасные преступники, пытаясь избежать более суровых форм уголовного наказания, умышленно стремятся скрыть подлинный объем и характер совершенного, «признаются» в фактически не совершенных, менее тяжких, преступлениях и укрывают остальных участников преступления, угрожающих дальнейшими разоблачениями по делу.

Я знаю случай, когда на одной из сибирских станций, по жалобе пассажиров, линейным уполномоченным был задержан неизвестный гражданин за проведение контрреволюционной агитации в вагоне.

Закончив дежурство, линейный уполномоченный не рассказал своему товарищу, пришедшему на смену, за что задержано это лицо. Преступник был достаточно хитер, он воспользовался оплошностью дежурного и, основываясь на том, что причины его задержания неизвестны, указал при допросе, что является обыкновенным карманным воров.

За систематические кражи, по далеко неполным следственным материалам, его приговорили к 3 годам тюрьмы.

Через полгода Прокурор Союза предложил немедленно расследовать все обстоятельства дела, так как осужденный сообщил, что он бывший работник центральных органов ВЛКСМ, студент Тимирязевской академии, благодаря произволу и вопиющим безобразиям в судебно-следственных органах Сибири, незаконно осужден за кражи, которых никогда не совершал.

В результате тщательного расследования удалось установить, что эта «жертва» беззакония в прошлом — активный троцкист и за это был осужден к 5 годам тюрьмы, но сбежал и, проезжая мимо города Б., занимался в вагоне троцкистской агитацией. По жалобе пассажиров его задержали, но благодаря оплошности работников следствия ему удалось скрыть свое контрреволюционное, троцкистское лицо и выдать себя за вора, в результате чего он получил возможность через некоторое время обрушиться с жалобой на органы суда и следствия, убедительно дока-

зывая, что никогда не являлся воров, и обвинение, выдвинутое против него, квалифицировал чудовищным беззаконием.

Я думаю, что этот случай достаточно поучителен и демонстрирует тактику противника.

Хорошо мною усвоен и еще один принцип улучшения качества работы следователя.

Получив сигнал о совершенном преступлении, следователь должен уметь в процессе следствия, исходя из одного сообщенного ему эпизода, вскрыть все обстоятельства дела и установить весь круг преступников. Конечно, заслуживает всяческого порицания стремление следователя найти то, чего нет. Следователь должен обладать чутьем, вырастающим на основе вдумчивого отношения к делу, большой культурности, политической грамотности, накопления опыта и при помощи этого чутья уметь, ухватившись за главное звено, выгащить всю цепь событий.

Расскажу еще один случай, которым проиллюстрирую правильность этого моего вывода.

Мне были переданы для расследования материалы о присвоении инспектором горфо товаров, изъятых им у спекулянта.

За 20 дней тщательного расследования я полностью изобличил 8 работников горфо в совершении преступлений, в получении больших взяток и систематическом снижении налогов торговцам.

Это удалось мне исключительно благодаря тщательной разработке плана следствия, внимательного анализа фактов и правильного ведения отдельных следственных действий: допросов, обысков, очных ставок и т. д.

Я успешно расследовал это дело потому, что каждому следственному действию, как и всегда, придавал большое значение, проводя следствие по разработанному плану, конкретно и полно выясняя и записывая все интересные меня обстоятельства.

Объем статьи не позволяет изложить всей «истории» следствия по делу горфо, но в двух эпизодах я все же расскажу.

Производя тщательный обыск у крупного спекулянта и изучая его старую записную книжку, я нашел его черновые записи расходов прошлого года. В этих записях перечислялись взятки лицам, которых до отыскания этого документа очень трудно было изобличить в чем-либо.

Показания самого обысканного спекулянта после предъявления ему же записной книжки резко изменились: он многое рассказал и во многом признался.

К сожалению, некоторые наши следователи во время обысков пытаются обнаружить тонны спрятанной муки, а на невзрачную, старую записную книжку не обращают внимания.

Второй интересный эпизод был такой: арестовав изобличенного в преступлении инспектора горфо Б., я решил произвести обыск в его служебном столе и нашел под чернильницей небольшую записочку, в которой другой инспектор просил Б. за взятку уничтожить налоговое дело торговца.

Следствие по делу горфо да и вся моя работа в целом убедили меня, во-первых, в необходимости ориентироваться в той области, в которой приходится вести следствие.

Если расследуешь случай нарушения техники безопасности в шахте, надо познакомиться с основными элементами этого дела, самому побывать в шахте, изучить работу шахтера; имея дело с финорганами, надо изучить основы содержания их работы и т. д.

Во-вторых, в том, что следователем не может быть лентий: выезды на место происшествия, а иногда и неоднократные личные выезды на обыск и многое другое, подобное этому, не должны пугать следователя потерей времени. Эта «потеря времени» сторицей окупается и дает следователю возможность действительно и вполне ориентироваться во всех обстоятельствах дела.

Каждый следователь должен твердо запомнить, что заниматься оценкой событий, которых он сам не понимает, нельзя.

Я постарался изложить, правда, далеко не полно, случаи, учившие меня работать, и те пути, идя которыми, я улучшил качество проводимого мною следствия и в известной мере овладел искусством следствия, научился побеждать в процессе следствия, поняв, что это действительно война со всеми присущими ей аксессуарами: планом действий, техникой, тактикой и стратегией.

Остается добавить немногое.

Первое — в деле улучшения качества следствия мне немало помогли народный судья П. И. Терехов и помощник районного прокурора М. Я. Свирина.

Часто бывая с ними в командировках, я многому научился при их помощи.

Мне кажется, что каждый опытный судья и тем более прокурор, а таких у нас немало, должны помогать следователю, как мне когда-то помогали гг. Терехов и Свирина. К сожалению, не говоря о судьях, у нас даже и некоторые прокуроры, обязанные наблюдать за работой следователя, ограничиваются наложением резолюции: «следователю расследовать».

Второе — я приучился не видеть в своей работе мелочей, не достойных внимания следователя.

Хранение литературы, бланков, постоянное пополнение канцелярских принадлежностей, культурная обстановка в кабинете, картотека следственных дел никогда не выходили из поля моего зрения.

Сводный план всей проводимой мною работы разрабатывался постоянно с большой тщательностью и этим путем мне удавалось избежать как вызовов различных лиц на одно и то же время, так и потери рабочего времени.

Вопросу тщательной организации вызовов и контролю за своевременным отправлением почты я также уделял немало внимания.

Еще лет пять назад, когда следователям не высылали предметов технического вооружения, я сам купил для себя фотоаппарат, рулетку, лупу и т. д., словом, соорудил небольшой следственный чемодан.

Сейчас мне странно смотреть на следователя, работающего с голыми руками и ожидающего, когда о нем позаботятся.

Такие «живденческие настроения» указывают прежде всего на нежелание товарища работать следователем, на наплевательское отношение с его стороны к делу.

Два с половиной года я учился работать и овладевать искусством следствия.

Те следователи, которые и теперь плохо работают, не изучают своего дела, не имеют оправданий, с такими людьми, очевидно, надо распрощаться.

С работой следователя я расставался с большим сожалением, и до сих пор с величайшим удовольствием, получая специальные задания, веду следствие.

Сложность поручаемых мне дел не смущает, а радует меня, так как в таких случаях открывается возможность для восполнения знаний и извлечения новых для себя уроков.

Пом. прокурора Западной области

Ершов.

Государственный обвинитель на судебной трибуне¹

Уже сейчас часто от следователей, прокуроров и народных судей слышишь: «Стало трудней работать, дела пошли какие-то трудные». Дело тут, конечно, не в делах, а в нас. Еще не отренившись от формализма, неправильных методов работы и извращений в прошлом, еще не умея делать каждое судебное дело остро политическим, но уже почувствовав большую ответственность за свою работу, мы часто в силу этого теряем перспективу, ясность ориентировки в новой обстановке и допускаем ошибки, извращения, которые, особенно сейчас, в условиях сталинской заботы о живом человеке, совершенно недопустимы. Если бы каждый районный прокурор покопался, если так можно сказать, в своей соевести, чуточку «раздел» себя, сколько бы он там нашел обвинительного материала против себя, человека, от неправильного слова и действия которого иной раз ломались человеческие жизни. Неправильно дал распоряжение привлечь к ответственности, потом также неправильно направил дело в суд, на суде произнес зажигательную речь. Человека посадили, а через полгода выяснилось, что «этот человек не виновен».

Не поднимая всех вопросов (о возбуждении уголовного преследования, о протестах и т. п.), связанных с судебной работой прокуратуры в новых условиях, вопросов, из которых каждый сам по себе заслуживает глубокого изучения, я хочу осветить роль государственного обвинителя (прокурора) в судебном процессе.

Актуальность этой темы сейчас ясна. Если мы хотим по-настоящему вести нашу судебную работу, мы обязаны внести коррективы в работу обвинителя на судебной трибуне, коррективы немедленные, общие и обязательные для прокуроров. В самом деле, разве не ясно, что если мы улучшим следствие, свою надзорную работу, чаще будем выступать в судах, но ничего не сделаем для того, чтобы такая функция судебной работы, прямо возложенная на прокурора «как поддержание обвинения на суде» (ст. 18 Основ судостройства), также реализовалась как следует, все наши успехи и достижения будут сведены на-нет.

¹ Статья поступила на конкурс, объявленный редакцией совместно с издательством.

М. И. Калинин, выступая на северокавказской партконференции сказал:

«Процесс суда — это лучшая конкретная агитация. Нигде в практической жизни нельзя так агитировать хорошо, как в судебных процессах. Мы не умеем их еще достаточно хорошо использовать... Судебный процесс и есть тот постоянный конкретный случай, который берется прямо из жизни. Наш суд — это демонстрация нашего пролетарского подхода к бесконечному количеству конкретных случаев... Когда выносятся то или иное судебное решение, важно не только то, чтобы оно было правильно, по закону, но важно, чтобы окружающая аудитория внутренне согласилась с приговором и сознала бы, что суд правильно постановил».

Слова т. М. И. Калинина полностью могут быть отнесены к роли прокурора в судебном процессе. Прокурор до вынесения приговора в процессе судебного следствия должен дать делу правильную политическую заостренность, и путем вопросов, ходатайств, заключений, и, наконец, обвинительной речью — прокурор не только помогает суду правильно решить дело, но и организует общественное мнение вокруг процесса еще задолго до приговора. Высказывания обвинителя долго после процесса обсуждаются и комментируются.

Сколько удовлетворения, какой-то особой силы, чуждого обычному тщеславию («вышло по-твоему») чувствовал я, уходя после процесса домой. Вот в памяти моей встает процесс Московского областного суда о К. и З. — убийцах своих детей. Вызванное корыстью, это убийство внушало отвращение своей жестокостью. Битком набитый публичкой клуб, главным образом женщины-матери. Атмосфера вокруг убийц была накалена до попыток самосуда. Ярость аудитории действует и на обвинителя. Но надо было ярость и слепую ненависть к убийцам переключить на иное: на вопросы борьбы с недостатками советского быта. Я чувствовал, как после приговора, удовлетворившего и общественность, и меня, многие, расходясь, обещали мне кое-что посмотреть, поправить у себя в семье, в своих отношениях к детям и т. д. Значит речь обвинителя дошла до сознания слушателей, а для обвинителя это высшая награда.

Не снижая роли председателя и членов суда (хозяев процесса), тщательно изучив дело, прокурор публично от имени государства формулирует обвинение и помогает поставить процесс как процесс общественный и политический.

Вот пример: в районе участились случаи группового хулиганства, массами поступают жалобы рабочих. Можно сделать очень просто: всех хулиганов передать суду и удовлетвориться этим. Мы чаще идем на другое: организуем два-три процесса с участием сторон, посылаем приговоры на фабрики, печатаем о процессах в местной прессе, и это дает большой, заметный ощутимый эффект.

Уметь вести процесс, держаться в нем, как подобает государственному обвинителю, — задача, несомненно, сложная и ответственная; совершенно непонятно почти полное отсутствие каких-либо руководств по этому вопросу, пособий, в которых бы говорилось о том,

как надо готовиться к речи, как строить ее и как выступать.

Выдвигая сейчас этот вопрос, я хотел бы остановиться только на одном — на обвинительной речи государственного обвинителя. Не только в речи заключается роль прокурора как стороны в процессе, как помощника суда. Еще до того, как ее произнести, прокурор проделывает большую работу, но речь — это итог работы прокурора в процессе.

Я знаю таких прокуроров, которые к выступлению в суде готовятся за несколько минут или совсем не готовятся. Это, если хотите, чуждые для советской прокуратуры люди, ибо лучше отказаться от выступления, чем выступить ради выступления, ибо непродуманным выступлением легко дезориентировать суд, дискредитировать прокуратуру.

Подготовку к процессу я делю на две части: подготовка к процессу в целом и подготовка собственно к речи.

Мне могут сказать, о какой подготовке к процессу в целом идет речь.

Прокурор возбуждал дело, сам его направил в суд, оно ему ясно, но практика показывает, что это не так.

Во-первых, дело в суд послал помощник, минуя тебя, и, следовательно, дело по окончании следствия ты в деталях не знаешь и, во-вторых, если даже ты сам направил дело, надо его еще раз изучить. Именно изучить. Я это делаю так: дня за три, как минимум, до процесса (перед процессом с делом будет знакомиться защитник и дело могут дать только на короткий срок) с карандашом в руках я изучаю дело.

Методика изучения различна: я восстанавливаю самое событие (кто, что, когда, какими образом и т. д.) путем прочтения обвинительного заключения и всех материалов дела. Перечитываю и делаю выборки из показаний основных свидетелей, акта экспертизы.

Тут же надо решить еще раз вопрос о том, все ли сделало предварительное следствие для полного расследования дела. Если отвечаешь: «да», — мысль ищет ответа и на другой вопрос: «что может осложнить дело». Неявка обвиняемого. Новые свидетели. Требование повторной экспертизы. Невольно хочешь проверить себя — как надо будет тогда реагировать в целях объективного правильного рассмотрения, и естественно кой-какие ответы ищешь в старой практике, в самом УПК (он постоянно должен быть под рукой). Дело изучено, суду обвиняемый предан правильно, и тут переходишь к подготовке речи. Я к ней начинаю готовиться в основном сейчас же, при первом же изучении дела, хотя еще не знаю, будет ли речь произнесена. Я готовлю конспект — тезисы речи в разрезах пока установленных предварительным следствием фактов, ибо этот конспект будет еще раз корректироваться после судебного следствия перед самой речью.

В моих конспектах уже перед речью вчерне намечаются, как правило, такие части: 1) общественно-политическая оценка с точки зрения обстановки района конкретного преступления; 2) совершено ли оно, какое и кем; 3) доказано ли и чем; 4) о мерах наказания; 5) концовка (почему я прошу о том или ином

приговоре). Вооруженный этим, иду на процесс. Моя собственная работа давно убедила меня в правильности метода такой подготовки. Легко уже ориентируясь в процессе, активно в нем участвуя, по ходу процесса корректируя некоторые данные, ранее мною зафиксированные в соответствии с установленными судом сейчас фактами, я окончательно формулирую (пока в сознании) собственное убеждение: обвинять или отказать. Это дается не сразу, это, если хотите, самый ответственный момент.

Сколько раз «да» или «нет» вертится у тебя в сознании и сколько раз живым kaleidosкопом проходит перед тобой все слышанное и виденное сегодня — люди, их семьи, их поступки, их значение и т. д. Не решил, не продумал и сам недоволен своей речью. Убежден — говорят слова речи — и я знаю: что суд, общественность со мной, именно сейчас я команду умами слушающих меня людей.

К речи я предъявляю следующие требования:

1) Она должна быть ската, деловита, юридически и политически насыщена. Хорошо, кто умеет говорить красиво, но гнаться надо не за красотой. Фауст Вагнеру советовал: «Говори с убеждением, слова и влияние на слушателей придут сами собой». Надо убеждать силой знания жизни, уметь за малым найти многое, уметь, зная закон, помнить о директивах партии, преступное отличить от случайного, показать общественную опасность содеянного и преступника.

2) Обвинительная речь — это речь прокурора. Значит нужен анализ фактов, а не общие слова, значит надо сослаться на закон, и тут же его популяризировать.

3) Знать чувство меры в требованиях о наказании. Избегать так называемых судебных перегибов. Не бояться, если убежден, отказаться от обвинения.

4) Не допускать актерства и неправильных выпадов по адресу подсудимого или защитника. Это принижает достоинство самого прокурора.

Скажут: эти изречения, правила избиты, стары, как старая сама постановка этих истин. Что делать? Если бы хоть часть их стала правилом каждого обвинителя — прокурора в суде, — еще больше укрепилась бы революционная законность, еще правильнее исполнялось бы советское правосудие победившего пролетариата.

В. Деревщиков

Прокурор—государственный обвинитель

«Большим недостатком в работе прокуратуры являлась до сих пор недооценка роли прокурора в судебном процессе», писал еще в 1934 г. т. Вышинский в своей статье «Выше качество работы органов юстиции», посвященной I всесоюзному совещанию работников советской юстиции.

За прошедшие годы, благодаря решительному курсу Прокуратуры Союза, эту недооценку в значительной степени удалось сломить.

Бесспорным является факт решительного повышения участия прокурора в судебном процессе, и если сейчас еще может идти речь о наличии в тех или иных звеньях прокуратуры недооценки роли прокурора в судебном процессе, то мы имеем в виду уже не столько вопрос о том, в скольких судебных заседаниях прокурор участвовал, а главным образом, вопрос о том — как он участвовал.

В передовой центральной органе партии «Правда», посвященной второй годовщине закона 7 августа, «На страже советского закона», со всей рельефностью была определена роль прокурора на судебном процессе. «На каждом судебном процессе, где он выступает как представитель государственного обвинения, прокурор должен быть выразителем воли пролетарской диктатуры, карающей всякого, кто пытается сопротивляться законам нового строя» («Правда» от 7 августа 1934 г.).

Можем ли мы утверждать, что все прокуроры эту ответственнейшую и почетнейшую роль выразителя воли пролетарской диктатуры выполняют с достаточным умением?

Рядом с прекрасными прокурорами — государственными обвинителями, с прекрасными ораторами мы еще, к сожалению, иногда встречаем на судебном процессе в роли государственного обвинителя прокурора, не владеющего в достаточной мере даром речи, не умеющего изложить членораздельно, внятно и вразумительно свою мысль. Мы встречаем еще государственного обвинителя, не знающего материалов дела, допускающего по отношению к суду и защите недопустимые выражения и реплики, разрешающего себе по отношению к подсудимому и свидетелям оскорбляющие достоинство человека «остроты». Иногда можно даже услышать с трибуны государственного обвинителя и политически неграмотные изречения.

Сталинская Конституция, вознесшая на недосягаемую высоту достоинства человека — гражданина нашей великой родины, возлагающая на суд и прокуратуру великую задачу всемерного укрепления диктатуры пролетариата и охрану советского закона, еще раз подчеркивает огромный авторитет и роль суда и прокуратуры.

Как неоднократно указывал нам В. И. Ленин, эта роль двояка — беспощадное подавление сопротивления врага, с одной стороны, и воспитание масс — с другой.

В свете этих задач не может быть дальше терпимо хотя бы малейшее проявление недооценки политической роли трибуны государственного обвинителя, в какой бы форме эта недооценка ни выявлялась.

Вредной снисходительностью иногда пользуются у нас прокуроры, любящие похвастаться выступлением в суде без предварительного добросовестного изучения материалов дела.

«Я, — рассказывает такой прокурор, — совсем забыл, что должен выступать в суде, звонит судья, меня ждут, беру наблюдательное производство и бегу в суд. И представьте себе, — хвастливо заканчивает такой горе-обвинитель, — я закатил такую речь, такую речь...». Редко когда такого хвастуна крепко одернут.

Между тем, не трудно себе представить,

каково положение прокурора в суде, не знающего детально материалов дела и не понимающего, к чему сводится его роль.

Мне лично пришлось, правда, не по моей вине, побывать в таком положении. Как-то мне навязали, несмотря на мои категорические возражения, выступить экспромтом по делу, которого я совершенно не знал и изучить которое, как следует быть, я не имел возможности. Я был прямо счастлив, когда по ходатайству одного из защитников, по совершенно незначительному поводу, дело было отложено.

Прокурор, готовясь к выступлению в суде, должен самым добросовестным образом изучить дело. Не менее внимательно надо изучить вещественные доказательства, документацию и прочие приложения к делу. Надо прийти в суд, имея в руках не только наблюдательное производство, но и специальные заметки и выписки из материалов дела. Это дает возможность умело и убедительно изложить суду улики и доказательства и свою — государственного обвинителя — точку зрения, не случайную, а вытекающую из знания дела.

Хорошо построенная, политически и юридически грамотная речь, произнесенная на процессе прокурором, произнесенная убедительно и искренне, без трескучих и громких фраз, всегда достигает цели, доходит до глубины души аудитории и суда.

Речь государственного обвинителя, как правило, состоит из пяти частей, перемещение которых может, без вреда для стройности речи, иметь место: политическая и общественная характеристика совершенного преступления, анализ улик и доказательств, изобличающих подсудимых, анализ положений, выдвинутых защитой, характеристика подсудимых, обоснование квалификации преступления и требуемая санкция.

Весьма важно соразмерно правильно распределить время между этими частями речи в соответствии с материалом дела таким образом, чтобы ни одна из них не была бы скомкана за счет другой.

Мне довелось на одном показательном процессе слушать речь одного моего товарища, неплохого прокурора и неплохого оратора, увлекшегося, в порыве вдохновения, первой частью своей речи — общественно-политической характеристикой, и совершенно скомкавшего такую весьма важную часть речи, как анализ материалов дела. Это дало возможность защитникам пустить в него несколько язвительных стрел вроде того, что много сказано и ничего не доказано.

Даже правильно построенная речь, если она произносится неискренно, не производит впечатления. Без ложного пафоса, искренно и убежденно должен говорить государственный обвинитель. Для этого надо прежде всего самому быть искренно убежденным в том, в чем хочешь убедить других.

К своей обвинительной речи нужно серьезно готовиться, конечно, не в 5—10-минутном перерыве, объявляемом иногда председателемствующим для подготовки к прениям.

Кстати вспомнил еще об одной неправильной практике, введенной отдельными председателемствующими. Стремясь скорее «разделаться» с делом, эти товарищи ввели в прак-

тику принципиально не давать слова для реплики или возражения.

Они рассуждают так: если дать слово для реплики прокурору, то потом придется дать слово для реплики защитнику, а потом опять может употребить слово прокурор и т. д., и, рассуждая таким порядком, они рисуют себе мрачную картину возвращения домой к остывшему самовару.

А, между тем, после речи защиты, выдвинувшей целый ряд новых существенных положений, по которым прокурор, не предвидя их, не высказался, реплика необходима.

Эту неправильную практику надо устранить. Прокурор обязательно должен выступить с репликой или возражением, если защита в порыве усердия извратила обстоятельства дела, высказала принципиально или политически неправильные положения или выдвинула новые существенные мотивы, по которым прокурор свое суждение не высказал.

Совершенно недопустимыми, несолидными, снижающими авторитет государственного обвинителя надо признать такие «приемы» обвинения, как извращенное изложение обстоятельств дела. Правда, такого рода государственного обвинителя мне лично не приходилось встречать. Но извращать обстоятельство можно и без злого намерения. Просто по небрежности или по незнанию дела может такое получиться. От этого надо наших прокуроров особенно предостеречь.

Надо помнить, что наш закон обязывает прокурора отказаться от обвинения, если он убедился, что судебное следствие опровергло выдвинутое предварительным следствием против подсудимого обвинение. Задача государственного обвинителя вовсе не в том, чтобы во что бы то ни стало доказать обвинение, хотя бы судебное следствие его опровергло, а в том, чтобы, изложив правильно суду обстоятельства дела, проанализировав улики и доказательства, дать им оценку, с точки зрения государственных интересов, совершенно объективно.

Совершенно недопустимо держать себя вызывающе или высокомерно по отношению к суду и защите. Об этой болезни некоторых прокуроров неоднократно и совершенно справедливо указывал Прокурор Союза ССР.

Надо, наконец, понять, что могут быть и есть отдельные плохие судьи, отдельные плохие защитники, как могут быть отдельные плохие прокуроры, но это не дает права превращать судебный процесс в место взаимных излияний не совсем лестных мнений друг о друге.

В заключение я хочу сказать еще пару слов и о том, что иногда старшие прокуроры не интересуются тем, как их помощники и районные прокуроры выступают в суде, не знают недостатков этих выступлений и не помогают их исправлять.

Я бы считал целью этой статьи достигнутой, если бы она обратила внимание наших прокуроров на имеющиеся серьезные недочеты на одном из ответственных участков прокурорской работы — на трибуне государственного обвинителя.

Ал. Семенов

Работа районного прокурора по надзору за законностью

Надзор за законностью составляет важнейшую часть работы районного прокурора. Он должен следить за тем, чтобы ни одно незаконное постановление местных органов и ни одно незаконное действие должностного лица, нарушающего закон, не осталось бы неопротестованным.

Прокурор своей работой учит уважать советские законы и строго их выполнять. Надо помнить, что каждое нарушение закона, задевающее интересы того или иного гражданина, нередко порождает у него недовольство не только тем должностным лицом, которое нарушило закон, но и самим госорганом, от имени которого исходило незаконное распоряжение, а иногда и всем советским аппаратом.

Работа по общему надзору очень трудна и сложна, поэтому практически работникам полезно было бы делиться друг с другом опытом своей работы.

Расскажу про свою работу в Бердянском районе. Надзор за законностью мы осуществляли тремя путями: проверяли постановления рика, сельсоветов и других органов при выездах на места, просматривали присылаемые в прокуратуру копии постановлений и использовали сигналы актива прокуратуры.

За 10 месяцев моей работы в Бердянской прокуратуре таким образом было проверено 480 различных постановлений рика, горсовета, сельсоветов, колхозов и кооперативных организаций.

Мы добились того, что рик и горсовет стали регулярно присылать в прокуратуру копии всех своих постановлений. При выездах на места мы просмотрели постановления 13 сельсоветов (из 20 в районе) и 33 колхозов (из 74 в районе). Проверяли штрафную практику милиции, конвенцбюро и т. д.

В этой работе немалую помощь нам оказали группы содействия прокуратуре, которые были специально для этой работы организованы.

За 10 месяцев прокуратура принесла 97 протестов на незаконные действия местных органов власти. Многие из них были принесены по делам о нарушении устава сельскохозяйственной артели.

Так например: правление артели «Искра» оштрафовало двух своих членов на 7 трудовых за то, что они не явились на общее собрание колхоза; общее собрание артели им. Шевченко вынесло постановление об оштрафовании за неявку на общее собрание каждого колхозника в 10 руб. Та же артель «Искра» оштрафовала 16 колхозников за невыход на работу. При наложении штрафа правление исходило из того, на какую сумму невышедший на работу колхозник собрал бы хлопка.

Правление артели «Заря» оштрафовало 6 колхозниц в 10-кратном размере стоимости урожая 2 гектаров погибшей кукурузы (этим колхозникам поставлено было в вину то, что они своевременно не пропололи этой кукурузы, вследствие чего кукуруза погибла).

Отменяя постановления, опротестованные прокурором района, президиум рика свои мотивированные постановления разослал всем

колхозам района. Одновременно рик предложил начальнику райзо проверить практику всех колхозов района по наложению штрафов.

Мы обнаружили также ряд незаконных исключений из колхозов. Некоторые колхозы вопреки уставу исключали колхозников на заседаниях правлений. Исключали за маловажные проступки, причем не только тех, кто совершил эти проступки, но и их семьи.

Артель «25000» исключила из колхоза колхозника Курлова за то, что он отказался контрактовать свою телку для продажи безкоровным колхозникам.

Правление артели имени Сталина исключило из колхоза колхозника Грибанова и его семью за то, что Грибанов якобы намеревался изнасиловать колхозницу Б. Дело Грибанова о покушении на изнасилование было прекращено за отсутствием состава преступления. Грибанов и его семья после вмешательства прокуратуры в колхозе восстановлены.

Ряд сельсоветов в районе в массовом порядке штрафовали граждан.

Ногайский сельсовет за убой скота не на убойной площадке, специально отведенной для этой цели, оштрафовал гр. Буряка в 50 руб. и Венева в 25 руб. Этот же сельсовет за невыполнение обязательств по поставке в I квартале 1936 г. уже 29 января (т. е. до истечения срока) оштрафовал трех колхозников.

Ново-Спасский, К. Марксовский, Николаевский и ДЕРЕВЕЦКИЙ сельсоветы за невыполнение мясосоставок штрафовали колхозников и единоличников по 5—10 человек на одном заседании президиума, причем штрафовали в многократном размере (от 2 до 6 раз больше стоимости несданного мяса), в то время как по закону штраф может взыскиваться только в размере рыночной стоимости несданного мяса.

Характерное постановление вынес Дмитриевский сельсовет: у колхозника Яроша заболела корова, он пригласил ветфельдшера Антонова, Антонов своевременно к корове не пришел, и корова пала. Президиум сельсовета, обсуждая поступок Антонова, вынес постановление, которым обязал ветфельдшера Антонова уплатить стоимость коровы гр. Ярошу. При отчуждении домостроений, собственники которых в 1933, 1934 и 1935 гг. выехали из сел, сельсоветы, невзирая ни на какие связи этих собственников со своими домостроениями, отбирали эти строения и их продавали.

В Старо-Петровском сельсовете с 1930 г. в бывшей кулацкой хате живет 60-летняя колхозница Федоровская. Несмотря на свои 60 лет, она еще и в 1935 г. имела в колхозе 240 трудовых. В годы гражданской войны она была председателем комбеда и членом сельсовета. Теперь это беспомощная старуха. Дом, в котором она живет, на протяжении ряда лет не ремонтировался и начал разрушаться. Президиум сельсовета, исходя из того, что дом не ремонтируется, отобрал его у Федоровской и продал Рыбпрому. Прокуратура опротестовала постановление сельсовета. Президиум рика отменил постановление сельсовета, обязав сельсовет и правление колхоза отремонтировать дом Федоровской и оказать ей материальную помощь.

Были случаи вынесения горсоветом и риком постановлений об отобрании домостроений у кооперативных артелей, которые находились в их пользовании ряд лет и арендные сроки на которые истекали только через 2—3 года. После нашего вмешательства эти постановления горсовета и рика были отменены. Не редки в районе и случаи нарушения сельсоветами и даже риком советской демократии.

Старо-Петровский сельсовет вывел из состава пленума и президиума сельсовета гр. Стрибаманя за то, что он не описал у единоличника за неуплату государственных платежей лошадь, и этот единоличник успел свою лошадь продать.

Много протестов было принесено по поводу неправильного обложения граждан. В 1933 г. рабочий государственной обувной фабрики Аджавенко купил 3 пуда кукурузы и пуд пшеницы. Горсовет его обложил в 200 руб. как спекулянта, а на 1 января 1936 г. Аджавенко был должен горсовету кроме этих 200 руб. еще и 2400 руб. пени.

В 1935 г. горсовет обложил подоходным налогом в 710 руб. жену рабочего Устинова за продажу мороженого. Проверкой нами было установлено, что Устинова была подставным лицом у спекулянта Подлужного. Фактически же изготовлял и продавал мороженое Подлужный. По нашему предложению Устинова была освобождена от обложения. Подлужного же обложили в 1800 руб., а за уклонение от обложения мы его привлекли к уголовной ответственности и он был осужден к 1½ годам лишения свободы.

Ряд постановлений начальника районной милиции о наложении штрафов за мелкие правонарушения был отменен благодаря нашему вмешательству. Следует остановиться на деле гр. Лютой. За оставление детей без надзора начальник районной милиции привлек ее к принудительным работам на 20 суток. Гр. Лютая — вдова, работает на заводе, получает низкую зарплату и обеспечить няней своих детей не может. Рик, к которому мы обратились с протестом, 7 октября отменил постановление начальника милиции и обязал зав. наробразом взять под особый надзор детей гр. Лютой, предложив деткомиссии приобрести для ее детей обувь и пальто.

Нарушения закона были обнаружены и в хозяйственных организациях района.

Ново-Васильевское СПО обложило своих членов по 3 руб. на приобретение выезда для доставки печеного хлеба потребителям. После нашего вмешательства это постановление было отменено. Рик предложил председателю РПС принять меры к немедленному устранению нарушений во всей торговой сети.

Конвенцбюро оштрафовало представителей двух организаций в 25 и 50 руб. за неявку на заседание конвенцбюро. Председатель конвенцбюро заявил, что этот штраф наложен «с целью попутать» неявившихся. Областное конвенцбюро, куда мы вошли с протестом, отменило это постановление, вынесло специальное, мотивированное постановление, которое было разослано всем районным конвенцбюро, и предложило всем конвенцбюро пересмотреть свои постановления.

Нужно сказать, что не все наши протесты удовлетворялись. 4 протеста рик отклонил

и 5 протестов снято областной прокуратурой. Мы не всегда соглашались с постановлениями областного прокурора о снятии протестов, 2 таких постановления областного прокурора мы обжаловали в Прокуратуре Республики, и Прокуратура Республики с нами согласилась.

Прокуратура района вела надзор за соблюдением законности и на промпредприятиях. Мы установили ряд незаконных увольнений; начальники цехов Первомайского и Азово-Черноморского заводов незаконно штрафовали своих рабочих, удерживали большие суммы за брак; нередко накладывались взыскания за проступки рабочих, не связанные с производством; хулиганство, оскорбления и т. п. Было бы гораздо полезнее, если бы эти дела передавались производственно-товарищеским или народным судам.

Некоторые руководители возлагали материальную ответственность на своих подчиненных за кражу другими лицами вещей на производстве. Так, директор МТС возложил материальную ответственность на своего шофера за кражу у него с автомашины плаща. Начальник почты оштрафовал свою уборщицу в 5 руб. за плохую уборку помещения.

Одно только опротестование незаконных постановлений недостаточно для того, чтобы такие же нарушения не делались другими. Необходима и профилактическая работа. В этих целях я два раза выступал в местной газете со статьями, в которых указывал на нарушения социалистической законности как в колхозах, так и в учреждениях и организациях. Моя работа по надзору за законностью еще недостаточна. Надзор за правильным применением закона необходимо построить так, чтобы ни один объект не был оставлен без надзора. Практика получения постановлений и приказов прокуратуры с проверкой их в кабинете еще не обеспечивает полностью настоящего надзора.

Необходимо систематически выезжать в район, в сельсоветы, колхозы и проверять соблюдение законности на месте. Большую помощь в вопросе надзора за законностью оказывают группы содействия прокуратуре, если с ними ведется систематическая работа. Проведение всех этих мероприятий со стороны прокурора сделает работу по общему надзору достаточно эффективной.

Шегида

Несколько слов в ответ т. Шегида

Взгляды т. Шегида на постановку работы по общему надзору очень характерны для многих и многих наших районных работников.

Говоря о «трех путях», по которым прокурор должен идти для того, чтобы обнаружить незаконное постановление или действие должностных лиц, т. Шегида совершенно не упоминает о таком «столбовом пути», как рассмотрение конкретной жалобы живого человека. А между тем это наиболее простой, верный и скорый путь обнаружения нарушений закона. Держась за нитку одной основательной жалобы, всегда можно вскрыть целый клубок незаконных действий того или иного органа. Но в том-то и беда, что к жалобам у нас в районах относятся сплошь да рядом

равнодушно, по-бюрократически. Жалобы считаются черной работой, от них отмахиваются, их презрительно причисляют к «самотечной работе» в отличие от «активной, плановой». Жалобы разрешаются часто без ознакомления с законодательным материалом, по «наитию», небрежно, лишь бы отделаться. Особенно это относится к налоговым жалобам. Тут требуется и знание финансовых законов и фактическое положение вещей изучить (для чего иной раз надо и соседей порасспросить и самому на месте побывать). А на это у нас охотников мало. Можно привести немало живых таких примеров, на которых показать, как возмутительно бюрократически относятся у нас кое-где к рассмотрению жалоб и как нарушают закон при их разрешении, да т. Шегиды, вероятно, и сам знает такие примеры.

Как же можно, говоря о работе по общему надзору, обходить молчанием вопрос о жалобах.

И еще одно замечание, которое также относится не к одному только т. Шегиде, а ко многим нашим районным работникам.

Тов. Шегиды, рассказывая о том, как он боролся с нарушениями законности, и показав, что много этих нарушений в районе допускалось, ни разу не упомянул о том, поставил ли он хоть раз вопрос о привлечении лиц, нарушающих законы, к ответственности (партийной, дисциплинарной, уголовной). Не упомянул же он об этом потому, что, вероятно, не о чем было. А между тем в его статье приводятся такие случаи, когда мало было ограничиться только опротестованием незаконного постановления, а надо было бы поставить вопрос о наказании нарушителя. К сожалению, к нарушителям закона, иногда очень злостным, причиняющим большой вред советской власти, — часто относится у нас очень снисходительно. Однако очевидно, что т. Шегиды все же проделал в своем районе значительную работу, в особенности, если учесть, что он всего там проработал 10 месяцев.

Редакция

За высокое качество приговоров решений и определений

Победа социализма в СССР, ликвидация эксплуататорских классов по-новому определяют задачи нашего суда. Основная задача суда — беспощадная борьба с врагами народа и социалистического государства. Вместе с тем важнейшая задача суда — воспитание к дисциплине и самодисциплине трудящихся.

«Это — воспитание нового социалистического отношения к общественной собственности, к труду. Это — воспитание нового социалистического отношения гражданина к гражданину, укрепление новой морали в быту, нового отношения к семье, к женщине, к детям. Это — борьба против пережитков старого в сознании советского гражданина, в частности с остатками всяких родовых, национальных и иных предрассудков...» (передовая «Правды» № 345, 1936 г.).

Эти опромные задачи может выполнить только хорошо грамотный и культурный че-

ловек, вооруженный марксистско-ленинско-сталинской теорией. Если же судья этими качествами не обладает, то его решения и приговоры не будут отвечать своему назначению и вместо пользы будут приносить вред. Тов. Калинин на заседании судебно-прокурорских работников в день 10-летия Верховного суда Союза говорил, что:

«Если судья — хороший марксист, диалектик, опытный, практический работник, культурный, грамотный человек, то можно смело сказать, что 99 процентов его приговоров и решений будут иметь положительное политическое значение, будут являться одной из лучших форм пропаганды советских законов, пропаганды директив партии... Судья должен не только уметь правильно политически разобраться в данном конкретном деле, в той обстановке, в которой это дело произошло, правильно оценить, распознать людей, участвовавших в этом деле, выявить все пружины каждого данного дела, его классовую подоплеку и сущность, но он должен еще, кроме того, уметь это сделать так убедительно, так показательно, чтобы не только он сам и народные заседатели, но и все присутствующие на суде разобрались в этом деле и поняли правильность вынесенного судом решения...»

Обладают ли всеми этими качествами наши судьи? У нас имеется много прекрасных судебных работников, обладающих общей, политической и юридической грамотностью. Эта категория работников, правильно поняв указания нашей партии в области карательной политики, дает хорошие образцы и высокое качество своей работы. Этой работой довольны трудящиеся, ибо они отлично понимают, что такая работа суда помогает им быстрее строить социализм.

Но, к сожалению, приходится констатировать, что среди судебных работников имеются отдельные работники, которые наплевательски относятся к своему делу, страдая общей политической и юридической неграмотностью, в практике своей работы выносят такие возмутительные приговоры и решения, непонятные трудящимся массам, которые подрывают авторитет суда, ибо трудящиеся по работе отдельных судебных работников судят о работе всей судебной системы.

Конечно, эта категория работников своей плохой работой кроме вреда ничего принести не может, а поэтому мы должны направить огонь своей критики и самокритики по нашим недостаткам, по бескультурности, малограмотности и наплевательскому отношению к делу.

За последнее время «Социалистическая законность» на своих страницах уделяет внимание вопросам внедрения культуры в работу судебных органов, но это внедрение ограничивалось рамками борьбы за светлые и чистые помещения, в которых мы работаем, за вежливое и хорошее обращение с посетителями. Но еще недостаточно уделялось внимания борьбе с ошибочными и неверными политическими формулировками в приговорах, решениях и определениях, а таких приговоров и определений, к сожалению, бывает много. При рассмотрении дел с такими приговорами в кассационных инстанциях обращается главное внимание на исправление ошибок «по существу дела» и не ведется достаточной борьбы

за политически правильный и культурный приговор.

Чтобы не быть голословным, мы приведем несколько фактов из деятельности работы судов и прокуроров в Северокавказском крае.

13 января 1936 г. народный суд Апанасенского района в составе: народного судьи Кузьминой, народных заседателей Попова и Мосгриенко, при секретаре Четверикове, государственном обвинителе Исаеве и защитнике Скачко, в селе Вознесенске в открытом судебном заседании рассмотрел уголовное дело по обвинению Ступаря Дмитрия, Компанейца Ивана, Емельяненко Григория и Погребняка Павла по ч. 2 ст. 142 УК.

Из вынесенного судом приговора по этому делу с трудом можно узнать, что все вышеуказанные лица нанесли тяжкие телесные повреждения гр. Крячко за то, что он, являясь сторожем совхоза, не усмотрел, как из барака пропал тулуп гр. Ступаря Михаила. В результате нанесенных Крячко побоев он умер. Надо было факт четко, конкретно, ясно изложить в приговоре, чтобы трудящиеся, присутствовавшие на суде, поняли этот приговор, но суд по этому делу вынес такой безграмотный приговор, что он даже не каждому судебному работнику понятен. Приведем выдержки из этого приговора (с соблюдением орфографии):

«...Все выше указанные лица обвиняются в том, что все они работали плотниками в совхозе за № 114 на второй ферме во главе их был бригадиром Погребной Павел, а потерпевшим Крячко Артем там же работал сторожем куда он был отпущен колхозом, как отходник. Этот сторож охранял как имущество колхоза, также и вещи рабочих, находящихся в бараке 2-го декабря 1935 года все обв. в том числе сын обв. Ступаря Д. Ступарь Михаил ушли домой в свое село к.м. за 5—6 в их отсутствие пропал тулуп Ступаря Михаила. Отец его и они стали спрашивать Крячко, где делся тулуп, то умерший заявил, что он не видел и не знает кто взял 4/XII—вся эта группа уже перед вечером бросил работу и обвин. Ступарь Дмитрий, Компанейц Иван, Емельяненко Григорий, Погребной Павел решили попытаться умершего, чтобы он признался, где девал тулуп т. к. подозревали его в хищении зазвали его в барак, положили на нары клали Ступарь Дмитрий и Компанейц Иван, подняли ему рубашку стали бить по животу, при чем Компанейц заявил, что он сидел в тюрьме и знает как учить, брал тело живота в руку, а затем ребром другой бил по животу (при чем Компанейц заявил, что он сидел в тюрьме и знает, как учить) когда Компанейц бросил бить начал Ступарь Дмитрий, который сперва бил кулаками затем схватил топор ударил Крячко топором ему бить недали. Когда избивали умершего и Компанейц то Ельников держал и сам два раза ударил. Погребной закрыл двери на крючок обыскал старика ища денег, а затем приказал ему разуться и когда тот снял портки он стал его бить палкой по пяткам, но палка сломалась избивание было прекращено только с приходом в барак других рабочих»...

Интересно знать, что бы ответила судья Кузьмина, вынесшая этот приговор, если бы

ее спросить, с каких это пор живые люди пытаются умерших, добываясь от них, «чтобы он признался где дел тулуп», с каких это пор мертвый человек отвечает на вопрос, «что он не видел и не знает кто взял тулуп».

И только в конце приговора указано, что все вышепоименованные обвиняемые избили Крячко так, что он через два дня умер.

Повидимому обвиняемый Ступарь заявлял суду о том, что это преступление он совершил под влиянием болезненного состояния и просил суд подвергнуть его медицинскому исследованию, но эту просьбу суд отверг и в своем приговоре пишет:

«что касается того, что якобы Ступарь верно-больной и действовал не в нормальном состоянии и нуждается в экспертизе, то на это нет никаких оснований и он за всю жизнь не совершил такого действия, которое бы давало основание заподозреть его в психическом расстройстве».

Как видите, судья Кузьмина легко разрешает вопросы не только юридического порядка, и даже вопросы, входящие в сферу медицинских познаний. Вместо того, чтобы подвергнуть Ступаря медицинскому исследованию, она росчерком пера авторитетно заявляет, что нет никаких оснований считать Ступаря больным.

3 февраля 1936 г. по кассационной жалобе обвиняемых дело было рассмотрено судебной кассационной коллегией Северокавказского краевого суда в составе: председательствующего Либерица, членов Окрытова и Жидковой, которая приговор народного суда оставила в силе и не сделала никаких замечаний народному судье Кузьминой, не указала ей о недопустимости вынесения таких безграмотных приговоров, подрывающих авторитет нашего советского суда. О том, что Кузьмина вынесла такой приговор, знали и прокурор Исаев и ЧКЗ Скачко, и они также не протестовали против этого приговора. Из этого можно сделать вывод, что и они не ведут борьбы за внедрение культуры в работу судебных органов.

Приводим выдержку из приговора народного суда 16 участка Малгобекского района Чечено-Ингушской Автономной ССР.

27 мая 1936 г. народный суд в составе: председательствующего Погворова, народных заседателей Сулова и Бокова, рассмотрел уголовное дело за № 1—104 по обвинению Платоновой Екатерины по ч. 1 ст. 116 УК, в приговоре указывает (орфография сохраняется):

«Проверив имеющийся материал дело предварительного и судебного следствия, путем опроса свидетелей, а также показаниями самой подсудимой судом установленные доказанным что она Платонова буфетчицей являясь буфетчицей при столовой ИТР Малгобекского ОРС совершила растрату из государственных денег в веренных ей по службе на сумму 1372 руб. 35 коп. Указанную сумму выявлена натуральных остатков бухгалтерской экспертизой последним на основании этого судом установлено преступного деяние со стороны подсудимой Платоновой по признакам ст. 116 ч. 1 УК РСФСР.» (Платонова осуждена на 2 года лишения свободы).

Вот яркий образец безграмотного приговора. Никаких знаков препинания судья не при-

знает. Вместо того, чтобы ясно, просто и четко написать о том, что Платонова, работая в столовой ИТР в должности буфетчицы, растрагивала 1372 руб., он придумывает какие-то фразы «будучи являясь» и т. д. и на основе этих фраз, подпав под их влияние, пишет такой безграмотный приговор.

Мы могли бы продолжить изложение подобного рода фактов, но считаем, что и изложенные факты в достаточной степени ярко говорят о том, как плохо работают некоторые работники органов суда и прокуратуры.

Невольно напрашивается вопрос, почему были вынесены такие приговоры, определения и постановления?

По нашему мнению эти документы были составлены в таком виде вследствие того, что лица, вынесшие их, страдают общей, политической и юридической неграмотностью, наплевательски относятся к порученной им работе.

Какие же следуют выводы из вышеизложенного?

Надо объявить беспощадную борьбу тем работникам органов суда и прокуратуры, которые наплевательски относятся к порученному им делу. Надо безжалостно изгонять их из наших рядов, ибо они своими действиями дискредитируют органы советского суда и прокуратуры.

Надо вменить в обязанность кассационным инстанциям, чтобы они при рассмотрении дел, если даже признают, что приговор надо оставить в силе, в своих определениях указывали бы мотивировку определения, а не писали бы голые фразы «приговор оставить в силе». Составление мотивированного определения об оставлении приговора в силе обижает судей изучать рассматриваемое ими дело.

Все работники органов суда и прокуратуры обязаны работать хорошо и культурно. Выносимые ими приговоры, определения и постановления должны быть написаны просто, ясно и юридически грамотно, чтобы эти документы были понятны каждому трудящемуся. А чтобы работать хорошо и культурно, необходимо всемерно повышать свою общую, политическую и юридическую грамотность.

Мы обязаны работать хорошо. Этого от нас требует наша партия и советская власть. Мы должны построить свою работу так, чтобы поднять авторитет нашего советского суда и прокуратуры на недостижимую высоту.

В целях ликвидации недостатков нашей работы, которые больно бьют по трудящимся нашей социалистической родины, необходимо подвергать их резкой критике на страницах наших журналов. Только огнем резкой самокритики мы уничтожим эти недочеты, мешающие нам идти быстрее вперед.

Раскольников

Об одном деле

3 сентября 1936 г. дежурный кладовщик камеры хранения ручной клади Московского вокзала в Ленинграде, придя утром на работу, обнаружил, что из одного стоящего на полке сундука просачивается кровь.

Прибывшими сотрудниками угрозыска сундук был вскрыт.

В нем оказался связанный веревками труп 20-летнего мужчины с повреждениями головы.

На трупе были надеты белая верхняя рубашка с галстуком, трусики и носки с резинками. Брюки, пиджак, ботинки отсутствовали..

На внешней стороне сундука, по виду совершенно нового, зеленого цвета, обитого крест-на-крест узкими полосками жести, значились карандашная и меловая надписи в виде

МО 38-60
5579

По сообщению одного из кладовщиков, Жидкова, этот сундук был доставлен в камеру 2 сентября в 16 ч. 30 м. двумя неизвестными ему гражданами в сопровождении третьего гражданина, назвавшегося при получении квитанции Масловым. Лиц всех троих Жидков, конечно, не приметил.

7 сентября; после публикации в газете, труп убитого был опознан его родственниками и знакомыми. Убитым оказался Моисеевым Анатолием, проживавшим вместе с родителями в д. № 14 по Подольской ул. и бесследно исчезнувшим 1 сентября 1936 г.

Покойный был музыкантом-баянистом, работавшим в московском отделе Ленсовета.

Баян его тоже исчез.

В поисках убийцы и баяна прошло еще 3 дня.

Наконец, сотрудники угрозыска напали на верный след, — вернее, на этот след их навела знакомая Моисеева гражданка Голик.

10 сентября, проходя по ул. Куйбышева, она встретила неизвестного, несшего в руках знакомый ей баян Анатолия. Последовав за неизвестным и установив его местожительство, Голик сообщила об этом в милицию, которая и задержала незнакомца.

Он оказался Калининим, купившим баян 6 сентября на Предтеченском рынке у некоего Иванова, а последний в свою очередь баян приобрел 2 сентября на Вяземском рынке у Алексеева Василия.

При обыске у Алексеева в квартире д. № 17 по ул. Герцена был обнаружен паспорт убитого Моисеева; кроме того, на одном из ботинок и серых брюках, принадлежащих Алексееву, были найдены свежие кровавые следы.

Алексеев Василий оказался шофером 1-й автобазы горвнторга, знакомым покойного Моисеева.

Он объяснил, что он встретился с Моисеевым 1 сентября на улице; они были у знакомых, где выпивали, а затем в первом часу ночи вернулись домой, в комнату Алексеева, где и переночевали вместе на кровати Алексеева. Здесь же в комнате спали родственники Алексеева — жена брата, ее ребенок и мать. Утром 2 сентября Моисеев ушел. Вернувшись около 2 часов дня, он попросил у него, Алексеева, в долг 600 руб., якобы для приобретения другого баяна. При этом Моисеев якобы сказал, что если он не вернется к 3 час. дня, то он, Алексеев, может продать оставленный у него баян, для чего Моисеев оставил свой паспорт, чтобы зарегистрировать по нему продажу баяна на рынке. Получив 580 руб. от него, Алексеева, Моисеев ушел. После ухода Моисеева к Алексееву якобы пришли его и Моисеева два приятеля,

знакомые по пивной, один — Алексей, или Андрей, по кличке «Хирург», другой Владимир — с двумя девицами и попросили разрешить им распить у него в комнате принесенные с собой вино и водку. Считая неудобным устраивать попойку у себя в комнате, он отвел их в смежный с квартирой чердак, где на постланном матрасе компания, в том числе и он, Алексеев, и расположились. Затем, уже в 16 час., не дождавшись возвращения Моисеева, он, Алексеев, взял его баян из комнаты и ушел продавать его, оставив компанию на чердаке. Продав на рынке баян и возвращаясь домой, он во дворе дома у черной лестницы встретил «Хирурга» и Владимира уже без девиц. «Хирург» и Владимир несли большой зеленый сундук. Этот сундук они поставили на ручную тележку, стоявшую во дворе и поехали со двора. Сообразив, что они что-то украли, он, Алексеев, спросил их об этом, но получил ответ: «Молчи». Поднимаясь затем по лестнице с черного хода, он увидел на лестнице у чердака лужу крови, которую замыл, взяв ведро с водой и тряпку. Тут он впервые якобы догадался, что приятели кого-то убили и унесли в сундуке.

Вечером, в этот же день, к нему, Алексееву, зашли его приятели «Хирург» и Владимир, причем первый вернул ему его серый костюм (ранее взятый заимообразно) со следами крови на нем. На этот раз приятели также отказались ответить ему о подробностях убийства и быстро ушли. После этого он их больше не видел.

Происхождение кровавых следов на ботинке Алексеев объяснил тем, что он, замывая кровь на лестнице, мог запачкать его, а на вопрос, как мог попасть в его отсутствие на чердак Моисеев, ответил, что у Моисеева был ключ от черного хода, который вел в чердачное помещение.

При двукратном осмотре (оба осмотра были поверхностными) чердака дома № 17 по ул. Герцена, произведенного сотрудниками угрозыска, там были обнаружены следы крови на полу при выходе из чердака на черную лестницу, которой пользовались жильцы квартиры, где проживал Алексеев, половая тряпка, топор со следами крови и окровавленные подтяжки Моисеева. Топор, по показаниям жильцов, все время хранился в чердачном помещении.

По заключению судебно-медицинского эксперта «смерть Моисеева последовала от асфиксии вследствие сдавления дыхательных органов в области шеи руками человека, причем предварительно покойному были нанесены множественные удары плотным орудием в область головы в положении, когда покойный лежал (голова была фиксирована на каком-то плотном предмете). Покойный в момент убийства находился в состоянии опьянения».

Дальнейшие оперативные действия угрозыска были направлены исключительно по линии установления личности «Хирурга» и «Владимира».

Были проверены все пивные, находящиеся по ул. Дзержинского, где, по показаниям Алексеева, он встречался со своими приятелями, но все розыски оказались тщетными. «Хирурга» и «Владимира» установить и задержать не представилось возможным.

Установлено было лишь из допросов свиде-

телей — родственников Алексеева, что в ночь с 1 на 2 сентября он с Моисеевым ночевал не в общей комнате, а взяв матрац, ушел с Моисеевым ночевать на чердак, где этот матрац и остался до третьего осмотра чердака, произведенного в связи с этим обстоятельством, угрозыском.

При таком положении дело по обвинению Алексеева по ч. 3 ст. 167 УК было направлено в спецколлегию областного суда.

В судебном заседании Алексеев, не признавая себя виновным в убийстве Моисеева, по-прежнему сводил свою роль в этом деле к недоносительству, максимум — к сокрытию следов преступления, подтверждая настойчиво свои объяснения о «Хирурге» и «Владимире».

Суд приговорил Алексеева к расстрелу.

Однако тени «Хирурга» и «Владимира» продолжали витать над этим делом.

В приговоре было указано, что «вынос трупа убитого из дома, а также сдача его в камеру хранения была произведена при помощи неустановленных следствием лиц».

О трех неизвестных, доставивших сундук, показывал и кладовщик Жидков, почему-то не вызванный в суд.

Кто эти люди? Существовали ли они вообще?

Президиум Верховного суда РСФСР отменил этот приговор и направил дело к дальнейшему расследованию, предложив передать дальнейшее опитному следователю.

И вот дело вступило в новую фазу расследования или, вернее говоря, нового, исчерпывающего расследования.

Тщательно изучив и проанализировав все материалы дела, старший следователь т. Ручкин пришел к выводу, что дальнейшее расследование надо вести по линии выяснения следующих обстоятельств:

1. Установить, не осталось ли еще в чердачном помещении после трехкратного осмотра его сотрудниками угрозыска каких-либо следов, могущих пролить свет на обстоятельства убийства Моисеева.

2. Установить, куда делись не оказавшиеся при трупе пиджак, брюки и ботинки Моисеева.

3. Установить, где и при каких обстоятельствах был приобретен убийцей сундук.

4. Тщательно сопоставить все объяснения, данные обвиняемым по делу в разное время, проанализировав все его противоречия.

Поставленная перед следователем задача была не из легких, но разрешил он ее очень успешно.

Передпросив ряд жильцов, пользовавшихся чердаком, следователь установил, что за несколько дней до первого осмотра чердачного помещения сотрудниками угрозыска одна из проживающих в этом доме нашла на чердаке паспорт на имя неизвестной гражданки, который она передала соседу, а тот отнес в милицию.

Выяснилось, что этот паспорт принадлежал некоей гражданке Рудый, которая и получила его обратно из милиции. Разыскали Рудый, она оказалась в тюрьме, осужденная за кражу. Рудый заявила, что паспорт вместе с чемяданчиком и деньгами был у нее открыто похищен неизвестным на канале Грибоедова, после того как он уплатил ей деньги (Рудый занималась проституцией).

При предъявлении Рудый фотографии Алек-

сева она в нем опознала этого «неизвестного».

В поисках вещей Моисеева — пиджака, брюк и ботинок следователь съездил на Вяземский рынок, где Алексеев 2 сентября продавал баян Моисеева, и осмотрел регистрационную книгу (регистрация граждан, продающих вещи с рук). Записи от 2 сентября о продаже баяна в книге не оказалось, зато на этой же странице от 2 сентября оказалась следующая запись: «Алексеев Василий., прож. по ул. Герцена, д. № 17, кв. 8, старые вещи».

Автор записи расшифровал, что под термином «старые вещи» он обычно записывал несколько предметов одежды и обуви, не особенно сильно поношенных.

Осмотрев сундук, находившийся уже в музее угрозыска, следователь обратил внимание на имевшийся внутри на крышке сундука синий штамп «Чулковская кузнечно-меховая артель Горьковского края». Затем, используя фотографические снимки сундука и обойдя ряд магазинов, торгующих этими вещами, следователь нашел такие же сундуки в магазине № 208 горвнуторга на Сенной площади.

Зав. магазином охотно пояснил, что из таинственного знака МО/38--60 он может расшифровать только меловую надпись — 38—60. Это цена сундука (38 р. 60 к.). А что означает остальная часть знака, написанная карандашом, ему — неизвестно. Но для следователя и этого оказалось достаточно: он знал теперь, где, когда и за какую цену был приобретен этот сундук.

Собирая эти улики и приберегая их на день окончательного допроса обвиняемого, следователь тем временем терпеливо и добросовестно записывал все объяснения Алексеева, которые тот давал.

Особенно тщательно следователь фиксировал в допросах сообщаемые Алексеевым приметы «Хирурга» и «Владимира».

Обвиняемый сразу же сообразил, почему следователь несколько раз допрашивал его об одном и том же, но когда понял, было уже поздно...

В описании примет «приятелей» Алексеев настолько в конце концов запутался, что отказался вообще давать следователю показания.

Тогда следователь перешел в наступление и использовал все добытые им улики. Он предъявил обвиняемому потерпевшую Рудий, он рассказал Алексееву, где, когда и за сколько он покупал сундук, где и когда он продал вещи Моисеева.

Следователь, правда, еще не знал, кто же помогал обвиняемому свести сундук на вокзал и сдать его в камеру, но здесь ему помог уже сам обвиняемый.

Припертый к стене неоспоримо вескими доказательствами Алексеев вынужден был сказать: «Пшите, я буду говорить правду».

Вот эта правда:

«Хирурга» и «Владимира» вообще не существует. Убил Моисеева Алексеев один. С вечера 1 сентября привел его на чердак ночевать, напоил и убил. 2 сентября оставил труп на чердаке, вышел на улицу, купил на Сенной площади сундук, там же на углу нанял тележника-старика (№ тележки 829) и привез сундук к себе на двор. Оставив во дворе те-

лежника, поднялся с сундуком наверх, положил труп в сундук, а затем позвал снизу тележника. Вместе снесли тяжелый сундук вниз, поставили на тележку. Ничего не подозревавший старик повез сундук, а Алексеев поехал на трамвае к вокзалу. У вокзала нанял носильщика в подмогу сторожу и труп был сдан в камеру хранения. Одежду и баян Алексеев продал в тот же день на рынке.

Эти показания были проверены следователем.

Предъявитель номера на тележку № 829, немедленно разысканный следователем, подтвердил объяснения обвиняемого в этой части.

Остальное стало уже не интересно... Дело можно было кончить

Дело направляется в суд по обвинению Алексеева по ч. 2 ст. 167 УК.

Следователь полагает, что на этот раз оно к доследованию уже не вернется.

Если только... суд не предложит следователю разгадать так и неразгаданные им остальные знаки таинственной формулы на сун-

38—60
тэжке: МО 5579

Кравцов

На подъеме

«Качественно полноценное проведение следования является решающим условием правильной судебной политики и высокого качества работы суда» — под этим лозунгом прокуратура ДВК стала бороться за повышение качества следствия, за повышение технического и политического уровня следователей края. Создание методических бюро, дача следователям практических указаний способствовали тому, что следователь стал расти, обогащая свои знания новыми методами ведения следствия. Положительными нужно считать мероприятия, проводимые методическими бюро Уссурийской областной прокуратуры в части проведения кустовых конференций следователей, на которых прорабатывались вопросы техники следствия. Докладчиками по вопросам, поставленным на конференции, являлись сами следователи; это заставляло их углубленно прорабатывать вопросы, черпая материалы из имеющейся литературы.

Технический и политический уровень следователя повысили месячные курсы следователей, организованные при краевой прокуратуре. Особым мероприятием по обмену опытом работы явились радиопереключки, проводимые прокурором ДВК т. Черным, охватывающие самые отдаленные уголки края. Много мне дала конференция следователей, проведенная Прокуратурой Союза ССР.

Не имея специального юридического образования, но пройдя систему мероприятий по повышению квалификации, я на практической работе добился некоторых успехов: улучшилось качество следствия, по ряду дел много применялись научные методы следствия. Бухгалтерская экспертиза, судебно-медицинская экспертиза, фотографирование, составление схематических планов мест происшествия — все это в совокупности помогло суду быстро и правильно рассматривать дела. Изжито возвращение дел на доследование. Майские де-

ла, как хорошо оформленные, прорабатывались на совещании следователей в областной прокуратуре.

Добиваясь хорошего качества фотографирования, я освоил вертикальную фотосъемку, которая дает исключительные результаты по фотографированию места происшествия, следов, трупа и т. п. При горизонтальной фотосъемке предметы на фотоластинке запечатлевались в ракурсе; при вертикальной съемке этот недостаток устраняется, но для вертикальной фотосъемки требуется специальный штатив, которого я не встречал в продаже. Задавшись целью приспособить имеющийся трехножный штатив, я произвел его реконструкцию, и в результате сделанного добавочного приспособления этот штатив можно использовать при любой фотосъемке как вертикальной, так и горизонтальной.

Положительной стороной своей работы я считаю хорошо налаженную связь с печатью: все проходившие характерные дела освещались мною в печати.

Хочу привести в заключение обстоятельства одного раскрытого мною преступления.

Тихо протекала жизнь корейского поселка Вишневка, расположенного в тайге, далеко от районного центра, но это спокойствие нарушило необычайное для поселка происшествие. В ночь с 7 на 8 сентября в поселке было совершено убийство и ограбление корейской гражданки Ли-эсан. Получив сообщение об этом, я верхом на лошади (иначе туда доехать нельзя было) выехал в поселок. По прибытии было установлено, что в ночь с 7 на 8 сентября к корейскому гражданину Ханшен-дину явилось трое неизвестных корейцев, которые под видом уполномоченных сельпо по хлебозакупке попросились переночевать. Хозяин, не подозревая плохого, пустил пришедших к себе в дом, а сам в полночь выехал в город, оставив дома 68-летнюю жену и двух соседских детей. Как только уехал хозяин, находящиеся трое неизвестных немедленно встали; один из них, вооружившись ружьем, вышел на улицу, двое (у одного из которых был нож) зашли на кухню и стали требовать от хозяйки выдачи денег и золота. Требуя деньги, они начали душить женщину и затем повесили ее под потолок на балке. Перепуганные дети были связаны веревкой. Перерыв весь дом и забрав более ценные вещи, убийцы скрылись в неизвестном направлении.

Ведение следствия представлялось весьма трудным, так как факт произошел в корейском поселке, преступники были корейцы, и опросы пришлось производить только через переводчика, что усложняло ведение следствия. Не было ни малейших нитей, которые тянулись бы к преступникам. Произведенным опросом одного из граждан в убийстве и грабеже был заподозрен некто Цой-ей-ман, нигде не работавший долгое время. Самого подозреваемого в селе не было; он был найден в корейском поселке и привезен в районный центр. Он сначала категорически отрицал участие в совершенном убийстве, но потом сказал, что он предполагает, кто мог совершить убийство, что этот человек ранее проживал в г. Владивостоке под фамилией Сон. Получив такие сведения, без замедления, 16 сентября я выехал во Владивосток, взяв с собою и подозреваемого.

Розыск Сона осложнился тем, что я хорошо не знал частей города, но все же 16 сентября в 11 часу ночи, после тщательных розысков, была установлена квартира Сона. Предполагая, что Сон может не оказаться дома, я, чтобы себя не расконспирировать как следователя, под видом проверки переписи, стал производить проверку паспортов и, когда паспорт Сона попал ко мне в руки, Сон был арестован. Немедленно был сделан обыск, но он положительных результатов не дал. Будучи допрошенным, Сон признался в убийстве и ограблении корейской гражданки и показал, что один из участников убийства (Ким-чан-сун) выбыл из Владивостока, а другой (Ким-сан-чен) должен, по его мнению, находиться на Спасском цементном заводе. Оставив в милиции данные для розыска Ким-чан-суна, я выехал в Спасск, куда прибыл 19 сентября в 3 часа утра, и направился на цементный завод, где мной был найден в поселке Ким-сан-чен, который сперва отрицал участие в убийстве, но потом полностью сознался.

Через несколько дней в г. Владивостоке по моим указаниям уголовным розыском был арестован Ким-чан-сун, возвратившийся во Владивосток. Таким образом вся группа была арестована. Цой-ей-ман, как было установлено следствием, являлся наводчиком. Эти лица в продолжение длительного периода времени систематически совершали ограбления. Раскрытию преступления способствовали оперативность и личный активный розыск преступников.

Напористость в работе, уметь отстаивать свою точку зрения, уметь доказать свою правоту — вот качества, которыми должен обладать следователь. При этих условиях мы будем на высоте своего положения.

Еще много трудностей в нашей работе, но учеба, осуществление сталинского лозунга об овладении большевизмом — залог того, что в кратчайший срок все недостатки в работе будут выправлены.

М. Тибенко

Стать юристами

На совещании при прокуратуре УССР А. Я. Вышинский заявил:

«Мы должны стать настоящими, советскими юристами, должны превратить следователей и прокуроров в знатоков советских законов и советского права»¹.

Это заявление относится не только к прокурорам и судебным работникам. Оно полностью относится и к советской адвокатуре.

В составе коллегии защитников имеется немало «юристов» в кавычках, о которых писал в «Известиях» М. Дубровский: «недоучившиеся экономисты, неудавшиеся бухгалтера., уволенные из суда и прокуратуры за неграмотность... для которых коллегии защитников оказались последним пристанищем»².

Но и юристы по образованию порою забывали о том, что они юристы, старались забыть об этом и немного стыдились называть себя юристами.

Основная масса кассационных жалоб, составляемых в юрколлективах, носит определенно

¹ «Соц. законность» 1936 г., 11, стр. 8.

² «Известия» 30 декабря 1936 г.

не-юридический характер. Господствующий в них стиль:

«народный суд признал подсудимого виновным, между тем, свидетель такой-то показал то-то»...

Это — чистая апелляция жалоба, нередко впадающая в обывательский тон и наивный сентиментализм (соц. происхождение и семейное положение).

Часто ли в кассационных жалобах встречаются ссылки на статьи закона? Также редко ссылаемся мы на статьи и в устных наших ходатайствах перед судом. Кое-где это считается еще и по сей час признаком дурного тона, вызывая некоторое раздражение.

Между тем, статья — это условный сигнал, применяемый в юридической речи, напоминающий о целом комплексе юридических идей. Ссылка на статью напоминает о законности. Как часто суд отказывает защите в ходатайствах по «ясности дела», по «достаточности наличных доказательств» и т. п. Между тем, ссылка защитника на ст. ст. 272, 253 и 254 УПК напоминает суду, что он должен выслушать заключение противной стороны, что отказ должен быть мотивирован, что единственный законный мотив к отказу — признание данных обстоятельств не имеющими отношения (значения) к делу, а такой отказ вполне поддается кассационной проверке.

Ссылка на статьи означает знание законов. Как часто у нас ссылаются на «дух советского закона», на «директивы партии и правительства», на «неоднократные указания Наркомюста и Верховного суда», не зная подлинного закона, подлинного разъяснения Верховсуда.

Стоит прочитать наши кассационные жалобы, послушать судебные выступления, чтобы убедиться, что у нас отсутствует единая, четкая, точная и выдержанная юридическая терминология. Мы не совсем отвыкли от архаического дореволюционного канцелярского стиля, мы часто переходим на обывательский язык, мы не выработали своего четкого, ясного, советского юридического языка — необходимого условия юридической мысли.

Часто ли в кассационных коллегиях защита поднимает спорные юридические вопросы? В отдельных судах подобные попытки обычно встречаются противодействие: на аншлаге — 70 дел, по «неписанному регламенту» защитнику «неприлично» говорит свыше 5—10 минут, и его уже перебивают: «ваши выводы?» Где уж тут до юридических вопросов!

— Гражданин защитник, не читайте лекции, суд знает законы...

И вот т. Вышинский пишет: «В нашей среде редко вспыхивают споры по какому-либо юридическому вопросу. Почему? Потому что в юридических вопросах мы мало квалифицированы, у нас кое-кто даже забывает, что существует УПК. Очень редко услышишь ссылку на УПК или УК¹».

Даже в правовых наших журналах не часто появляются статьи по догматическим вопросам, посвященные толкованию законов, обсуждению спорных вопросов права, разработке отдельных институтов процесса. Это свидетельствует о том, что у нас еще очень слаб вкус к работе юридической мысли, интерес к углубленной разработке юридических вопро-

сов. Наша судебная практика еще не создала достаточного спроса в этой области.

Такое положение более немислимо. Великая сталинская Конституция исключительно высоко поставила советский закон. Идея социалистической законности красной нитью проходит через всю Конституцию. Судьи, подчиняющиеся только закону (ст. 112), должны стать «знатоками советских законов и советского права» (Вышинский).

Статья настоящими юристами. Это слово «настоящими» имеет глубокий смысл. И среди судебных работников, и среди адвокатуры у нас распространен взгляд, что юрист это тот, кто знает законы, вернее — их ходовые статьи, кто сдал «юрминимум». Забывают, что юрминимум только первая ступень.

Опасность этого взгляда — в его грубом практицизме. Представители этого взгляда в кассационных коллегиях обрывают защитника:

— Вы нам теории не развивайте...

Они забывают сталинскую идею о неразрывной связи теории с практикой. Советский юрист должен не только знать закон, но и понимать его: его историю, его классовое значение, его внутренний смысл, его связь со всем советским правом, его отличие от буржуазного закона. Настоящий советский юрист должен знать сов. право не только практически, но и теоретически. Теоретическое же изучение советского права предполагает критическое изучение и буржуазного права в его прошлом и настоящем. В этом смысле очень полезны обзоры «Социалистической законности» по праву капиталистических стран.

Коллегии защитников кое-что делают в смысле подготовки и переподготовки кадров, лекций, курсов и т. п. В порядке самокритики надо сказать, что в значительной части это — дело показное, «отчетное», а не реальное. Мы судим по опыту Ленинградской коллегии.

Профиль советского юриста должен быть широким, включая в себе широкое юридическое образование, которое может дать только юридический вуз. Наряду с политическими дисциплинами (учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина), наряду с чисто юридическими науками, сюда входят такие вспомогательные для юриста дисциплины, как судебная психопатология и медицина, психология, криминалистика, бухгалтерия и т. д.

В отличие от специалистов — техников, врачей и т. п., следователь (как и вообще советский юрист) по самому характеру своей деятельности не может быть узким специалистом. Сталкиваясь с самыми разнообразными явлениями жизни, то с медициной, то с строительством, то с техникой, он должен уметь ориентироваться во всех областях науки и жизни. Для этого требуется — «общее образование, общая культура». Только «широко образованный человек» сумеет правильно подойти к экспертам из разных областей науки. Пойдем еще дальше. Общее образование включает в себя и известный минимум литературного образования. Это необходимо и для овладения психологией.

Таковы, нам представляется, требования, необходимые для выработки настоящего юриста.

¹ «Соц. законность» 1936 г., № 11, стр. 9.

Но в формуле А. Я. Вышинского есть еще третье требование: «стать настоящими, советскими юристами». Об этом третьем требовании — «советскими» — мы, советские адвокаты, не должны забывать ни на минуту. Ибо здесь таится опасность скатиться на чуждые рельсы.

Отличие советского юриста от юриста буржуазного вытекает из отличия советского права от права буржуазного.

Советское право это — социалистическое право, служащее интересам социалистического строительства, это — воля советского государства, воли миллионов трудящихся масс.

Буржуазное право служит интересам эксплуататорского меньшинства, оно охраняет капитализм и частную капиталистическую собственность против масс. Отсюда — его консервативный, реакционный характер.

Советское право — прогрессивное, революционное, творческое. Оно глядит не назад, в прошлое, а вперед, в светлое будущее.

Буржуазное право преследует одну цель — подавить (насилом и обманом) сопротивление масс. Советское право осуществляет огромные культурные задачи, оно будит самостоятельность масс, оно воспитывает¹.

Советский юрист — носитель этого революционно-прогрессивного, творческого, культурного советского права. В этом его коренное отличие от буржуазных юристов.

Из этого вытекает и другое отличие. Буржуазный юрист — это узкий, сухой законник, буквоед-догматик. Ибо фетишизм буквы закона — это средство для подавления и усиления масс.

Советский юрист чужд этого узкого догматизма. Марксистская диалектика, политическое образование, наряду с образованием общим, помогают ему широко понимать закон, правильно сочетая теорию с практикой.

Советский защитник не может рассматривать себя, подобно буржуазным адвокатам, как представителя и слугу личности, противопоставляемой государству. В нашем социалистическом государстве интересы личности и общества не противоречат, а гармонически согласованы между собою.

Защищая в суде подсудимого, советский адвокат делает это как представитель того же советского государства, что и прокурор, по заданию государства, ни на минуту не забывая при этом об интересах советского государства и социалистического строительства.

Советское государство, охраняя права и интересы личности, возлагает на советскую адвокатуру защиту этих прав на суде. И гуманитарные идеалы советского государства обязывают советского юриста ни на минуту не забывать за законом о живом человеке, самом ценном капитале в нашей стране.

И тут мы опять противопоставляем себя буржуазному правосознанию с его лозунгом: *Fiat justitia, pereat mundus*².

Лозунг «стать настоящими, советскими юристами» чрезвычайно плодотворен. Мы пытались набросать несколько мыслей, применяя

¹ См. А. Я. Вышинский, *Рев. законность на современном этапе*, М., 1933 г.

² Пусть свершится правосудие, хотя бы погиб мир.

этот лозунг к советской адвокатуры. Эта тема требует широкого обсуждения и разработки.

М. Равич

Советская защита на новых путях¹

Ст. 111 Конституции СССР, гарантирующая обвиняемому право на защиту, означает новый этап в развитии советской защиты. Значение защиты этим неизмеримо повышается. Это обязывает коллегии защитников провести ряд мероприятий, которые обеспечили бы полноценную судебную защиту, квалифицированную и добросовестную юридическую помощь населению.

Первое мероприятие, которое представляет собой совершенно необходимым, состоит в улучшении кадров защитников.

Существующие кадры коллегий защитников в значительной своей части неудовлетворительны. Среди защитников немало бывших людей, немало людей неразвитых, политически безграмотных и т. д. Об этом уже не раз сообщалось в печати, и с фактами подобного рода мы сталкиваемся повседневно.

Чего, например, стоит заявление защитника, адресованное в бюро своего коллектива и содержащее в себе такие перлы:

«С момента переезда на работу — 1 апреля 1936 г. не отходит от меня, равно и моей семьей болезнь (малярия), лечивший от указанной болезни местный врач в процессе его наблюдения установил, что такой инцидент на здоровье, может только высказаться неподходящими климатическими условиями, применение к которым природы здоровья поддается туго.

Вследствие чего и, исходя из указанных выше причин, которые, безусловно занимают место уважительности, я и возбудил ходатайство о переводе меня в... район, тем более в данный момент, как известно свободный, и как окруженный лесами (бор), где безусловно, климатические условия могут быть применительно лучше...»

Такое положение явилось результатом многих причин. Требования, предъявляемые действующим положением о судостроительстве к вступающим в состав коллегии защитников, незначительны, но практически и они соблюдались лишь формально. Коллективы, нуждавшиеся в защитниках для заполнения пустующих районов, принимали практикантом каждого желающего, не считаясь или почти не считаясь с тем, имеются ли какие-либо основания предполагать, что в дальнейшем из кандидата выработается способный, знающий защитник. Само практикантство также протекало обычно самотеком и в подавляющем большинстве случаев заключалось в формальной обязанности пробыть известный срок в звании практиканта с тем, чтобы потом почти механически получить звание члена коллегии защитников. При нормальной постановке дела практикантство должно быть связано, конечно, с серьезным, систематическим изучением теории в соединении с повседневной практической подготовкой и последующим

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

серьезным же испытанием знаний практиканта. На деле вся подготовка ограничивалась ежедневной работой в консультациях, писанием заявлений и выступлением в судах, а испытание превращалось в чистейшую формальность, так как комиссии легко пропускали явно неподготовленных практикантов.

Вполне понятно, что результаты были печальными и множество членов коллегии защитников представляют собой плохих практиков без малейшей теоретической подготовки.

Новые задачи, стоящие теперь перед защитой, со всей силой требуют создания полноценных, культурных, знающих и способных с честью осуществлять свое дело кадров защитников, иначе защита долго еще не завоеует того уважения, которое по праву принадлежит ей, как важнейшему звену советской судебной системы.

Опасность прогнивания в ряды защиты некультурных, неразвитых, ленивых, неспособных, подхалимствующих, а порой и антисоветски настроенных людей очень велика, культивирована всеми прошлыми привычками коллегии защитников и поэтому не может недооцениваться.

Некоторые товарищи видят спасение от всех бед в том, чтобы разрешить работу в коллегии защитников только лицам с высшим юридическим образованием. Подобное разрешение проблемы представляется нам неправильным и неприемлемым, линией наименьшего сопротивления. Конечно, отчисление неудовлетворяющих формальным требованиям — самый простой и легкий путь, но в то же время путь неблагодарный, связанный с огромной потерей кадров. Неизмеримо труднее воспитать существующие кадры, поднять их на более высокий уровень, но именно здесь лежит, по нашему мнению, решение задачи.

Личные качества человека имеют в работе защитника особенно большое значение, и высшее образование поэтому весьма желательно, но не решает еще вопроса о возможности зачисления товарища в коллегию, как не решает его и не должно служить препятствием для зачисления отсутствие высшего образования.

Кроме того, отчисление из состава коллегий защитников лиц, не имеющих высшего образования, практически невозможно. Нам известны сведения о составе на 1 января 1936 г. двух коллегий защитников — Челябинской и Омской. В первой из общего числа 44 защитников высшее образование имеют лишь 5, среднее — 9. Во второй из 70 членов коллегии защитников высшее образование имеют 16, среднее — 20.

Нетрудно убедиться, что в случае отчисления из состава коллегии лиц, не имеющих высшего образования, обе эти коллегии превратились бы в пустое место. Защитниками, и то в недостаточной мере, были бы обеспечены только областные центры, а районы, заполненные которых кадрами связано с особенными трудностями, оголились бы совершенно.

Не зная состава других коллегий, мы полагаем, однако, что положение их таково же или немногим лучше, за исключением таких крупных центров, как Москва, Ленинград, Киев и др.

Нам думается, что решение вопроса должно пойти по другому пути. Прежде всего это ка-

сается практикантов. Прием их необходимо производить только после тщательного ознакомления с личностью кандидата, раз навсегда отказавшись от зачисления лиц, непригодность которых очевидна. Помимо этого мы считали бы целесообразным установить для каждого кандидата непродолжительный испытательный стаж, например, месячный, по истечении которого коллектив должен перевести кандидата в разряд практикантов или отказать ему в приеме. Надо увеличить срок практики, доводя его до 2—3 лет.

Обеспечив практиканту прикрепление к квалифицированному защитнику, обязанному обучать практиканта, руководитель должен заботиться не только о юридическом образовании практиканта, но и об общем его развитии.

Испытание на звание члена коллегии защитников необходимо превратить из пустой формальности, каковым оно было подчас до настоящего времени, в серьезный экзамен. Практикант должен помнить, что только большой запас знаний даст ему право на звание члена коллегии защитников.

Что касается лиц, уже состоящих к данному моменту членами коллегии защитников, то и в отношении их необходим ряд мероприятий, обеспечивающих повышение их квалификации.

На первом плане должно стоять, конечно, заочное высшее юридическое образование. Там, где это возможно, должно практиковаться обучение на краткосрочных юридических курсах и в правовых школах. Защитники, не имеющие высшего образования и не проходящие его заочно, должны сдать юрминимум, что проделано еще не везде.

Таков круг минимальных мероприятий для повышения квалификации защитников. Мы думаем, что членами коллегии защитников могут быть не только лица с высшим юридическим образованием, но и лица, не имеющие его. Вместе с тем основной задачей защиты становится улучшение и воспитание своих кадров.

Второй вопрос, который мы хотели бы поставить на обсуждение, касается оплаты труда защитников.

При сравнении действующих в различных коллегиях такс бросается в глаза пестрота их построения.

Мы думаем, что такое положение ненормально. Такса должна быть единой для всех коллегий защитников на территории СССР, с учетом особенностей отдельных краев и областей.

Кроме того, мы высказываемся за изменение одного из принципов построения таксы. Действующие ныне таксы предусматривают максимальный размер вознаграждения. Независимо от затраченного на проведение дела труда и лишь в исключительных случаях допускают превышения максимального размера, при условии доведения об этом до сведения президиума коллегии. Теоретически такое построение предполагает, что максимальное вознаграждение будет назначаться только там, где требуется затрата количества труда и энергии.

Практически же это получается не так, поскольку, с одной стороны, максимальная оплата назначается зачастую независимо от сложности и длительности дела, с другой, по делам действительно сложным и длительным

защитники, за ничтожными исключениями, не используют права на повышение оплаты, дабы избежать той сложной и неприятной процедуры, которая установлена на этот счет. В результате в одних случаях недостаточно обоснованное высокое вознаграждение, в других — по процессам, требующим серьезной, длительной и сложной работы, — оплата, совершенно не оправдывающая своей незначительностью того большого труда, который имел место.

Было бы значительно правильнее установить оплату труда защитников по количеству затраченных на проведение дела трудовых. так как именно этот признак определяет обычно и сложность дела и длительность и напряженность предварительной подготовки, не говоря уже о том, что он является прямым отражением труда, потраченного на участие в судебном заседании.

Наконец, мы полагаем, что новая такса должна строиться из расчета увеличения заработка защитника. Наша основная задача в настоящий момент сводится к улучшению качества работы.

Но это улучшение возможно только при условии, если защитник получит возможность больше работать над собой и над порученным ему делом.

Практически и в этом отношении дело обстоит зачастую не так, как хотелось бы, особенно в таких пунктах, где имеется один или небольшое количество защитников.

Здесь защитник должен принять на себя всю работу по ведению дел по назначению суда, всю работу в консультациях и значительную, подчас, общественную работу, а для того, чтобы обеспечить себе заработок, защитник загружает себя платными поручениями, стремясь принять их возможно больше в целях увеличения заработка.

Результат получается обычно безрадостный — недостаточное знание дела, калтурное и непродуманное выступление, неряшливая, бессодержательная жалоба и т. д., а у добросовестного, отдающего делу не за страх, а за совесть защитника, принимающего на себя лишь такое количество поручений, которое он в состоянии внимательно проработать, — низкий заработок, создающий стремление уйти на другую, лучше обеспечивающую его работу.

Работа защитника нервная, напряженная, но интересная и почетная. Судебная речь не укладывается в пределы сухого юридического резюме и зачастую представляет собой и должна представлять в известной мере художественное произведение. Содержание и оформление не исключают, а дополняют друг друга. Речь, насыщенная аргументами и интересная по своему оформлению, доходчива, убедительна, значительно облегчает работу суда.

Продуманная, последовательно и логично составленная жалоба может служить подчас исходным пунктом для кассационной и надзорной работы. Но для того, чтобы такое качество работы защитников было повседневным и привычным, а не единичным явлением, как это наблюдается теперь, нужно создать соответствующие условия. В этом направлении сделано очень много, но многое еще предстоит сделать среди тех мероприятий, которые необходимы; не главное, конечно, но и не последнее

место занимает вопрос об улучшении материального положения защитников.

Размеры журнальной статьи не позволяют затронуть другие вопросы, касающиеся работы защитников, вследствие чего мы останавливаемся на приведенных выше двух, как наименее освещенных в печати.

Б. Тиховский

О советской адвокатуре

Под таким заголовком в «Соц. законности» за 1936 г. помещены две статьи: в № 10 — т. А. С. Тагера, в № 12 — т. Е. Львова. Между обоими этими авторами произошла дискуссия, главным образом, по вопросу об организационном построении и «подведомственности» советской адвокатуры, роль которой в судебном аппарате, в связи с введением новой Конституции, чрезвычайно повышается. В высказываниях обоих авторов имеются спорные моменты, решение по которым подскажет в дальнейшем сама жизнь. Исключение составляет вопрос о том, кому должна быть подчинена адвокатура. Этот вопрос может и должен быть решен уже сейчас, а по моему мнению, как это видно будет из дальнейшего изложения, он должен считаться уже решенным.

Тов. Тагер предлагает подчинить местные советы адвокатов исполкомам местных советов. Тов. Львов предлагает подчинить их местным судам. На мой же взгляд, оба неправы.

Тов. Тагер назвал адвокатуру в своей статье третьим звеном советской судебной системы. Тов. Львов, со своей стороны, цитируя эти слова т. Тагера в кавычках, против данного определения не возражает, этим самым соглашаясь с ним полностью. Но тогда позволено спросить сразу обоих авторов: почему вы находите возможным и необходимым это третье звено судебной системы подчинить одному из остальных двух звеньев этой системы (судам) или органу, хотя и наиболее авторитетному, но стоящему вне этой системы (советам). Не находит же никто возможным подчинить, скажем, прокуратуру суду или, наоборот, не находит же никто возможным подчинить прокуратуру и суд советам. Как известно, суд и прокуратура, как это теперь твердо записано в Конституции, независимы ни от какого влияния местных органов власти. Друг другу, как известно, они тоже не подчинены. Почему же адвокатура должна быть зависимой от суда или совета, подчиненной им. Она тоже должна быть независимой.

Это, конечно, отнюдь не значит, что адвокатура не должна быть административно подчинена какому бы то ни было органу. Она должна иметь подчинение по своей, наркомостовской, линии.

По сути дела, тт. Тагер и Львов, если можно так выразиться, расчленили существующее ныне положение, предлагая вместо наличествующего сейчас двоевластия установить власть одного органа. В настоящее время коллегии защитников подчинены в тесном смысле этого слова суду, но советы также имеют власть над ними в виде права отвода и пр. И вот т. Тагер проектирует снять подчинение суду и оставить подчинение совету, а т. Львов, на-

оборот, — снять подчинение совету и оставить подчинение суду. Но рассуждать так можно было бы до новой Конституции. Теперь же ситуация совершенно изменилась. Мы имеем по новому положению о Наркомюсте СССР специальный отдел в составе этого Наркомюста, ведающий делом защиты. Само собой напрашивается мнение, что этому, и только этому отделу и должна быть подчинена теперь советская адвокатура.

Наркомюст — вот кому «подведомственна» адвокатура на новом этапе. Иначе зачем организован в его составе отдел защиты?

Давно уже назрел вопрос о такой форме организации советской адвокатуры, когда она будет составным элементом определенного ведомства, а не каким-то отщепенцем, не имеющим пристанища и находящимся в множественном подчинении различным органам. И вот теперь, когда этот вопрос решен, наконец, в самом разумном смысле, когда советская адвокатура нашла свое ведомство и узаконенное «начальство», находятся изобретатели разных других подчинений. Кому это нужно? Решительно никому.

Этот вопрос решен и жизнью и законом, и обсуждение его должно быть снято с порядка дня.

А. Либерман

О протоколах судебных заседаний

В журнале «Социалистическая законность» № 6, июнь 1936 г., в статье «Такую практику надо прекратить» т. И. М. и в том же журнале № 11 г. Гринштейн, в статье «Еще о протоколах», критикуют военные трибуналы в части ведения протоколов судебных следствий и подготовительных заседаний. Как тот, так и другой с пеной у рта доказывают, что печатание протоколов на машинке есть нарушение какого-то закона. Я согласен с тем, что нарушение закона должно пресекаться в корне, тем более в судах. Но печатание протоколов не есть нарушение закона. Оба автора ссылаются на ст. 80 УПК. Такая статья в УПК есть, но в ней не сказано, как должны писаться протоколы, т. е. чернилами ли, карандашом ли, или их можно писать на машинке. Ст. 81 говорит, что протокол должен быть готов и подписан в течение трех дней после заслушания дела, но нигде в УПК не указано, что протокол должен быть готов к концу судебного заседания, как это предлагают авторы. И в этих же статьях указано, что стороны могут делать замечания на протокол после его подписания. Гринштейн и И. М. утверждают, что трибуналы не руководствуются протоколами в совещательной комнате якобы по той причине, что некоторые секретари делают только заметки в судебном заседании, а некоторые и этого не делают, надеясь на свою «хорошую память».

Это — клевета на секретарский состав трибуналов.

Я в трибуналах работаю несколько лет и такого вывода о работе секретарей, какой делают И. М. и Гринштейн, не сделал, ибо этого не видел и не слышал. К тому же не

по каждому делу нужен протокол в совещательной комнате. Если есть председательствующий, которому нужен протокол по каждому делу, то у этого человека нет памяти, а раз так, то он не может и не должен работать в суде. Как бы ни был квалифицирован секретарь, если он будет начисто составлять протоколы в судебном заседании, никогда он полностью не схватит всех основных вопросов, которые проходят на судебном заседании; если же он пишет для того, чтобы перепечатать, то он значительно полнее напишет протокол, ибо ему не обязательно каждое слово записывать полностью, а он может записать сокращенно и восполнить при перепечатывании. Я лично считаю, что печатание протоколов себя целиком оправдало и в дальнейшем это нужно оставить и даже ввести в народных судах, где есть пишущие машинки.

К такому выводу я прихожу на основе того, что протоколы зачастую секретарями фиксируются в судебном заседании неточно и председательствующий вносит ряд поправок, а вносить поправки в протокол, написанный от руки, чтобы этот протокол имел культурный вид, невозможно.

Однако от народных судей и председательствующих нужно потребовать, чтобы протоколы оформлялись не позже трех суток, т. е. в срок, как это предусмотрено УПК, и чтобы стороны могли ознакомиться с ними и делать на них свои замечания.

Лукьянович

О языке судопроизводства

Согласно ст. 110 Конституции Союза ССР «судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области, с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке».

Таким образом судопроизводственным языком в ССР Грузии является язык грузинский. в Аджарской АССР — также грузинский, в Абхазской АССР — абхазский, а в автономной области Юго-Осетии — осетинский.

Для народностей, населяющих ССР Грузии, вопрос о языке судопроизводства приобретает особенное значение в тех районах, где языком большинства населения не является язык грузинский. Таковы, например, районы бывшего Борчалинского уезда, где большинство населения говорит на тюркском языке, Ахалкалакский район, с преобладающим армянским населением, Цалкинский район, с преобладающим греческим населением и др. Между прочим необходимо отметить, что еще в конце 1929 г. ЦИК и СНК ССР Грузии установили языком судопроизводства мингрельский язык в тех судебных районах, где население в большинстве своем пользуется, как родным языком, мингрельским и не владеет грузинским языком. Это касается районов бывшего Зугдидского уезда.

В интересах общедоступности судебного процесса было бы целесообразно допустить ведение судопроизводства в национальных районах на языке большинства населения данного

района, как это предložил т. Еремеев («Правда» от 27 июня 1936 г. № 175).

Текст Конституции СССР содержит прямые указания на возможность учета специфических особенностей каждой республики. Хотя по ст. 15 суверенитет союзных республик ограничен в пределах, указанных в ст. 14, а следовательно, в области законодательства о судопроизводстве, но согласно ст. 16 каждая союзная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР. Согласно ст. 60 Верховный совет союзной республики принимает Конституцию республики и вносит в нее изменения в соответствии со ст. 16 Конституции СССР.

Судопроизводство на грузинском языке в районах бывшего Борчалинского уезда повлекло бы за собой необходимость сплошного перевода показаний свидетелей и подсудимых с тюркского языка на грузинский, в результа-

те чего утратилось бы одно из основных требований процесса — непосредственность. Наиболее рациональным было бы допустить в указанных районах судопроизводство на тюркском языке, что, конечно, предполагает создание специальных судебных национальных кадров, не только на местах, но и в центре — в Прокуратуре и в Верховном суде ССР Грузии. Тов. Лихтман («Правда» от 9 июля 1936 г. № 187) идет далее указанных предложений: он находит, что в районах, где то или иное национальное меньшинство составляет значительный процент к общему населению, необходимо организовать также суды с судопроизводством на языке данного национального меньшинства.

Желательно, чтобы указанные особенности были приняты во внимание при составлении проекта Конституции ССР Грузии.

К. Плетников

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Два случая нарушения ст. 112 Конституции СССР

3 декабря 1936 г. на ст. Бухарево Октябрьской ж. д. потерпел крушение поезд № 711, повлекшее за собой перерыв в движении в течение 12 часов и убытки свыше 70 000 руб. Комиссией, производившей служебное расследование, было установлено, что причиной крушения является лопнувший под поездом рельс, имевший старую трещину около 3 метров.

Кроме того комиссия установила отсутствие соответствующего наблюдения за состоянием пути на 11 дистанции.

Решением дорожной комиссии и специальным приказом начальника Октябрьской ж. д. от 5 декабря № 489 были наложены дисциплинарные взыскания на ряд работников этой дистанции, в частности бригадир Диранов был смещен в ремонтные рабочие. Кроме того ПЧ-11 было предложено произвести тщательный осмотр рельсов на главном пути, во исполнение чего дорожный мастер Степанов, обнаружив при проверке пути 4 декабря 4-негодных рельсы на 156 км, предложил бригадиру Диранову выехать на перегон и сменить эти рельсы.

Диранов 5 декабря, приступая к смене рельсов на 156 км, не оградив места работы сигналами, в результате чего следовавший по перегону резервный паровоз № 5287 наскочил на замененный, но не укрепленный еще рельс, который под тяжестью паровоза окантовался на бок скатами паровоза и ударил в конец следующего рельса, который был согнут и разбит. Крушения не было только потому, что паровоз этот следовал без вагонов.

Дорожный мастер Степанов (не предупредивший дежурного по станции о смене рель-

сов на перегоне) и бригадир Диранов были привлечены к уголовной ответственности, и оконченное следственное дело 13 декабря было передано в суд.

Линейный суд Октябрьской ж. д. 13 декабря, рассмотрев это дело в подготовительном заседании под председательством т. Беззубова, вынес следующее определение:

«Принимая во внимание, что в деле не имеется приказа начальника дороги о предании суду, что, по сообщению секретаря начальника дороги, на виновных приказом начальника дороги наложено дисциплинарное взыскание без предания суду, на основании изложенного дело возвратить прокурору для согласования вопроса о предании суду с главным транспортным прокурором и НКПС».

Вынося такое определение, линейный суд допустил грубейшее извращение основного закона Союза ССР — сталинской Конституции, статья 112 которой гласит: «Судьи независимы и подчиняются только закону».

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала определение линейного суда.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: принимая во внимание, что ст. 238 УПК точно определяет основной вопрос, который должен рассматриваться на подготовительном заседании суда, что по вопросу о работе подготовительных заседаний даны исчерпывающие указания пленума Верховного суда Союза ССР. Между тем, в прямое нарушение закона и указаний пленума Верховного суда, суд по делу Диранова уклонился от рассмотрения дела по существу и вынес определение, которое устанавливает особый порядок предания суду, УПК не предусматривает. Имеются указания о целесообразности иметь в делах, связанных с крушениями и авариями, заключение начальника дороги

или его заместителя как лиц административно-технически компетентных в оценке действий виновников крушения или аварии, но отсюда вовсе не вытекает, что отсутствие заключения начальника дороги или наложение начальником дороги на виновников дисциплинарного взыскания дает право не рассматривать представленное прокуратурой дело по существу и выносить определения, аналогичные тем, какие вынесены по делу Диранова и Романова, поэтому определение от 13 декабря 1936 г. отменить и дело вернуть в линейный суд на вторичное рассмотрение в подготовительном заседании.

*
*
*

8 декабря 1936 г. на ст. Новинка машинист Романов Н. Д., следуя со сборным поездом № 1193, проехал указательный столбик на 160 м и выехал на главный путь, за входную стрелку. При осаживании состава обратно Романов допустил резкое нажатие, в результате чего 3 вагона свалились на бок.

Произведенным следствием было установлено, что Романов перед поездкой не проверил действия автотормозов, которые у некоторых вагонов оказались выключенными. Сам Романов признал, что действия автотормозов он не проверил. Романов ранее имел ряд дисциплинарных взысканий за обрывы поездов и другие нарушения правил технической эксплуатации.

По окончании следствия дело по обвинению Романова было передано в линейный суд Октябрьской ж. д. для рассмотрения. В деле имеется акт служебного расследования с постановлением комиссии о передаче материалов следственным органам для привлечения Романова к уголовной ответственности.

Линейный суд Октябрьской ж. д. 13 декабря 1936 г., рассмотрев это дело в подготовительном заседании под председательством т. Беззубова, вынес совершенно исключительное по своей политической неграмотности определение. Определение это гласит: «Принимая во внимание, что в деле не имеется приказа начальника дороги о предании суду, что, по сообщению секретаря начальника дороги, на виновных приказом начальника дороги наложено дисциплинарное взыскание без предания суду,—на основании изложенного дело возвратить прокурору для согласования вопроса о предании суду с главным транспортным прокурором и НКПС».

Прокуратура Союза опротестовала это определение подготовительного заседания линейного суда.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: ввиду того, что суд неправильно уклонился от рассмотрения на подготовительном заседании дела Романова по существу, что суд вынес по делу неправильное определение, которым устанавливает порядок предания суду, Уголовно-процессуальным кодексом не предусмотренный, что только в том случае, когда суд считал бы, что нет оснований для привлечения Романова к уголовной ответственности, а необходимо ограничиться дисциплинарным взысканием, суд, после обсуждения дела по существу, вправе был вынести соответствующее определение. Опре-

деление суда от 13 декабря 1936 г. отменить и дело передать на вторичное рассмотрение подготовительного заседания.

Неправильное направление дела к доследованию

Определением суда Верхневолжского бассейна от 5 декабря 1936 г. дело по обвинению Кашина Николая Павловича по ч. 1 ст. 116 УК было возвращено из судебного заседания в прокуратуру для доследования только потому, что Кашин на суде заявил о том, что при проверке документов по пароходу «Якубов» он якобы не присутствовал и что числящихся за ним 150 яиц он не получил, а также для установления фамилии официантки, удостоверяющей присвоение Кашиным в 1935 г. по пароходу «Пахомов» 13 цыплят.

В судебном заседании, после оглашения обвинительного заключения, Кашин полностью признал себя виновным и заявил, что никаких документов, опровергающих приписываемую ему недостачу, он не имеет, что документы по пароходу «Пахомов» были проверены в его присутствии. В отношении недостачи по пароходу «Якубов» Кашин указал, что он там работал всего 4 дня, что документов по этому пароходу он не смотрел, доверив бухгалтеру-контролеру, и подписал составленный акт, в правильности которого сейчас сомневается, так как по этому пароходу за ним значится недостача 150 яиц, которых за свою 4-дневную работу он вообще не получил.

Приемка продуктов на пароходе «Якубов» производилась Кашиным в присутствии рабочего контроля и по весу. Сдачу продуктов после 4 дней работы Кашин производил также в присутствии рабочего контроля и по весу. Акт о сдаче продуктов приобщен к делу, правильность этого акта Кашин подтвердил.

В этом акте значится, что Кашин передал новому заведующему производством 68 штук яиц. Если верно, что Кашин вообще не получил яиц, то каким образом при сдаче продуктов появились эти 68 яиц? По акту выверки от 10 июня 1936 г. за Кашиным числится не 150 яиц, как он утверждал на суде, а только 110.

Таким образом из материалов дела усматриваются голословность и необоснованность заявления обвиняемого.

В свете этого совершенно очевидна необоснованность заявлений Кашина о том, что он якобы не присутствовал при перепроверке документов по пароходу «Якубов», произведенной 20 ноября 1936 г., так как на суде он признал, что акт он подписал лично, содержание акта ему было прочитано, и он с ним согласился, наименование недостающего сырья ему известно, но якобы сам он документов не просматривал, поверив на совесть контролеру. На допросе у старшего следователя по этому поводу Кашин указывал буквально следующее: «Сумму недостачи я признал, выдал обязательство на уплату всей недостачи. Признаю ее и теперь, никаких документов у меня больше нет. Все документы, которые у меня были, учтены при проверке 27 октября и 20 ноября. Никакой проверки, новой я не тре-

блю, это будет без толку, так как у меня нет документов, оправдывающих недостачу. В накладных расписывался я и подтверждаю получение товаров и продуктов и против правильности проверки не возражаю».

Отвечая на вопрос прокурора, Кашин объяснил, что поток пассажиров на пароходе «Якубов» был небольшой, что «талончики на отпущенные кушания из кухни я первоначально подсчитывал сам для того, чтобы знать, сколько же и каких кушаний (блю) отпущено, а потом уже передал их контролеру-бухгалтеру, причем его подсчет талонов на отпущенные блюда вполне соответствовал моему подсчету и никаких недоразумений на этой почве у меня с контролером не было».

На судебном следствии Кашин подтвердил, что показания им были даны совершенно добровольно и что в правильности выверки по пароходу «Якубов» он сомневается лишь в части записи ему в недостачу 150 яиц.

При таком положении вещей у суда не было оснований обращать дело к доследованию. Можно было истребовать наряд у треста «Водресторан» с подлинными документами для обозрения. Подлинные накладные на яйца, находившиеся в бухгалтерском наряде, на суде в присутствии управляющего трестом Сецена, защитника обвиняемого Соколова были прокурором предъявлены Кашину, который признал, что подписи на накладных — его.

Требование суда о розыске официантки, видевшей кур, взятых Кашиным на пароходе «Пахомов» в 1935 г., в то время когда свидетель Краковский на допросе прямо заявил, что ни имени, ни фамилии этой официантки он не помнит, что на пароходе было несколько официанток и какая из них говорила ему об этом, он не помнит; при осведомленности суда о том, что набор официанток на пароходы производится в разных местах и учета их в отделе кадров не ведется, узнать ее имя, отчество и фамилию, как равным образом и местожительство, нельзя, тем более, что не только она, а все работники этого ресторана были уволены в 1935 г., на службе в тресте не состоят и на учете не значатся, — еще раз подчеркивает формальное отношение суда к рассмотрению дела и неправильность возвращения его к доследованию, тем более, что эпизод с курами не имеет решающего значения для дела, а является второстепенным.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала определение суда.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила отменить определение суда и дело возвратить в суд для рассмотрения по существу.

Грубые нарушения процессуальных норм

Приговором Керкенского окружного суда от 13—15 апреля 1936 г. бывший начальник строительной конторы горсовета, инженер Бекиш Владимир Антонович, был осужден по ч. 2 ст. 104, ст. 170 и ч. 2 ст. 141 УК к 4 годам лишения свободы со взятием с него 7195 р. 76 к. в пользу строительной конторы.

Определением УКК Верховного суда от 11 мая 1936 г. приговор этот был утвержден, за исключением удовлетворения гражданского иска, с предложением окружному суду рассмотреть этот вопрос вторично с учетом представленных обвиняемым в судебное заседание денежных оправдательных документов.

Прокуратура Союза опротестовала приговор окружного суда и определение УКК Верховного суда по следующим основаниям:

Обвинение Бекиша по ст. 104 УК в должностных злоупотреблениях слагается из нескольких инкриминируемых ему судом фактов: задержки зарплаты рабочим строительства в результате расходования фондов зарплаты не по назначению и корыстного присвоения 7195 р. 76 к. средств строительной конторы.

Если самый факт существования задолженности по зарплате можно считать доказанным, то причины этого явления ни на предварительном расследовании, ни на суде в должной мере не были выяснены.

Обвиняя Бекиша в расходовании фондов зарплаты не по назначению, суд исходил из расчета, сделанного старшим следователем Архиповым в обвинительном заключении, в котором указано, что из отпущенных Госбанком на зарплату 94 055 р. 13 к. строительная контора израсходовала на зарплату только 58 584 р. 31 к., на выдачу авансов в счет зарплаты 24 032 р. 19 к. (т. е. по существу также на зарплату) и на прочие хозяйственные расходы 11 438 р. 64 к.

Между тем, если бы суд проверил этот расчет, включенный следователем в состав обвинительного заключения на основании справки, данной бухгалтером Копыловым (увольненным обвиняемым Бекишевым за развал работы и систематическое пьянство), и сопоставил бы данные этой справки с официальной справкой, данной Госбанком о суммах, выплаченных им строительной конторе на выдачу зарплаты, то он обнаружил бы существенное расхождение между этими двумя документами и убедился бы в неправильности выводов обвинительного заключения.

Из справки бухгалтера Копылова видно, что строительная контора получила из Госбанка за время с 1 октября 1934 г. по 31 января 1935 г. 89 820 р. 13 к., в то время как Госбанк удостоверяет, что за этот же период на зарплату им выдано всего 80 928 р. 57 к., т. е. на 8 791 р. 56 к. меньше. Эта разница, очевидно, получилась потому, что кроме средств на выплату зарплаты банк выдавал деньги и на другие надобности. Совершенно очевидно, что указанная разница не может быть причислена к фонду зарплаты и что при рассмотрении вопроса о неправильном расходовании фондов зарплаты необходимо исходить из цифры, указанной Госбанком, т. е. из 80 928 р. 57 коп. При этих условиях сумма денег, истраченная Бекишем из фонда зарплаты на хозяйственные и прочие расходы, снижается до 2546 руб. 08 коп., и вывод суда о том, что причиной задолженности по зарплате являлось разбазаривание фондов зарплаты на хозяйственные расходы, оказывается неперенным, ибо позаймствование этой незначительной суммы не могло сколько-нибудь существенным образом повлиять на образование указанной задолженности.

Тот факт, что все средства, отпущенные на зарплату банком после 1 октября 1934 г., почти целиком, за исключением лишь 2546 р., пошли на выплату зарплаты рабочим, а в то же время, по выводам следственной комиссии, задолженность строительной конторы рабочим и служащим составляет на 16 ноября 1934 г. 29 075 руб., допускает несколько возможных объяснений, а именно: либо эта задолженность в своей основной массе образовалась еще за прежние время до октября 1934 г., как утверждал обвиняемый Бекиш, ссылавшийся на то, что он получил ее по наследству от своего предшественника; либо строительная контора наняла рабочих в количестве, превышающем плановые контингенты, или оплачивала их труд по повышенным против установленных расценок, почему и образовался разрыв между банковским финансированием и обязательствами строительной конторы перед своими рабочими; либо же в действительности указанная сумма задолженности являлась бухгалтерской фикцией и результатом неправильной системы расчетов с рабочими (частично выдававшейся по ведомостям как зарплата, а частично проходившей под видом авансов в счет зарплаты), какая упорно поддерживалась бухгалтером Копыловым в целях личного обогащения за счет обчитывания рабочих (за что суд постановил привлечь его к уголовной ответственности).

Следствию надлежало выяснить этот вопрос путем бухгалтерской экспертизы. Так как этого сделано не было, то вопрос о характере и происхождении задолженности, а следовательно, и о степени и пределах ответственности за ее образование обвиняемого Бекиша остался неразрешенным.

Еще хуже был расследован основной вопрос о корыстных злоупотреблениях, приписываемых Бекишу. По акту следственной комиссии за ним значится 5564 руб., по выводам обвинительного заключения — 4050 руб., наконец, по заключению судебной экспертизы и по приговору суда эта цифра повышается до 7195 руб. Но и эта последняя цифра, как вполне правильно отмечает в своем кассационном определении Верховный суд, является сомнительной. Прежде всего обращает на себя внимание самый метод образования «экспертной» комиссии, выведшей эту последнюю цифру, и ее состав. Вместо того, чтобы пригласить компетентных бухгалтеров со стороны, окружной суд выносит постановление о создании экспертной комиссии в составе члена судебной тройки Лукьянова и двух допрошенных по этому делу свидетелей — Яковлева и Трубочева, причем оба эти свидетеля — первый как инициатор возбуждения дела, а второй как бухгалтер той же строительной конторы — являлись лицами, заинтересованными в исходе дела. О незаконности возложения обязанностей эксперта на судью, вопреки прямому запрещению закона, говорить не приходится.

Эта порочная по своему составу «экспертная» дала и порочные по содержанию выводы, тенденциозно подойдя к оценке данного ей на исследование документного материала. Так, например, экспертиза инкриминирует Бекишу в качестве растраты 2235 р. 39 к. по акту от 28 сентября 1934 г. на том основании, что бухгалтер Копылов потерял оправдательные документы на эту сумму, о чем сама же экс-

пертная комиссия пишет в особом акте, и несмотря на то, что один из членов этой комиссии — Яковлев — в свое время видел и проверял эти документы и признал эту сумму подлежащей списанию со счета задолженности Бекиша. Второй пример: в «растрату» обвиняемому включается 1885 руб. подъемного пособия, законно причитавшегося ему на основании ст. 82 КЗоТ. Далее, ему проставляется ряд сумм, полученных одновременно (500 руб., 370 руб., 100 руб., 350 руб.) и зачисляемых в «растрату» на том основании, что эти суммы были им получены «на что неизвестно», хотя, казалось бы, чего бы было проще спросить об этом самого обвиняемого, который, согласно определению суда, должен был присутствовать при производстве экспертизы, но который привлечен к ней почему-то не был.

Если к этому добавить еще отмеченный в кассационном определении Верховного суда факт оставления экспертами без всякого обоснования представленных Бекишем оправдательных документов на 2691 руб., то станет совершенно ясно, что подобного рода «бухгалтерская экспертиза» ни в какой мере не способна была облегчить задачу суда, а напротив, ввела суд в заблуждение и способствовала произвольным и необоснованным выводам о «растрате».

При таких условиях, учитывая, что вопрос о наличии в действиях Бекиша корыстных моментов являлся основным и решающим при определении наказания, УКК Верховного суда, установившая недоброкачественность «экспертизы», выводы которой были положены в основание признания Бекиша виновным в корыстных злоупотреблениях, должна была бы отменить приговор окружного суда и направить дело к доследованию. Вместо этого она ограничилась лишь снятием гражданского иска как необоснованного.

Второе обвинение — по ч. 2 ст. 170 и ч. 2 ст. 141 УК — в причинении телесного повреждения и оскорблении действием основано на случае с рабочим-националом Абдуллаевым. Достаточно прочесть показания самого потерпевшего, чтобы убедиться, что инкриминируемые Бекишу в связи с этим инцидентом действия не дают никаких оснований для квалификации их по ч. 2 ст. 170 УК. Вот как сам Абдуллаев описывает это происшествие: «5 февраля 1935 г. я обратился к Бекишу за зарплатой. В это время он был в кабинете. Ответив мне, что денег нет, меня толкнул, я тогда схватил его за грудь; в этот момент, отрывая мои руки от груди, он, Бекиш, вывихнул большой палец...» Очевидица этого происшествия свидетельница Евсева описывает его по-иному: «Тов. Абдуллаев приходит к т. Бекишу и стал просить деньги, т. Бекиш ответил, что денег нет, тогда т. Абдуллаев перегнулся через стол, схватил за палец т. Бекиша и стал трясти; во время того, как Бекиш отнимал руки от груди, нечаянно вывихнул большой палец...».

При наличии столь существенного противоречия между показаниями потерпевшего и свидетельницы, суду надлежало, во-первых, произвести между ними очную ставку, а во-вторых, допросить по тому же поводу других свидетелей-очевидцев (например, свидетелей Ковецкого и Волкова), допрошенных судом, но по другим обстоятельствам дела. Суд этого

почему-то не сделал, и приговор в этой части, построенный на показании заинтересованного лица, без надлежащей проверки, нельзя считать достаточно обоснованным.

При этих условиях приговор окружного суда в целом и утвердившее его кассационное определение УКК Верховного суда не могут быть оставлены в силе, и дело должно быть передано на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования, с обязательным производством бухгалтерской экспертизы по вопросу о характере, происхождении и размерах задолженности по зарплате по вине Бекиша и о размерах и характере его личной задолженности и с уточнением обстоятельств, при которых было причинено телесное повреждение Абдуллаеву.

Президиум Верховного суда ТАССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор окружного суда и определение УКК Верховного суда отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования через Прокуратуру Республики для производства новой бухгалтерской экспертизы по вопросу о размерах задолженности по зарплате по вине обвиняемого Бекиша, размера присвоенных им сумм, а также уточнения обстоятельств, при которых было причинено телесное повреждение Абдуллаеву.

Суровое осуждение, не оправданное обстоятельствами дела

Приговором выездной сессии Верховного суда БССР мастер Ленинградского корбюраторного завода Козлов Петр Федорович был признан виновным в даче взятки и осужден по ст. 208-б к 8 годам лишения свободы.

По делу было установлено, что, желая скрыть от заводских организаций свое кулацкое происхождение, Козлов уговорил и. о. районного прокурора, б. народного следователя Целебринского (осужденного по этому же делу), выдать ему ложную справку о социальном происхождении, за что «отблагодарил» следователя двумя почтовыми посылками с папиросами ценой 80 руб.

Квалификация деяния Козлова по ст. 208 УК (дача взятки) правильна, однако действия его должны были квалифицироваться не по п. «б», а по п. «а» этой статьи, ввиду отсутствия квалифицирующих признаков, предусмотренных пунктом «б».

При выборе наказания Козлову суд упустил из виду ряд существенных моментов, говорящих в его пользу.

По окончании профшколы и службы в Красной армии, в 1929 г. Козлов поступил в Ленинграде слесарем на карбюраторный завод, где проработал вплоть до момента его разоблачения и ареста, то есть до января 1935 г. На производстве он выдвинулся, овладел техникой и стал мастером сверловочной группы. Из приложений к делу приказов по заводу и номеров заводской многотиражки за 1933—1935 гг. видно, что Козлов не только показал себя передовым ударником на производстве, за что неоднократно премировался и отмечался в заводской газете, но и дал заводу ценное изобретение, сконструировав станок, осво-

бождающий завод от необходимости импортировать соответствующие заграничные станки.

За несколько дней до ареста в приказе начальника ГУТАП Наркомтяжпрома Союза ССР была особо отмечена плодотворная работа Козлова.

Все эти факты указывают, что Козлов, несмотря на свое кулацкое прошлое, стал активным участником социалистической стройки и имел полное основание рассчитывать на восстановление в избирательных правах. Он смелодушествовал и, вместо того, чтобы идти к этому прямым и открытым путем, избрал путь обмана и взяточничества, за что и должен нести ответственность.

Но совершенно очевидно, что при указанных выше обстоятельствах применение к Козлову длительной изоляции совершенно не вызывается необходимостью.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор выездной сессии Верховного суда БССР.

Президиум Верховного суда БССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил преступление Козлова переквалифицировать на п. «а» ст. 208 УК и определить ему меру наказания в 1 г. 6 м. лишения свободы и с зачетом отбытого им срока из-под стражи освободить.

Неправильное осуждение шофера за несчастный случай, происшедший в результате грубой небрежности пострадавшего

Народный суд г. Москвы по делам местного транспорта по ст. 139 УК РСФСР приговорил к 1 г. 6 мес. лишения свободы Малахова Николая Георгиевича, шофера 2-й автобазы Метростроя.

Приговор этот был утвержден КК Московского городского суда, президиумом Московского городского суда, судебной коллегией Верховного суда РСФСР и президиумом Верховного суда РСФСР.

По приговору суда вина Малахова заключается в том, что, управляя 25 мая 1935 г. автогрузовой машиной, Малахов, проезжая Площадь восстания, сделал поворот вправо со скоростью 5—6 км, видя, что на расстоянии трех метров стоит гражданин Добрякова. Малахов, вплотную следуя к тротуару, не принял мер предосторожности и сшиб гр. Добрякову правым бортом, причинив ей тяжкие телесные повреждения.

Как видно из материалов дела, машина, которой управлял Малахов, шла со скоростью 5—6 км в час, то есть медленно. Поворачивая за угол, шофер дал сигнал. Суд признал, что Малахов не давал сигнала, однако для такого вывода нет оснований, так как единственная допрошенная по делу свидетельница Илюхина заявила на суде, что «не знает, был ли сигнал».

Ехать вплотную к тротуару шофер вынужден был, так как улица очень узкая. После того как ему крикнули, что машиной сбит человек, Малахов немедленно остановил машину и начал оказывать помощь пострадавшей.

Таким образом непонятно, в чем же выразилась преступная халатность Малахова? Добрякова попала под машину вследствие допущенной ею грубой неосторожности. Стояла Добрякова, как это установлено показанием свидетельницы Илюхиной, у самого тротуара, а не на тротуаре и не отошла на тротуар даже тогда, когда машина с ней поровнялась. Сбита она была задним бортом, и шофер, проехав стоявших у тротуара людей, не мог видеть, что делается сзади.

Малахов не проявил преступной неосторожности и не должен нести уголовной ответственности.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор суда и все утвердившие этот приговор определения.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила переqualифицировать действия Малахова на ч. 2 ст. 112 УК РСФСР и определенную ему меру наказания снизить до одного месяца и-т. работ по месту работы, с удержанием, из заработка 10%; исключить из приговора воспрещение Малахову работать в качестве шофера в течение одного года шести месяцев.

Неправильное заочное рассмотрение дела

Заочным приговором народного суда 1-го участка Наровчатовского района г. Зубков Федор Иванович был признан виновным в спекуляции луком и по ст. 107 УК осужден к 10 годам лишения свободы.

Кассационная жалоба Зубкова, в которой он ссылался на нарушение судом ст. 265 УПК, так как из постоянного своего местожительства в с. Раменском никуда не выезжал и в суд не явился лишь потому, что повестки о дне слушания дела не получал, была судебно-кассационной коллегией Средневолжского краевого суда оставлена без последствий.

В своем определении КК указала, что ссылка осужденного Зубкова на ст. 265 УПК не заслуживает доверия, так как подсудимый скрылся от суда.

Прокуратура Союза ССР, считая, что как приговор народного суда, так и кассационное определение не могут быть оставлены в силе ввиду нарушения ст. 265 УПК, опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям:

Суд заслушал дело заочно, в отсутствие обвиняемого и вызванных в судебное заседание свидетелей.

Таким образом никакой судебной проверки собранных на дознании против Зубкова материалов произведено не было.

В деле нет обратных экземпляров повесток, посланных как Зубкову, так и свидетелям по его делу. Из протокола судебного заседания от 24 марта 1934 г. устанавливается, что повестки были посланы за несколько дней до судебного заседания, но не видно, чтобы они были своевременно вручены вызываемым (перед протоколом судебного заседания подшиты расписки лиц, вызванных в судебное заседание народного суда на 23 марта 1934 г. по другому делу).

При таких условиях суд не вправе был слушать дело в отсутствие обвиняемого и свидетелей и, вынося заочный приговор, допустил тем самым существенное нарушение ст. 265 УПК.

Отсутствие в материалах дела расписок Зубкова и свидетелей по его делу не давало кассационной инстанции возможности проверить правильность ссылки кассатора на нарушение судом ст. 265 УПК, и поэтому вывод кассационной коллегии Средневолжского краевого суда о том, что Зубков скрылся от суда и что суд вправе был вынести заочный приговор, является совершенно произвольным, не основанным на находящихся в деле материалах.

Президиум Куйбышевского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда и определение СКК отменить и дело направить в народный суд на новое рассмотрение со стадией судебного следствия.

Неправильное применение ст. 107 УК

5 мая 1935 г. народный суд Кольчугинского района Ивановской области приговорил по ст. 107 УК к 5 годам лишения свободы Костикова Филиппа Максимовича.

Кассационная коллегия областного суда приговор народного суда утвердила.

По протесту областного прокурора дело Костикова рассматривалось президиумом областного суда, который не нашел оснований к отмене или изменению приговора.

Суд признал Костикова виновным в том, что он систематически занимался спекуляцией мясом и промтоварами и в частности зарезал одну корову и трех телят и мясо их перепродал. Факт занятия Костикова спекуляцией, по мнению суда, устанавливается также и тем, что у Костикова при обыске были обнаружены 4 кило махорки, 10 кило семечек и 16 кило селедок.

Прокуратура СССР, считая, что виновность осужденного Костикова по ст. 107 УК не доказана, опротестовала приговор по следующим основаниям:

Обвинение Костикова в спекуляции основано исключительно на показаниях свидетеля Андрюшечкина. На предварительном следствии Андрюшечкин дал показания не против осужденного Филиппа Костикова, а главным образом против его отца Максима Костикова. В своих показаниях Андрюшечкин отметил, что спекуляцией занимаются Максим Костиков, его сыновья Филипп и Никанор и его зять Поляков.

Из показаний свидетеля Андрюшечкина на суде невозможно установить, кто же именно из Костиковых занимался спекуляцией (зарезал корову и трех телят и свез для продажи в Москву).

Никакими другими данными дела показания свидетеля Андрюшечкина не подтверждаются.

Из показаний Филиппа Костикова, а также Костикова Максима и других видно, что Костиков Филипп действительно продал на базаре принадлежащую ему корову, а телянок был куплен и зарезан семьей Костиковых на свадьбу.

Что же касается обвинения Костикова в спекуляции промтоварами, то в деле отсутствуют какие-либо конкретные материалы, изобличающие его в совершении этого преступления.

Обнаружение в доме Костиковых незначительного количества махорки, семечек и сельдей не дает оснований для признания Костикова виновным по ст. 107 УК. Кроме того, по делу вообще с достаточной точностью не установлено, кому именно из Костиковых принадлежали обнаруженные у них в доме махорка, семечки и сельдь. В деле в частности имеются показания свидетелей о том, что семечки привозила мать Костикова.

Из показаний свидетеля Шилова, соседа Костиковых, видно, что он не замечал никого из Костиковых, в том числе и осужденного Филиппа Костикова, в занятии спекуляцией.

При наличии указанного выше обвинительного материала против Филиппа Костикова следует признать, что достаточных данных для осуждения его по ст. 107 в распоряжении суда не имелось.

На предварительном следствии осужденный Костиков признал, что он несколько раз действительно продавал семечки, но делал это по поручению некоего гр. Перекрестенко.

Так как перепродажа Костиковым семечек не носила систематического характера, Костиков ранее не судился и в момент осуждения занимался общественно-полезным трудом, действия Костикова не могли быть квалифицированы по ст. 107 УК.

Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила переквалифицировать деяние Костикова на ст. 105 УК и меру наказания ему установить в один год и.т. работ на общих основаниях без применения конфискации.

Неправильное осуждение за сокрытие социального происхождения

Приговором народного суда Могилевского района от 4 марта 1936 г., утвержденным 11 марта 1936 г. УКК Верховного суда, Крамаренко Павел Митрофанович был осужден по п. «б» ст. 250 УК к 2 годам лишения свободы за сокрытие своего социального происхождения при поступлении на работу на железнодорожный транспорт.

Прокуратура Союза, считая квалификацию действий обвиняемого, а в связи с этим и избранную ему судом меру наказания необоснованной, опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям:

Суд признал установленным, что, заполняя анкету при поступлении в ноябре 1935 г. на должность весовщика ст. Могилев, Крамаренко указал, что его родители не лишались избирательных прав и не подвергались раскулачиванию, в то время как в действительности они являлись кулаками и лишенцами.

Этот вывод суда основан на соответствующей справке сельсовета. В опровержение этой справки Крамаренко представил другую, ранее выданную справку того же сельсовета, удостоверяющую трудовой характер его хозяйства.

Кроме того, Крамаренко неоднократно возбуждал ходатайства о затребовании соответствующих данных от районных организаций, утверждая, во-первых, что хозяйство его отца никогда в индивидуальном порядке не облагалось и не подвергалось раскулачиванию, а, во-вторых, что хотя его родители и лишались в 1927 г. избирательных прав, однако через год были восстановлены; в период коллективизации его отец был принят в колхоз, где в течение нескольких лет, до 1932 г., состоял членом колхоза, выйдя оттуда добровольно; в 1933 г. оба родителя умерли. В момент заполнения анкеты, таким образом, родители его лишенцами не были. Поэтому, подписывая без оговорок печатный текст анкеты о том, что «родители не раскулачены и избирательных прав не лишены», обвиняемый Крамаренко, по его утверждению, ни в чем не разошелся с действительностью. Сам обвиняемый является трудящимся, никогда избирательных прав не лишался, до поступления на железную дорогу работал на заводе, а еще ранее на транспорте.

При этих условиях у суда не было никаких оснований расценивать действия обвиняемого как мошенничество.

Президиум Верховного суда БССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда и определение КК Верховного суда отменить и на основании ч. 2 ст. 202 УПК дело в уголовном порядке прекратить.

Неправильное осуждение за прошлое, покрытое давностью

Приговором народного суда Лисичанского района от 8 января 1936 г., утвержденным 25 января 1936 г. Донецким областным судом, Архангельский Николай Андреевич был признан виновным в том, что по ликвидации банды Антонова, с целью скрыть свое прошлое, он изготовил себе подложный вид на жительство на имя Залесского Н. П., по которому и жил вплоть до последнего времени, получив в 1933 г. паспорт на фамилию Залесского.

Суд квалифицировал его действия по ч. 1 ст. 68 УК УССР и приговорил его к 4 годам лишения свободы с поражением прав на 3 года. С 4 декабря 1935 г. Архангельский находится под стражей.

Определением УСК Верховного суда УССР от 23 июля 1936 г. действия обвиняемого были переквалифицированы на ч. 2 ст. 68 УК со снижением срока лишения свободы до 2 лет.

Прокуратура Союза, считая, что определение УСК Верховного суда является неправильным, опротестовала его по следующим мотивам:

Для применения к Архангельскому ч. 2 ст. 68 УК не было оснований, поскольку его ответственность за фабрикацию документа погашена давностью и Архангельскому можно было бы формально вменить в вину только использование в 1933 г. заведомо неправильного документа для получения паспорта, предусмотренное ч. 3 ст. 68 УК УССР. Однако вообще судить Архангельского за эти действия не было надобности, и постановление органа НКВД, прекратившего это дело после про-

верки личности обвиняемого, было безусловно правильным. Хотя Архангельский и вел в свое время активную борьбу против советской власти как правый эсер, однако уже с 1919 г. вплоть до конца 1935 г. он честно работал в советских учреждениях и организациях и стал за это время советским человеком. Об этом свидетельствует как его работа за истекшие 15 лет, так и факт его саморазоблачения в 1933 г. (письмо к т. Ярославскому и заявление в НКВД).

Президиум Верховного суда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда, определение Донецкого областного суда и кассационной коллегии Верховного суда УССР отменить и дело в уголовном порядке на основании ст. 5 УПК прекратить.

Необоснованное осуждение

Против кассира артели «Геркулес» в г. Керчи Бернштейна было возбуждено уголовное преследование по ст. 116 УК.

В судебном заседании Бернштейн предъявил акт ревизии, по которому наличие растраты не подтверждалось. Вызванный в качестве свидетеля по делу Бернштейна б. бухгалтер артели «Геркулес» Чурина-Граченко В. А. заявил суду, что ревизия проведена поверхностно и что необходимо назначить бухгалтерскую проверку.

Народный суд назначил бухгалтерскую экспертизу, которая также пришла к выводу, что растраты нет. Суд, установив, что в действиях Бернштейна имеется халатность и квалифицируя его деяние по ч. 2 ст. 112 УК, дело прекратил на основании ст. 6 УК. Одновременно с этим народный суд, признав, что по вине Чурина было неосновательно возбуждено уголовное дело против Бернштейна, что это вызвало ненужную затрату средств артели, возбудил против Чурина уголовное преследование по ст. 111 УК.

Приговором народного суда 1-го участка г. Керчи Чурина-Граченко В. А. был признан виновным в неправильном возбуждении уголовного преследования против Бернштейна, в незаконном получении из артели некоторых сумм — за составление отчета, участие в экспертизе и в качестве командировочных — всего около 800 руб. и в халатном отношении к служебным обязанностям, повлекшим за собою неправильное расходование средств артели, каковыми действиями Чурина-Граченко артели «Геркулес» были причинены убытки в размере 3292 руб.

Квалифицируя деяние Чурина-Граченко по ст. 111 УК, народный суд приговорил его к 1 году и-т. работ и ко взысканию в пользу артели 3292 руб.

КК Главного суда Крыма приговор народного суда оставила в силе.

Президиум главного суда, переквалифицировав деяние Чурина по ст. 109 УК, оставил приговор в остальной части без изменения. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, отменив постановление президиума как противоречащее ст. 419-а УПК, а приговор в части гражданского иска как необоснованный, направил дело в этой части для рассмотрения в гражданском порядке.

25 июня 1935 г. народный суд 2-го участка г. Керчи взыскал с Чурина 3292 руб. Решение народного суда кассационной коллегией главного суда было отменено с предложением произвести экспертизу для точного установления размера убытков, причиненных Чуриным. Эксперты, произведя документальную проверку, пришли к выводу, что требования истца к Чурина неосновательны, так как за отчет, участие в экспертизе и командировочные Чурина получил законно, а остальная часть из 3292 руб. израсходована неправильно не по вине Чурина, а по вине других работников артели. На этом основании гражданский истец отказался от иска, и суд дело прекратил.

Прокуратура Союза ССР, считая и приговор народного суда в отношении Чурина неправильным, опротестовала его по следующим основаниям:

Возложение на Чурина ответственности за возбуждение уголовного дела против Бернштейна совершенно неосновательно, так как последний был привлечен к ответственности по инициативе правления артели. Кроме того, хотя обвинение Бернштейна в растрате и не подтвердилось, однако в его действиях все же имелись признаки уголовного деяния, квалифицированные судом по ч. 2 ст. 112 УК, и дело о нем было прекращено не за отсутствием состава преступления, а по ст. 6 УПК.

Остальные вмененные в вину Чурина деяния — незаконное получение из артели сумм и неправильное израсходование средств артели — при рассмотрении гражданского иска не подтвердились.

Рассмотрев протест Прокуратуры Союза, президиум Верховного суда РСФСР постановил отменить как приговор народного суда 1-го участка г. Керчи от 11 мая 1934 г., так и последующие определения кассационной коллегии и Главного суда Крыма и судебной коллегии Верховного суда РСФСР по настоящему делу и дело в отношении Чурина-Граченко за отсутствием в его действиях состава преступления производством прекратить.

По союзным республикам

РСФСР

Как прокуратура Азово-Черноморского края выполняет решение КСК об улучшении работы по жалобам

22—26 мая 1936 г. состоялся III пленум КСК, который обязал всех руководителей советских и хозяйственных организаций принять решительные меры к улучшению работы по рассмотрению жалоб трудящихся. К моменту опубликования указанного решения КСК в прокуратуре, как и в других организациях Азово-Черноморского края, положение с рассмотрением жалоб было крайне неблагоприятное. Жалобы находились на рассмотрении довольно длительные сроки, а отдельные из них попадали в редких случаях, прием посетителей как районными и городскими прокурорами, а также и в аппарате краевой прокуратуры организован был плохо. Прокуроров, выделенных специально для приема посетителей, не было, благодаря чему жалобщик вынужден был часами бродить по многочисленным кабинетам, разыскивая нужного ему прокурора.

Таково было отношение к жалобам и посетителям, и совершенно справедливо и своевременно краевая газета «Молот» подвергла жесточайшей критике работу краевой прокуратуры по жалобам. Прокуратура Азово-Черноморского края приняла немедленные и решительные меры к выполнению решения КСК и указаний печати. После опубликования решения КСК краевой прокуратурой была проделана следующая работа: обследованы 31 райпрокуратуры и их работа по жалобам, кроме того, одновременно было проведено 12 камерных совещаний при краевой прокуратуре, на которых были заслушаны доклады о работе по жалобам 41 районных и городских прокуроров.

За указанный период времени вызвано в краевую прокуратуру 32 районных и городских прокуроров с докладом специально по отдельным жалобам, которые приняли волокитный характер.

На периферию был спущен ряд директив по вопросу организации работы по жалобам. В аппарате краевой прокуратуры в интересах работы по жалобам и приема посетителей специально было организовано бюро жалоб.

В результате проведенных организационных и оперативных мероприятий следует констатировать улучшение работы по жалобам во всей прокурорской системе края, а именно: значительно сократились сроки рассмотрения жалоб, основная часть из них рассматривается

в минимальный срок; как правило, жалобщику посылается извещение о результатах рассмотрения его жалобы и причинах задержки. Таких извещений за последнее время только одним бюро жалоб краевой прокуратуры послано 22 тыс.; мотивированные постановления при отказе по жалобам выносятся во всех случаях.

В краевой прокуратуре посетитель теперь уже не бродит по кабинетам в поисках прокурора или справки о результатах по жалобе. Все посетители краевой прокуратуры принимаются на протяжении всего рабочего времени в кабинете при бюро жалоб; принимает один из помощников краевого прокурора; в случае несогласия жалобщика с решением помощника последний направляет жалобщика с письменной справкой с указанием номера кабинета на прием к краевому прокурору. Если же жалобщик желает разговаривать только с краевым прокурором, то он также беспрепятственно направляется к нему.

За 9 месяцев работы бюро жалоб принято посетителей 4242 человека и выдано 14933 устных справок. Все эти факты с неопровержимой очевидностью свидетельствуют об огромной работе, которую провела за последнее время краевая прокуратура в деле улучшения рассмотрения жалоб, по сравнению с тем, что было раньше, т. е. до мая текущего года. Но в соответствии с теми требованиями и задачами, которые вытекают из новой сталинской Конституции Союза ССР, все то, что сделано краевой прокуратурой, только начало той огромной работы в деле наведения большевистского порядка с рассмотрением жалоб, в деле борьбы за заботливое и чуткое отношение к жалобщикам и за защиту их прав. Прокуратура Азово-Черноморского края не плохо организованную работу по улучшению рассмотрения жалоб должна продолжать и дальше, борясь за полное выполнение своего долга перед сталинской Конституцией, борясь за то, чтобы научиться по-сталински заботиться о человеке.

Сталинской заботой человек в Советской стране поднят до значения самого ценного капитала, которым располагает современное общество. Только у нас слово «человек» звучит действительно гордо и величественно.

Сталину дорога жизнь и интересы каждого честного труженика. «Берегите людей, цените кадры, цените каждого человека, способного принести пользу нашему общему делу» — вот сталинская заповедь, которую ни на минуту не следует забывать, особенно работникам прокуратуры и суда. Быстро рассматривать жалобу, своевременно послать извещение о результатах рассмотрения ее, вне очереди принять жалобщика, быстро выдать ему справку по жалобе — всего этого еще не достаточно. Жалобы нужно рассматривать не только быстро, но и правильно. При удовлетворении или при отказе по жалобе обязательно нужно выносить обстоятельно мотивированные постановления и заключения со ссылкой на закон.

не допуская пустых демагогических рассуждений. При приеме жалобщика, к нему нужно относиться с подлинным советским гуманизмом, внимательно и любовно выслушать его и дать ему исчерпывающий и понятный ответ. Нужно иметь, не только культурно и приветливо обставленные кабинеты, где принимается посетитель, но так же надо обставить и комнаты-ожидальни, которые необходимо оборудовать хорошей мебелью, цветами, поставить в них стол с журналами, газетами и сборниками текущего советского законодательства. На стенах этих комнат должны быть развешены правила, из которых жалобщик мог бы знать порядок обжалования неправильного судебного приговора, решения и т. п. Уезжая из прокуратуры, жалобщик должен быть удовлетворен разъяснением не только по своему вопросу, но одновременно явился бы своеобразным пропагандистом права и для других по тем вопросам, с которыми он хорошо ознакомился.

Таковы конкретные задачи в этой области, которые стоят перед работниками прокуратуры. Необходимо эти задачи с честью разрешать, чтобы стать достойным образцом для других советских и хозяйственных организаций.

Ф. Васин

Как некоторые судьи и прокуроры ведут борьбу со спекуляцией

Тихо и незаметно протекала жизнь Писаренко Сергея Трофимовича, шофера вагону-ремонтного пункта ст. Армавир, до того момента, пока соблазненный полученным отпуском Писаренко не решил прокатиться вместе со своей женой в Ленинград и обратно.

Получив 20 июля 1936 г. свой отпуск и два бесплатных проездных билета на себя и жену, Писаренко решил поехать в Ленинград и в Москву для того, чтобы воспользоваться консультацией специалистов для определения болезни своей жены и, очевидно, немного погулять. С этой целью Писаренко продал за 1950 руб. принадлежащую ему корову и, получив еще свыше 1000 руб. полагающегося ему заработка, уехал с женой в Ленинград.

К несчастью Писаренко, вместе с женой, приехав в Ленинград, пошел в магазины и приобрел в них для своих личных нужд две пары обуви, шесть метров шерсти и 30 метров различной хлопчатобумажной материи. Этого оказалось недостаточным, чтобы ретивыми представителями милиции Писаренко и его жена были заподозрены в спекуляции и немедленно были заключены под стражу. Все обнаруженное у них было изъято и одновременно были изъяты 2036 руб. наличными деньгами, из которых 2001 руб. были сданы в Госбанк, а 35 руб. выданы на руки Писаренко.

Несмотря на то, что у Писаренко и его жены были документы, удостоверяющие, что они трудящиеся, приехали в Ленинград в связи с отпуском Писаренко, одного факта покупки ими 36 м мануфактуры оказалось достаточным, чтобы против них было возбуждено обвинение по ст. 107 УК, как против спекулянтов, и чтобы, затем с переквалификацией данного дела по ст. 105 УК они были осуждены народным

судом 81 уч. г. Ленинграда—Писаренко к 8 месяцам и.т. работ, а жена его Мария—к 4 месяцам и.т. работ. Кассационная коллегия Ленинградского областного суда, куда Писаренко обратился с жалобой, оставила этот приговор в силе, заменив 4 месяца и.т. работ, назначенные Писаренко Марии, условными. Товар и деньги, отобранные у Писаренко, были, конечно, конфискованы.

С жалобой на неправильное разрешение дела Писаренко обратился к прокурору Приморского района Ленинградской области. Однако пом. прокурора Приморского района Старков, рассмотрев жалобу и дело Писаренко, оставил его жалобу без удовлетворения. Об «исключительном» внимании, которое проявил пом. прокурора Старков к жалобе Писаренко, свидетельствует то, что он в своем заключении указывает на то, что Писаренко осужден к 1 году и.т. работ, в то время как Писаренко осужден к 8 месяцам и.т. работ. Далее Старков указывает на то, что объяснения осужденного о том, что он приехал в Ленинград лечиться, не соответствуют действительности, так как, приехав в Ленинград, он к врачу сразу не обратился, а пошел раньше в магазин и занялся закупкой товаров. Между тем, сам Писаренко не собиравшись обратиться к врачу, а хотел показать специалистам свою жену.

Только тогда, когда жалоба Писаренко была рассмотрена в Прокуратуре Союза ССР, приговор по настоящему делу был опротестован и отменен уголовно-судебной коллегией Верховного суда РСФСР 5 февраля 1937 г., т. е. тогда, когда Писаренко Сергей уже отбыл назначенное ему наказание.

Дело Писаренко прекращено, отобранные товары и деньги ему возвращены, но кто может вернуть ему потраченное здоровье и ту трепку, которую он прошел в силу бездушно-бюрократического отношения к своей работе народного судьи 81 уч. Приморского района и других работников Ленинградского суда и прокуратуры, приложивших свою руку к этому делу?

Борьба со спекуляцией—очень важная задача суда и прокуратуры. Надо уметь ловить настоящих спекулянтов, применяя к ним со всей строгостью революционные законы. А это, конечно, гораздо сложнее, чем объявить спекулянтом трудящегося, купившего несколько лишних метров мануфактуры. В деле Писаренко, как в зеркале, отражены присущие многим нашим судебным органам недостатки, особенно нетерпимые в свете новой сталинской Конституции.

Беспощадная борьба с врагами народа, с ворами и со спекулянтами должна сочетаться с чутким и бережным отношением к трудящемуся. Только при выполнении этих требований мы поднимем работу на должную высоту.

А. Шляпочников

В Юрьевецкой прокуратуре

В узком и темном коридорчике Юрьевецкой прокуратуры (Ивановская область) каждое утро можно видеть с десяток ожидающих приема посетителей.

Колхозники из разных концов района приходят в прокуратуру в 8—9 часов утра. Они

не знают, будет сегодня принимать прокурор или нет.

К 11 часам появляется секретарша прокурора. На вопросы посетителей, состоится ли прием и когда, секретарша сердито отвечает: «С часу».

Население темного коридора, теряющее полдня еще до начала приема, вяло поддерживает разговор. В беседе выясняется, что колхозница т. Денгына еще вчера приходила к прокурору, но разговаривать с ней прокурор не стал и предложил прийти сегодня.

Колхозник т. Мольков добивается приема третий раз под ряд. Еще позавчера он ждал прокурора до 12 часов, но в коридор вышла секретарша и объявила, что прокурор уедет и, следовательно, принимать не будет.

Почему же Юрьевецкий прокурор т. Емелин принимает посетителей с часу, а не утром? Почему посетители должны терять в приемной прокурора половину рабочего дня и даже больше? Почему нет дежурства в выходные дни, совпадающие в Юрьевце с базарными днями? Районный прокурор на эти вопросы отвечает, что-де эти порядки еще до него были заведены. Еще безобразнее в Юрьевецкой прокуратуре разбирают жалобы трудящихся. Колхозник из деревни Гари, Жуковского сельсовета, т. Шутов около двух месяцев назад заявил прокурору о том, что ему не выдают заработанных им на строительстве школы де-

нег. Прокурор послал запрос в районо, ответа на запрос не последовало, этим дело и ограничилось.

Администрация юрьевецкой МТС незаконно задержала выплату зарплаты за время, проведенное начальником тракторного отряда т. Румянцевым на лагерном сборе. Районный прокурор сделал запрос, ответа не получил, и жалоба т. Румянцева больше двух месяцев не удовлетворена.

Жалоба гр. Тихонова о неправильном оформлении сельхозналогом лежит без движения в прокуратуре с ноября 1936 г. Такая же жалоба гр. Соловьева из деревни Белоусиха. Соболевского сельсовета, лежит третий месяц.

Подобных примеров по Юрьевецкой прокуратуре можно привести десятки. Районный прокурор в свое оправдание ссылается на то, что районные организации не считают нужным отвечать на его запросы, однако виноват в этом и сам т. Емелин.

***

Мы ждем от Ивановского областного прокурора т. Карасика ответа на поставленные в этой заметке вопросы.

Ждем, что он поможет юрьевецкому районному прокурору правильно организовать свою работу.

Редакция

Право-процесс-судостроительство в капиталистических странах

Гражданское право и процесс фашистской Германии

После прихода к власти гитлеровского фашизма гражданское право Германии служит тем же целям эксплуатации, что и раньше, но фашизм еще в большей мере обостряет противоречия между рабочим классом и капиталистами, между городом и деревней, усиливает до крайности колоссальную безработицу и обнищание широких трудящихся масс; «фашизм есть реакционная сила, пытающаяся сохранить старый мир путем насилия» (Сталин, Беседа с английским писателем Г. Д. Уэльсом).

При сохранении капиталистической сущности общественных отношений в фашистской Германии как отношений эксплуатации человека человеком меняется лишь форма эксплуатации и усиливается ее степень; наступает господство полного произвола, зоологической грубости и безграничного бесстыдства.

Гитлеровский фашизм не вносит и не может внести никаких принципиальных изменений в германское гражданское право. Он исходит в гражданском праве из тех принципов монополистического капитала, из тех же утверждений о неизбежности устоев капитализма, как ранее действовавшее право. Гитлеровский фашизм изыскивает лишь новые пути к полному

закабалению широких трудящихся масс Германии, пытаясь их одурачить социально-демагогическими рассуждениями.

Одним из этих социально-демагогических методов является критика действовавшего до прихода Гитлера к власти гражданского права, объявленного плодом либерально-материалистического «иудейского» мировоззрения. В противовес ему выдвигается расовая теория германского фашизма, которая стала, «так сказать, правовой теорией Германии»¹.

«Каждый человек,— пишет официальный теоретик Николаи,— появляется на свет с врожденными ему социальными инстинктами. Эти инстинкты говорят ему, как он должен вести себя для того, чтобы была возможна упорядоченная совместная жизнь с другими людьми. Инстинкт, который подсказывает, что есть право, это совесть. Социальный инстинкт, правовой инстинкт говорит, что есть истина и что ложь, что есть добро и что есть зло»².

Из этих рассуждений проистекает один только вывод: писаное право овязывает руки фашистской диктатуре, а поэтому необходима такая правовая концепция, которая предоставит возможность осуществлять безграничный

¹ He mut Nicolai, Die rassengesetzliche Rechtslehre, M. Gdeburg, 1934, S. 5.

² Там же, стр. 11.

произвол всем, занимающим соответствующие должности в гитлеровской Германии.

Таким образом не принципиальное изменение гражданского права, а пополнение его реакционным законодательством определяет законодательную деятельность германского фашизма, режим которого по сути является режимом бесправия и беззакония.

Исследование германского фашистского «правотворчества» приводит к полному подтверждению этих выводов.

В области регулирования хозяйства в интересах предпринимательских объединений заслуживают внимания закон 27 февраля 1934 г. о поддротвка, органического переустройства немецкого хозяйства и закон 15 июля 1934 г.¹ об учреждении принудительных картелей.

Первый из этих законов предоставляет министру хозяйства ряд полномочий, которые по существу в полицейском порядке регулируют деятельность предприятий.

Министр хозяйства уполномочен: 1) признавать экономические объединения единственными представителями данной отрасли хозяйства; 2) учреждать, распускать и сливать друг с другом экономические объединения; 3) изменять и дополнять уставы и учредительские договоры экономических объединений, в частности вводить принцип «вождизма»; 4) назначать и смещать командиров экономических объединений; 5) включать предпринимателей и предприятия в состав экономических объединений (ст. 1).

Союз предпринимателей приобретает монополистическое право распоряжаться всей отраслью хозяйства, а министр хозяйства является диктатором всей хозяйственной жизни этих организаций.

Министр хозяйства вправе не только административно распоряжаться, но и издавать постановления, которые будут исполняться настоящим законом (ст. 2). Следовательно, министр хозяйства по своему усмотрению может изыскивать всякие мероприятия, которые, по его мнению, пойдут даже дальше закона.

Министру хозяйства дано не только право административного регулирования хозяйства, но и право карать в уголовном порядке тех, кто не подчиняется его распоряжениям. Нарушители (умышленно или по неосторожности) распоряжений министра хозяйства караются штрафом или тюремным заключением до одного года (ст. 3). Усмотрению министра хозяйства не поставлено никаких пределов, так как возбужденное им уголовное преследование может быть им же аннулировано. (ст. 3).

Второй из этих законов предоставляет министру хозяйства право по своему усмотрению объединять предприятия в синдикаты, картели, конвенции (ст. 1).

Министр хозяйства имеет право регулировать взаимоотношения членов объединения между собой (ст. 3).

Министру хозяйства принадлежит право надзора и вмешательства в деятельность объединений непосредственно или через своих уполномоченных (ст. 4).

Министр хозяйства вправе проявлять особое благоприятствование к какой-либо отрасли хозяйства (ст. 5).

Министр хозяйства вправе постановить о наложении карательным судом штрафа в неограниченном размере на нарушителей его постановлений и о мерах полицейского принуждения для проведения в жизнь его мероприятий (ст. 7).

Так же, как и по закону от 27 февраля 1934 г., министр хозяйства имеет право своими распоряжениями восполнить действия настоящего закона (ст. 8).

Государственное воздействие на народное хозяйство не является изобретением гитлеровского фашизма. До прихода к власти фашистов этот метод в Германии и ранее применялся в интересах крупного промышленного и финансового капитала.

В военное и послевоенное время ряд отраслей промышленности в Германии подвергался государственному регулированию в тех же интересах (угольная, железодельная, каменная, табачная, опичечная, стекляная промышленность).

Фашистское регулирование продолжает ту же политику, уснащая ее демагогическими указаниями на «общую пользу», «общее благо».

К подобным же законам следует отнести и закон 16 мая 1934 г. против увеличения цен.

Закон этот был вызван к жизни двумя стремлениями фашистского законодательства: воздействовать на широкие трудящиеся массы, поставленные в бедственное положение продовольственным кризисом и недостатком предметов широкого потребления, и устранить в интересах германского промышленного и торгового капитала иностранную конкуренцию.

Попытка обмануть трудящиеся массы содержится в самом названии закона (постановление «против увеличения цен»). В действительности, никакого запрещения увеличивать цены в этом законе найти нельзя. Увеличение цен ставится лишь под контроль специального органа (ст. 1).

Хотя речь в законе идет о предметах первой необходимости, продовольственные продукты изъяты из действия настоящего закона, как состоящие в ведении министра продовольствия.

В области «правотворчества», относящегося к гражданскому состоянию и семейному праву, имеется целый ряд законов, заслуживающих большого интереса.

Закон 14 июля 1933 г. лишил германского гражданства целые категории граждан, в частности лиц, совершивших тяжкие преступления против «блага немецкого народа» и его государства, и восточных евреев.

Закон 15 сентября 1935 г. разделил германских граждан на две категории: 1) на граждан и 2) подданных.

Германским гражданином является обладатель чистой немецкой или немецко-родственной крови, доказывающий своим поведением, что он желает и способен верно служить немецкому народу и Третьей империи (ст. 2).

Подданным является тот, кто входит в союз лиц, пользующихся защитой германской империи, и несет за это специальные обязанности (ст. 1).

Тут же указывается, что носителем всех политических прав является только имперский гражданин (ст. 2).

Это утверждение является злым парадоксом, так как весь мир знает, что в условиях ГИТ-

¹ Ф. Манфريد, Фашизм и германское гражданское право, 1936, стр. 110—111.

теровского фашизма германский народ никаких политических прав не имеет.

Закон 15 сентября 1935 г. о защите немецкой крови и немецкой чести лишил евреев прав гражданства и запретил как браки евреев с подданными немецкой или немецко-родственной крови, так и внебрачные отношения. Нарушение закона в этой части карается каторгой или тюремным заключением (ст. 5).

Обязательное постановление к закону от 15 сентября 1935 г., изданное 14 ноября 1935 г., регулирует вопрос о том, кто является имперским гражданином.

Считается временно имперским гражданином германский подданный немецкой или немецко-родственной крови, который при вступлении в силу имперского закона о гражданстве пользовался избирательным правом (ст. 1). Одновременно имперскому министру внутренних дел, по согласованию с заместителем Гитлера, предоставляется право по своему усмотрению признать того или иного гражданина имеющим имперское гражданство или лишить его этого звания.

Обязательное постановление вводит понятие еврея-метиса, который может пользоваться временными правами имперского гражданина (ст. 2). Еврей не может быть имперским гражданином (ст. 4).

Следует также отметить закон 1 июня 1933 г. (RGB, № 60/1933), который пытается сделать вступление в брак одним из способов к уменьшению количества безработных.

В случае вступления в брак немецкой женщине предоставляется право получения ссуды. Чтобы иметь право на получение ссуды, немецкая женщина должна предварительно отказать от работы и не брать ее до тех пор, пока ее муж будет зарабатывать не менее 125 марок в месяц. Супруги должны подать заявление о постоянной готовности стать на защиту Третьей империи и подвергнуться медицинскому освидетельствованию в удостоверение того, что они не страдают заразными болезнями.

Подвергшись всем этим унижениям человеческого достоинства, супруги не могут быть уверены еще в удовлетворении их ходатайства о ссуде, так как местные финансовые органы вправе отказать в выдаче ссуды, если ее выдача противоречит «общему благу» или если имеется опасение, что супруги этой ссуды не вернут.

Размер ссуды не может превышать 1000 марок. Самая ссуда выдается не деньгами, а бонами, на которые можно, по указанию местных финансовых органов, приобрести в расрочку мебель и хозяйственные принадлежности. Имущественную ответственность по ссуде несут оба супруга, причем работодатель должен производить удержание из заработка мужа в покрытие этой ссуды.

Закон 23 ноября 1933 г. ставит себе целью борьбу с «нервными» браками. Средневековое стремление сохранить «чистоту крови» находит в этом законе свое оформление.

Правовое положение внебрачного ребенка регулируется ст. 1705 Германского гражданского уложения, которая устанавливает, что внебрачный ребенок состоит в отношении родства только с матерью и ее родственниками. Юридически у ребенка отца нет. Все сводится к взысканию с отца незначительных по раз-

меру алиментов. Существующие проекты об урегулировании правового положения внебрачного ребенка исходят из основной установки: «Обязанность выдачи алиментов должна регулироваться таким образом, чтобы не служить соблазном для внебрачного полового общения»¹.

Нельзя не отметить также два закона, которые исчерпывающе показывают, какими средствами пользуются выродки эксплуататорского класса в своем стремлении удержать власть в своих руках и устроить население. Это законы 14 июля 1933 г. о стерилизации и 24 ноября 1933 г. о кастрации (RGB №№ 86 и 133).

Под предлогом «общего оздоровления» могут подвергнуться опасной для жизни, нарушающей всю жизнедеятельность оперируемого, хирургической операции лица, носящие в себе признаки наследственных болезней. Специальные суды по наследственному оздоровлению вправе постановить о производстве хирургической операции в специальных больницах. Врачи не только не обязаны соблюдать врачебную тайну, но, наоборот, подлежат ответственности за несообщение суду об известных им болезнях своих пациентов.

В области земельного права наиболее яркими для характеристики социальной подоплеки гитлеровского фашизма являются закон 29 сентября 1933 г. о наследственно-подворном имуществе и закон 13 сентября 1933 г. об организации сословия германского сельского хозяйства.

Первый из указанных законов приводит понятие наследственно-подворного имущества. Им является крестьянский двор, обладающий до 125 га сельскохозяйственных и лесных угодий и представляющий собой единоличную собственность гражданина, принадлежащего к крестьянскому сословию.

Интересы крупного помещичьего землевладения пользуются защитой этого же закона, так как всякому помещику разрешается раздробить свое владение на несколько наследственно-подворных имуществ. Хотя закон в качестве правила запрещает одному лицу владеть несколькими наследственно-подворными имуществами, для помещиков допускаются исключения. Так как на крестьянский двор не может быть обращено взыскание по долгам, то для помещиков при помощи этого способа узаконяется уклонение от принудительного взыскания долгов. Интересы растущего кулачества тоже охраняются законом, так как министр продовольствия и сельского хозяйства вправе разрешить по своему усмотрению образование крестьянских дворов с землевладением, превышающим 125 га. Двор должен принадлежать обязательно одному лицу, чтобы остаться во владении определенного рода. Закон различает звания «крестьянин» и «сельский хозяин». Собственник наследственно-подворного имущества имеет право носить звание крестьянина. Все остальные хозяйства дают своим владельцам право на звание сельского хозяина. Кроме имущественных показателей, претендент на звание крестьянина должен обладать: 1) расовой чистотой, определяемой при помощи исследования генеалогии до 1 января 1800 г., 2) германским гражданством, 3) «почетностью» (достаточно развитым

¹ Цит. по книге Ф. Манфрида, Фашизм и германское гражданское право, 1936, стр. 59.

«чувством чести»), 4) способностью хозяйствовать.

Круг лиц, призываемых к наследованию в крестьянском дворе, ограничен наследниками по мужской линии, в отличие от общих норм Германского гражданского уложения.

Двор является родовым имуществом и не может быть отчуждаем ни в целом, ни в отдельных частях. Исключение допускается лишь при отчуждении двора при жизни собственника в пользу лица, к которому двор должен перейти в порядке наследования. При отсутствии законного наследника последний назначается распоряжением имперского крестьянского начальника. Обременяющая крестьянское хозяйство задолженность покрывается при помощи специально выпускаемых рентных обязательств. Интересы финансового капитала прекрасно обеспечиваются этими рентными обязательствами, так как они гарантированы государством и государственной финансовой помощью—специальным рентным банком. Принудительное взыскание долга при помощи судебного пристава не допускается. Неудовлетворенный кредитор может обратиться к крестьянскому начальнику с жалобой на бесчестное поведение должника. Для удовлетворения жалобы крестьянский начальник может по своему усмотрению лишить должника права собственности на двор.

Второй закон предоставляет имперскому министру продовольствия и сельского хозяйства право регулировать организацию сословия германского сельского хозяйства (ст. 1).

Под сельским хозяйством понимаются также и лесное хозяйство, огородничество, торговля на селе, обработка и переработка сельскохозяйственных продуктов (ст.ст. 1 и 7).

Имперский министр продовольствия и сельского хозяйства вправе уполномочить все сословие в целом или отдельные его группы на регулирование производства, сбыта и цен на сельскохозяйственные продукты, «если это окажется нужным в интересах хозяйства в целом и общего блага» (ст. 2).

Результатом этого закона явилось исчезновение с рынка наиболее нужных сельскохозяйственных продуктов.

Недавно Геринг выбросил лозунг: «Пушки вместо масла». В настоящее время, как пишет газета «Таймс», существует опасность, что придется этот лозунг заменить другим: «Пушки вместо хлеба»¹.

В области трудового законодательства следует отметить закон 20 января 1934 г. о национальном труде, который (закон) стремится к полному закрепощению рабочего. Социальное различие между хозяйном и рабочим законом отвергнуто: работодатель обращен в «вождя предприятия» (ст. 1).

Вождь предприятия вправе разрешать все вопросы, затрагивающие интересы рабочих и служащих, а эксплуатируемые обязываются проявлять верность вождю предприятия (ст. 2).

Коллектив рабочих и служащих назван коллективом сопровождающих. Социальный смысл этого термина — «челядь»².

¹ «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» № 300, 1936.

² Ф. Манфريد, Фашизм и германское гражданское право, 1936, стр. 95.

Таким образом феодальные взаимоотношения являются тем идеалом, который презится фашистскому законодателю.

Фабзавкомы упраздняются, поскольку они являются первичными ячейками массовых пролетарских организаций. Вместо фабзавкомов учреждается институт доверенных людей (ст. 5), которые должны заниматься поддержанием классового мира внутри предприятия.

Членом совета доверенных может быть только тот, кто доказал своим поведением, что он во всякое время может стать на защиту национального государства (ст. 8).

Германский фашизм не решился в 1936 г. произвести новые выборы в советы доверенных, так как настроения германского рабочего класса должны были привести во время этих выборов к бурному протесту против фашистского режима.

Правила внутреннего распорядка издаются единолично предпринимателем (ст. 27) и являются на предприятии основным документом, заменяющим тарифное соглашение.

Совет доверенных в случае несогласия с правилами внутреннего распорядка может жаловаться на них уполномоченному по труду, причем подача жалобы не приостанавливает проведение в жизнь обжалуемых правил (ст. 16).

Уполномоченный по труду вправе давать директивы по вопросу о правилах внутреннего распорядка (ст. 32). Уполномоченные по труду являются на местах агентами «трудового фронта», которым командует небезызвестный доктор Лей, бывший заведующий организационным отделом национал-социалистической партии.

Закон 15 мая 1934 г. о регулировании использования рабочей силы преследовал цель вывести из промышленных центров массы безработных и принудительно пополнить ими ряды рабочих неквалифицированного сельскохозяйственного труда. Этим должно было быть достигнуто в политическом отношении удаление безработных масс из промышленных центров, поскольку они представляли собой опасность для фашистского режима, а в экономическом отношении — оказание помощи авторитарной экономической политике. Безработная молодежь в возрасте от 18 до 25 лет вообще не подлежала принятию на работу. Она направлялась принудительно в лагери трудовой повинности, где и используется на работах военного значения и проходит военную подготовку.

В области гражданского процесса германский ГПК 1934 г. содержит в себе изменения, которые вытекают из фашистского понимания права и задач суда.

Германский ГПК в прежней редакции придавал большое значение подготовительным бумагам, подаваемым сторонами в суд. Ст. 270 Новой редакции усиливает это значение, обязывая стороны изложить в подготовительных бумагах ссылки на все доказательства, перечислить все свои утверждения и опровергнуть заявления другой стороны. При невыполнении этого требования суд может исключить не указанные в подготовительной бумаге доказательства в случае их представления непосредственно в судебное заседание.

Ранее истец имел право во второй инстанции изменить основания иска с согласия про-

тивной стороны (ст. 527). Теперь стороны это право утратили, так как ст. 527 отменена.

Ст. 138 в новой редакции обязывает стороны давать свои объяснения полно и правдиво. Неправдивость или умолчание рассматриваются как обман, который преследуется в уголовном порядке. Кассационное обжалование, как правило, может иметь место по делам с ценой иска не менее 6000 марок (ст. 646).

Так как по делам, непосредственно затрагивающим интересы широких трудящихся масс, предмет спора не достигает оценки 6000 марок и больше, то решения по этим делам кассационному обжалованию не подлежат. По искам, вытекающим из брачных отношений, кассационное обжалование является факультативным: суд второй инстанции может допустить или не допустить кассационное обжалование. Допущение кассационного обжалования может иметь место только при наличии вопросов, носящих принципиальное значение, или если решение противоречит судебной практике верховного суда.

Освобождение от судебных издержек облегчает трудящимся обращение в буржуазный суд. Гитлеровский фашизм постарался ограничить эту возможность еще в большей степени, чем она была ограничена до его прихода к власти.

Отсутствие средств подлежит проверке со стороны суда путем истребования от стороны в процессе не только справок о несостоятельности, но и дополнительных доказательств по усмотрению суда (ст. 118-а). Определение суда об освобождении от судебных издержек или об отказе в освобождении должно содержать обоснование фактического и правового порядка (ст. 126). Определение об отказе в освобождении от судебных издержек обжалованию не подлежит.

Из всего этого видно, что германское фашистское законодательство в области процесса направлено к преграждению трудящимся возможности обращаться в суд.

И. Сапгир

Библиография

Против троцкистской контрабанды в вопросах трудового права

ЗИН. ГРИШИН. «Советское трудовое право». Учебник для правовых школ и юридических курсов и учебное пособие для правовых вузов. Издание Академии наук СССР—Институт советского строительства и права. Издательство «Советское законодательство», 1936, стр. 271. Цена в обложке 3 р. 95 к.

Учебник Гришина по трудовому праву представляет собой невежественную халтуру в изложении фактического материала советского законодательства о труде рабочих и служащих. Но еще важнее вопрос о политической стороне учебника, напыщенно рекламируемого в предисловии.

Статья т. Юдина в «Правде» от 20 января 1937 г., мобилизуя всех правозащитников на разоблачение лжеидеологии права Пашуканиса и на перестройку всего правового участка теоретического фронта на боевых марксистско-ленинских позициях, разоблачила, в частности, антипартийный характер понимания социалистического трудового права как такой отрасли социалистического права, которая якобы охватывает только правовое регулирование труда рабочих и служащих, но не охватывает правового регулирования труда колхозников и остальных трудящихся в социалистической системе хозяйства (промкооперация и т. д.). Эта антипартийная концепция, связанная с вредительскими теориями Пашуканиса, переносит на почву социалистического государства, построенного социализм, систематику буржуазного права, принятую буржуазной юриспруденцией.

Эта извращенная концепция социалистического права выражает отрицание единства принципов социалистической организации труда во всей системе советского социалистического хозяйства, противопоставляет рабочий класс колхозному крестьянству, по существу отрицает социалистическое переустройство и победу социализма в деревне.

Этот факт можно объяснить только копированием буржуазных образцов, юридическим кретинизмом, инерцией формального юридического мышления, смешением права и кодекса¹.

На критике указанного извращения и задачах перестройки теоретической работы по трудовому праву я подробнее остановлюсь в отдельной статье.—И. В.

Позиция З. Гришина в рассматриваемом вопросе выделяется и на общем печальном фоне трудового участка правового теоретического фронта. З. Гришин не случайно оказался единственным из юристов-трудящихся, который пытался оспорить правильность указаний «Правды» в статье т. Юдина.

В учебнике Гришина дано развернутое в целый параграф обоснование ревизионистского тезиса о различии основных принципов организации труда рабочих и служащих в государственных советских предприятиях и

¹ На такой явно антипартийной позиции грубо извращенного понимания социалистического трудового права стоял до указания «Правды» и автор настоящей рецензии, который как специалист по трудовому праву с большим стажем работы в этой области несет сугубую ответственность за подобное грубое извращение ленинизма.

учреждениях и организации труда колхозников» (см. главу II, № 4 «Неприменимость советского трудового права в колхозах», стр. 31—33). Гришин, таким образом, извращает самую природу колхозов и колхозного труда. Знаменательно, что автор, пропагандируя это троцкистское по самому своему существу извращение, характеризует отношение внутриколхозной организации труда к трудовому праву как троцкизм.

В своем противопоставлении основных принципов организации труда в советских государственных предприятиях и в колхозах Гришин доходит до ссылки на известное положение Маркса о том, что «структура... распределения вполне определяется структурой производства» и что «определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения»¹. Как показывает эта ссылка, у Гришина отрицание единства социалистического принципа распределения по труду доведено до такого предела, что дальше идти уже решительно некуда. Различие между формами проведения единого социалистического принципа оплаты по труду между социалистической заработной платой рабочих и служащих и социалистической оплатой по трудодням колхозников поставлено Гришиным на одну доску с различием между зарплатой рабочего при капитализме и прибылью капиталиста и с различием между формами распределения в разных социально-экономических формациях.

Посмотрим на отдельных примерах, как З. Гришин «разоблачает» контрреволюционный троцкизм, правых реставраторов капитализма, анархо-синдикалистские установки.

На стр. 81, где речь идет о дискуссии о профсоюзах, автор изображает яростную борьбу оппозиции, объединявшей всех врагов социализма, против ленинских установок в вопросе о профсоюзах как о портунистическую «критику». Автор, замазывая контрреволюционную сущность троцкистских установок в дискуссии о профсоюзах, сводит позицию троцкизма к тому, что троцкизм «не понимал» отдельных вопросов.

В дискуссии о профсоюзах троцкизм, по Гришину, якобы просто выдвигал «оппортунистические установки», «не понимал» задач профсоюзов «в области перевоспитания отстающих элементов рабочего класса», «снял защитные задачи союза, снимал задачи борьбы с бюрократическими извращениями госаппарата, не понимал, что роль профсоюзов в борьбе с этими извращениями неразрывным образом связана с новыми формами классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата» (стр. 81).

Таким образом, по Гришину, оказывается, что троцкизм в дискуссии о профсоюзах якобы исходил из признания у нас эпохи диктатуры пролетариата. Оказывается, далее, по Гришину, что троцкизм якобы по-большевистски подходил и к вопросу о новых формах классовой борьбы пролетариата в эпоху диктатуры пролетариата. Оказывается, затем, по Гришину, что троцкизм, который в действительности возводил бюрократизм в принцип всякого руководства и управления и который стремился превратить и профсоюзы в подсоб-

ный бюрократический аппарат при госорганнах, — был якобы за борьбу против бюрократических извращений госаппарата, но только «не понимал» роли профсоюзов в этой борьбе. Так, у Гришина «разоблачение» троцкизма оказывается прямой защитой троцкизма.

На стр. 82 такое же по существу отношение к правым реставраторам капитализма. Здесь можно прочесть, что старое руководство профсоюзов (ВЦСПС?) во главе с Томским «недооценивало роли профсоюзов как организаторов социалистического соревнования, творческой инициативы масс в борьбе за высокие темпы индустриализации страны» (подчеркнуто нами). Оказывается, что правые реставраторы капитализма, которые, как общеизвестно, вели бешеную борьбу против социализма, против сталинского плана социалистической индустриализации, сплошной коллективизации, против взятых партией высоких темпов индустриализации СССР, — оказывается, по Гришину, что эти враги социализма якобы стояли за высокие темпы социалистического строительства и только «недооценивали» эти или иные средства для обеспечения этих темпов. Оказывается, в частности, по Гришину, что правые реставраторы капитализма, которые в действительности стремились выключить профсоюзы из подготавливавшегося и затем проводившегося и проведенного партией разветвленного социалистического наступления по всему фронту, которые вели бешеную борьбу против соцсоревнования, — якобы только «недооценивали» роль профсоюзов как организаторов соцсоревнования.

Что касается «разоблачения» анархо-синдикалистских установок, то З. Гришин в вопросе о перспективах роли профсоюзов в управлении производством сам по существу стоит на той позиции, которая в дискуссии о профсоюзах являлась общей для троцкизма и для «рабочей оппозиции», т. е. на позиции превращения профсоюзов из школы коммунизма администрирующей орган. Говоря об анархо-синдикалистской постановке вопроса о передаче профсоюзам функций хозяйственного управления, Гришин явно исходит из того, что «рабочая оппозиция» и ее позднейшие отпрыски расходились с партией не в принципе, а лишь в отношении темпов. «Немедленность» передачи, «забегание вперед с передачей или «форсирование» передачи, не самую «передачу» профсоюзам функций хозяйственного управления, — вот то, что Гришин берет под обстрел (см. стр. 81, 85, 100).

Программа партии говорит, что профсоюзы «должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым». Программа партии при этом совершенно ясно указывает, и Ленин именно в борьбе против Троцкого со всей силой подчеркнул в дискуссии о профсоюзах, что здесь речь в конечном счете идет не о передаче профсоюзам тех или иных функций хозяйственного управления, осуществляемого экономическим аппаратом советской власти, но о обеспечении «действительно народного контроля над результатами производства». Ленин со всей силой подчеркнул, что в программе партии речь идет о «народном», т. е. рабоче-

¹ Маркс и Энгельс, т. XII, ч. I, стр. 185.

крестьянском, отнюдь не только продетарском, «контроле»¹.

Партийную перспективу, которая осуществляется на наших глазах, перспективу неуклонного роста производственной активности и инициативы всех тружеников социалистического общества и в городе и в деревне, перспективу дальнейшего развертывания стачановского движения, которое подымает «народный контроль над результатами производства» на все более и более высокие ступени,— эту партийную перспективу З. Гришин упорно и настойчиво подменяет перспективой передачи профсоюзам функций хозяйственного управления, той перспективой, которую в дискуссии о профсоюзах, с различием только в вариантах, выдвигали и троцкизм и «рабочая оппозиция».

Только исходя из установок оппозиции в дискуссии о профсоюзах, из установок на превращение профсоюзов из школы коммунизма в администрирующие органы, З. Гришин мог превратить профсоюзы в «органы регулирования труда» (стр. 29). По Гришину, профсоюзы и только профсоюзы являются «органами регулирования труда». Экономический аппарат советской власти подменяется профсоюзами.

С превращением профсоюзов в «органы регулирования труда» перекликается у Гришина смещение профсоюзов с законодательными органами. На стр. 40 «учебника» постановления ВЦСПС и ЦК союзов поставлены в качестве «источников права» наряду с постановлениями центральных органов советской власти. На стр. 42 извращена действительная, законом определенная компетенция ВЦСПС в отношении разъяснений по применению законодательства о труде. Гришин приписывает ВЦСПС право самостоятельно издавать постановления по вопросам регулирования труда, несмотря на то, что в действительности, по общеизвестному прямому указанию закона, постановления ВЦСПС по вопросам регулирования труда, ограниченные кругом инструкций, правил и разъяснений по применению законодательства о труде, требуют утверждения или предварительной санкции Совнаркома СССР. Вместе с тем Гришин договаривается до того, что «постановления ВЦСПС, выходящие за пределы действующего законодательства о труде СССР, подлежат утверждению Совнаркома СССР» (стр. 42), как будто вообще ВЦСПС может выносить такие постановления.

Как видно из приведенных выше данных, идеология Гришина по вопросу о профсоюзах черпает из призрачного источника троцкистско-шляпниковских установок, противопоставленных в дискуссии о профсоюзах ленинско-сталинскому учению о профсоюзах как школе коммунизма. Ясно, что эти враждебные социализму концепции неразрывно связаны с противопоставлением рабочих советскому государству. Не случайно, что к такому противопоставлению рабочих советскому государству скатывается Гришин в своем антипартийном «теоретизировании».

Гришин приписывает Ленину и партии тезис о том, что якобы в условиях перехода к нэпу имела место «известная противоположность между рабочими и администрацией государ-

ственных предприятий» (стр. 61). Так Гришин в меньшевистско-троцкистском стиле фальсифицирует общеизвестные указания написанного лично Лениным постановления ЦК партии от 12 января 1922 г. о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики¹, фальсифицирует указания того постановления ЦК партии, которое легло в основу резолюции XI съезда партии о профсоюзах.

Ленин и партия указывали, что новая хозяйственная обстановка в начальной стадии нэпа «при общей культурной отсталости и истощении страны неизбежно будет в большей или меньшей степени приводить к противоположному в сознании масс администрации данных предприятий занятым в них рабочим»².

Ленин и партия указывали, что новая хозяйственная обстановка начальной стадии нэпа, «в связи с настоятельной необходимостью повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого предприятия, в связи с неизбежным ведомственным интересом и преувеличением ведомственного усердия, неминуемо порождает известную противоположность интересов по вопросам условий труда в предприятиях между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятий или ведомствами, коим они принадлежат»³.

Ленин и партия тут же еще раз подчеркивали, что эта «известная противоположность интересов» («в сознании» масс и лишь «по вопросам условий труда в предприятиях») порождается исключительно ошибками и преувеличениями хозяйственных органов, вытекающими из бюрократических извращений госаппарата.

Эти указания Ленина о бюрократических извращениях госаппарата в условиях общей культурной отсталости и истощения страны в начальной стадии нэпа З. Гришин превратил в антипартийную троцкистскую формулировку об «известной противоположности между рабочими и администрацией государственных предприятий».

Все эти антипартийные, в основном троцкистского порядка, извращения отражаются и на освещении Гришиным отдельных конкретных вопросов.

Первая глава учебника З. Гришина, посвященная «сущности капиталистического правового регулирования труда», представляет собой сочетание ревизионизма и невежественной халтуры.

В постановке вопроса о возникновении капиталистического правового регулирования труда Гришин отправляется от буржуазных социальных реформ в области законодательства о труде (стр. 6). В данном вопросе автор игнорирует то, что законодательство относительно наемного труда, как прямо указывает Маркс, «начинается» с того законодательства о труде эпохи первоначального капиталистического накопления, которое характеризуется самым широким применением непосредствен-

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 147—156.

² Ленин, т. XXVII, стр. 147. (Подчеркнуто нами).

³ Там же, стр. 148. (Подчеркнуто нами).

¹ Ленин, т. XXVI, стр. 141.

ного государственного насилия против рабочих, внеэкономического принуждения к труду¹.

По Гришину, обуржуазивание, приспособление к интересам буржуазии гражданско-правового регулирования труда всецело и исключительно сводится к освобождению производителя от феодально-крепостной и цеховой зависимости. В этой схеме исторического возникновения капиталистического законодательства о труде легко распознается та апологетическая концепция возникновения капитализма, которую выдвигали буржуазные историки и которую подверг такой убийственной критике Маркс на протяжении всей XXIV главы I тома «Капитала», говоря о так называемом первоначальном накоплении.

Отношение Гришина к руководящим материалам лишний раз иллюстрируется тем, что он цитирует замечания о конспекте учебника «Новой истории» товарищей Сталина, Кирова и Жданова (стр. 13), но тут же в своем изложении сохраняет распространенную ранее ошибочную периодизацию: период первоначального капиталистического накопления, эпоха промышленного капитала (без учета такой исторической вехи, как французская буржуазная революция) до конца XIX в., эпоха империализма с конца XIX в.

Относя к эпохе промышленного капитала весь период до конца XIX в., Гришин иллюстрирует развитие фабричного законодательства примерами социального законодательства Бисмарка и царских фабричных законов 1886 г. и 1897 г. И тут же, на основе этого материала, делается вывод, что якобы в эпоху промышленного капитала «буржуазия в условиях роста сопротивления пролетариата и угрозы его революционных выступлений меняет свою тактику, иллюстрируя вводимым ею фабричным законодательством применение в качестве основного метода управления — метода либерализма» (стр. 13).

Так З. Гришин превращает реакционную политику Бисмарка и бесчеловечную варварскую политику царизма в преимущественное применение метода либерализма. И для обоснования подобного реакционного вздора Гришин имеет смелость ссылаться на известные указания Ленина по вопросу о двух системах управления, вырабатываемых буржуазией. Гришина не смущает, что приводимая им цитата из статьи Ленина «Разногласия в европейском рабочем движении» как раз и опровергает излагаемый в учебнике сплошной вздор по данному вопросу (статья Ленина, кстати сказать, цитируется с безобразной неряшливостью, без указания на пропуск части текста). Гришин своим «комментарием» Ленина замазывает как раз противоположный вывод, который ясно вытекает из указаний Ленина: то или иное фабричное законодательство может иметь место как при преимущественном применении буржуазной метода либерализма, так и при преимущественном применении метода насилия, а поэтому введение фабричного законодательства в эпоху промышленного капитала вовсе не «иллюстрирует» ту идиллию, в которую Гришину угодно превратить эпоху промышленного ка-

питала, распространяемую к тому же автором вплоть до конца XIX в.

Извращения подобного порядка характеризуют всю первую главу учебника, посвященную капиталистическому правовому регулированию труда.

В критике извращений в правовой литературе Гришин всячески обходит основоположника вредительских теорий по вопросам права Пашуканиса, предпочитая говорить о ком угодно другом, вплоть до совершенно третьестепенных авторов. Это характерно для Гришина, который, протаскивая вредительскую теорию Пашуканиса о буржуазной природе советского права, утверждает, что будто бы правовая форма трудовых отношений в советских государственных предприятиях сохраняет «пережитки буржуазной формы права» (стр. 27).

Критика Гришиным извращений в его прежних работах обращает на себя внимание своеобразным характером «признаний», которые смазывают не только политическую оценку допущенных ранее извращений, но и фактическую сторону дела.

Если посмотреть рекомендуемую в учебнике Гришина специальную литературу по трудовому праву, то можно подумать, что учиться трудовому праву надо главным образом по Гришину. Автор рекомендует свои прежние писания, совершенно не считаясь с тем, какие в них допущены ошибки и извращения.

Так, например, Гришин рекомендует свою книжку 1929 г. «Правовое положение юношеского труда в СССР». А между тем в этой книжке мы, в частности, находим троцкистскую постановку вопроса о роли молодежи и комсомола.

«Инициатором и творцом новых форм производственного воспитания молодняка,— писал Гришин в указанной книжке,— явилась сама молодежь как непосредственно заинтересованная сторона, в лице ее передовой части — комсомола» (стр. 37 книжки «Правовое положение юношеского труда в СССР»). Спрашивается, где в этом гришинском освещении истории развития новых форм производственного воспитания молодежи учение Маркса, Ленина, Сталина? Где программа партии? Где вообще партия Ленина—Сталина? В вопросе о новых формах производственного воспитания молодежи была превращена Гришиным в троцкистский «барометр».

Гришин рекомендует также свою статью «Стахановское движение и вопросы советского трудового права» из № 1 «Советского государства» 1936 г. В этой совершенно пустой статье можно найти все, что угодно, но в ней нет даже упоминания о самом главном в поставленной проблеме — нет даже упоминания об исторических шести условиях товарища Сталина, которые сыграли исключительную по своему значению роль в подготовке стахановского движения и определяют вместе с последующими указаниями товарища Сталина постановку вопросов нашего социалистического трудового права в связи со стахановским движением.

Учебник Гришина выпущен Институтом советского строительства и права Академии наук СССР вопреки категорическим предостережениям со стороны некоторых из тех самых лиц, которым автор выражает в предисловии

¹ См. Маркс, Капитал, т. I. изд. 8, 1936, стр. 634.

свою благодарность, стараясь прикрыться также и их именем. Книга Гришина «Советское трудовое право» могла увидеть свет только под покровительством вредителя на правовом участке теоретического фронта, бывшего директора Института советского строительства и права Пашуканиса и другого вредителя, бывшего заведующего секцией «хозяйственного права» института Доценко.

Войгинский

„Процесс антисоветского троцкистского центра“

Юридическое издательство, 1937, стр. 258, Цена 4 р. 25 к.

Вышел в свет судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. Отчет составлен по тексту газет «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» и «Правда» со включением материала судебно-технической экспертизы.

Этот отчет содержит обвинительное заключение, допросы подсудимых: Пятакова, Радека, Сокольников, Серебрякова и др., заключение экспертизы, обвинительную речь Прокурора Союза т. А. Я. Вышинского, речи защитников, последние слова подсудимых и приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Книга эта является весьма ценным материалом для пропагандистов, всех партийных и непартийных большевиков, и в особенности практических работников суда, прокуратуры и НКВД, изучающих весь тот арсенал методов и оружия, которыми пользуется враг в борьбе против победившего социализма в нашей стране, в борьбе против рабочих и крестьян нашего социалистического отечества.

«Знание вражеских повадок вооружает нас для борьбы с ними. Задача теперь заключается в том, чтобы разоблачить и бить врага под какой бы личиной он ни таился» («Правда» от 1 февраля 1937 г.).

В этом отношении огромное политическое, воспитательное значение, помогающее повысить нашу большевистскую бдительность и срывать маску с лица наиболее подлого и опасного врага — троцкистов и зиновьевцев, имеет замечательная по глубине анализа, по страстности чувства и силе негодования, блестящая по форме речь государственного обвинителя — Прокурора Союза т. А. Я. Вышинского.

В своей яркой обвинительной речи против контрреволюционного фашистского троцкизма и троцкистов Прокурор Союза т. Вышинский был строго беспристрастен, руководствуясь только законом, непоколебимым законом советского социалистического государства, выражающим стальную волю 170-миллионного трудового народа нашей страны.

Но беспристрастие в обвинительной речи т. Вышинского, основанное на советском законе, пронизано могучей силой большевистской страстности, ненависти к врагу, не знающему пределов подлости и лицемерия, потерявшему остатки человеческого облика, прятющему свое человеконенавистническое звериное лицо под живой маской покаяния.

Сидящие на скамье подсудимых прожженные диверсанты, шпионы и убийцы, ближайшие

помощники и агенты международного бандита и авантюриста врага народа — Троцкого, прикрывавшиеся высоким званием членов нашей партии, пойманые с поличным славными органами НКВД, руководимыми наркомом внутренних дел т. Ежовым Н. И., под неумолимым допросом Прокурора сбрасывали с себя и тот последний фиговый листок добродетели, которым они пытались еще прикрыть свои гнусные, не имеющие себе равных преступления.

Допрос Прокурора обнажил всю глубину их политического и морального падения, их неразрывную организационную и политическую связь с международным фашизмом, с титлеровской охранкой (тайная полиция — Гестапо), с заместителем Гитлера — «кровавым египтянином» Гессом и с японской фашистской воениной.

На прямые, не допускающие уверток вопросы т. Вышинского подсудимые должны были дать прямые, ясные и четкие ответы, раскрыть содержание своей политической бандитской «программы», рассказать о методах своей борьбы за ее осуществление. Об этой программе можно сказать то, что еще 10 лет назад сказал товарищ Сталин о «программе» оппозиции: «Платформа оппозиции есть платформа по разрушению нашей партии, платформа по разоружению рабочего класса, платформа по развязыванию антисоветских сил, платформа по срыву диктатуры пролетариата».

Благодаря бдительности партии, руководимой великим Сталиным, благодаря разгрому контрреволюционных троцкистов-зиновьевцев, бухаринцев и всех врагов социализма победила генеральная ленинско-сталинская линия нашей партии. Победа эта конкретизировалась в построении социализма в нашей стране, в сталинской Конституции. Победа социализма в нашей стране лишила врага остатков той классово враждебной социализму базы, на активность и торжество которой рассчитывал германский и японский фашизм и их передовой отряд — троцкистско-зиновьевская банда.

Ставя перед собой основную задачу — разгром социализма и реставрацию капитализма в нашей стране, троцкистско-зиновьевская банда оправдывала все средства борьбы против рабочих и крестьян, построивших свое социалистическое государство, где нет эксплуатации и порабощения человека человеком, где нет безработицы и нищеты, где обеспечены права на труд, отдых, образование и социальное обеспечение, где обеспечены и процветают подлинная свобода и демократия.

Беспринципные, не знающие границ злобы и подлости к трудовому народу, выполняя заказ германского фашизма и японского милитаризма, троцкисты организуют убийство наших вождей, взрывают наши шахты, отравляют рабочих нашей страны, организуют крушения наших воинских поездов, пытаются вызвать недовольство масс и натравить их против советской власти.

Потеряв всякую социальную базу внутри нашей страны, троцкизм всеми мерами старается развязать и ускорить войну против СССР. По директиве врага народа Л. Троцкого члены антисоветского троцкистского центра дают обязательство германскому и японскому фашизму, в случае войны с СССР, всячески содействовать поражению нашей родины, взорвать крупнейшие предприятия оборон-

ного значения, отравлять воинские эшелоны, всюду на территории Советского союза сеять смерть и разрушения, отдать Гитлеру Украину, японской военщине Приморье, обещая неограниченные концессии, обязуясь превратить нашу великую социалистическую родину в колонию германского и японского империализма.

Железной рукой НКВД, под руководством генерального комиссара государственной безопасности т. Ежова, и рукой Прокурора Союза ССР т. Вышинского были сорваны маски с врагов народа, троцкистских бандитов — Пятакова, Радека, Сокольников, Лифшица, Серебрякова и др.

Перед всем народом нашего Союза, перед всем миром предстали обнаженными люди, преступления которых вызывают священную ненависть масс, справедливое требование народа — раздавить гадину, беспощадно уничтожить ее физически, чтобы она не отравляла чистого воздуха нашей социалистической родины.

В своей глубокой по содержанию обвинительной речи, построенной на точных исторических фактах, Прокурор Союза ССР т. Вышинский дал глубокий анализ того пути, который проделал троцкизм в его борьбе с партией и советской властью на протяжении всей своей истории, того пути, который привел эту бандитскую шайку к кошмарным, злодейским преступлениям против дела рабочего класса и социализма.

Тов. Вышинский раскрыл и показал, что не случайна та разбойничья, вражеская позиция, которую занимают Троцкий и троцкисты по отношению к Стране социализма, что не случайны и те подлейшие кровавые методы борьбы, которыми они пользуются против диктатуры рабочего класса, против социалистического государства рабочих и крестьян.

Тов. Вышинский показал, как на протяжении всей своей политической авантюристической деятельности враг народа Л. Троцкий, прикрывавшийся сверхреволюционной фразой, никогда не стоял на пролетарских революционных позициях марксизма—ленинизма, что и в те годы, когда он был в рядах нашей партии, Л. Троцкий не только не пришел к Ленину, но, наоборот, всегда боролся против Ленина, всегда держал за лезвием остро отточенный нож для того, чтобы в трудный для Страны советов момент всадить его в спину рабочему классу, в спину трудящимся массам, чтобы в первую очередь поразить авангард трудящихся — нашу стальную и славную ленинско-сталинскую партию.

Под руководством своих гениальных учителей Ленина и Сталина партия в борьбе на два фронта — против контрреволюционного троцкизма и правых разоблачила и до конца разгромила своих врагов, привела нашу страну к полной и бесповоротной победе социализма. Об этой победе и торжестве социализма над его врагами говорят материалы.

Обвинительная речь т. Вышинского имеет большое и актуальное политическо-воспитательное значение. Она мобилизует партию и трудящиеся массы нашего Союза на разоблачение, выкорчевывание остатков притаившихся врагов СССР — бандитов троцкистов и зинovieвцев, на дальнейшее и еще большее укрепление нашего социалистического общества, на-

шего социалистического государства рабочих и крестьян, идущего под руководством великого Сталина от победы к победе по пути построения коммунистического общества.

К. Тройников

А. Я. ВЫШИНСКИЙ — Государственное устройство СССР. Огиз. «Советское законодательство», 1936, стр. 48. Цена 35 коп.

Рецензируемая брошюра т. Вышинского представляет значительный интерес не только как популярное изложение основ государственного устройства СССР, но и как работа, которая может послужить введением в изучение нашего государственного устройства и для квалифицированного читателя. Рецензируемая работа дает советскому читателю не только знакомство с нашим государственным устройством по старой и новой конституции, но и обширные сведения в области государственного устройства буржуазных стран. В небольшой по объему работе автор сумел нарисовать картину государственного устройства СССР в сравнении с буржуазными странами, обосновать свои положения многочисленными ссылками на основоположников марксизма и дать критический анализ высказываний целого ряда государствоведов: Монтескье, Беджота, Эсмена и других.

Свою работу т. Вышинский начинает с показа социально-экономических изменений, происшедших в стране в связи с победой генеральной линии партии, с победой социализма. Эти победы были одержаны в труднейших условиях борьбы с врагами партии и народа и, прежде всего, с презренными агентами Гестапо — контрреволюционными троцкистско-фашистскими бандами.

Далее автор излагает основы учения о диктатуре пролетариата и сломе буржуазной государственной машины и учение о советах как государственной форме диктатуры пролетариата. Говоря о Конституции 1918 г., т. Вышинский показывает, что уже в первые годы революции, в период военного коммунизма, советская демократия была в тысячу раз демократичнее самой демократической буржуазной конституции.

В неоднократных противопоставлениях нашего государственного устройства государственному устройству буржуазных стран красной нитью проходит в брошюре положение, что государственное устройство СССР принципиально различно от государственного устройства буржуазных стран.

Говоря об органах управления Союза ССР и союзных республик, т. Вышинский обращает внимание читателя на точную и четкую классификацию государственных органов в новой Конституции Союза ССР, которая разделяет все государственные органы на следующие категории: 1) высшие органы государственной власти; 2) органы государственного управления; 3) местные органы государственной власти.

Тов. Вышинский подчеркивает далее важность классификации постановлений власти, как она устанавливается новой Конституцией, которая вводит следующие категории постановлений: 1) закон, 2) указ, 3) распоряжение и постановление и 4) приказ и инструкция.

Особый интерес в работе т. Вышинского представляет изложение им буржуазной теории разделения властей, ее классового смысла и критика этой теории. Тов. Вышинский говорит:

«Теория разделения властей» — очень удобная для буржуазии теория. В действительности, как мы это подчеркивали уже выше, власть в государстве едина: здесь нет «властей», а есть власть; здесь нет разделения властей, а есть единство власти.

Сам Монтескье на примере Венеции показал, что даже при внешнем, формальном разделении властей — законодательная власть у большого совета, исполнительная — у 12 сенаторов, избранных из членов большого совета, судебная — у ютделения большого совета в числе 40 сенаторов, членов большого совета, «все эти трибуналы состоят из должностных лиц одного и того же сословия, вследствие чего они представляют собой одну и ту же власть».

На примере Парижской коммуны — этого прообраза советов автор показывает, почему коммунисты являются противниками системы разделения властей.

«Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества, — писал Ленин, — Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами про верить то, что долучается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями».

Отрицание разделения властей нами не означает их смешения. Тов. Вышинский пишет: «В этом (государственном — Х. Ш.) аппарате должны быть разграничены отдельные функции государственного строительства. Здесь не может быть допущено смешения или пересечения функций, не может быть подмены закона и законодательной функции исполнительными распоряжениями и исполнительной функцией. Здесь не может быть стерта разница между высшими законодательными органами и органами подчиненного управления.

Новая Конституция с исключительной четкостью определяет компетенцию законодательных органов и органов исполнительных, исключая какую-либо возможность смешения принадлежащих этим органам функций».

Значительное место в рецензируемой работе посвящено суду и прокуратуре. Автор рассматривает вопрос о работе суда и прокуратуры не только в разрезе главы 17 Конституции, но и с точки зрения тех задач, которые ныне встают перед советским судом в связи с переустройством всех органов пролетарской диктатуры на основе величайшего документа современности — сталинской Конституции.

Автор в ярких красках показывает процесс расцвета советской судебной демократии, расцвета революционной законности, социалистического права.

Тов. Вышинский заканчивает брошюру следующими словами:

«Весь советский строй озарен лучами высоко поднявшегося над необозримыми просторами нашей родины, ярко сверкающего солнца социализма.

Освобожденный, победивший, поднятый к творческой работе советский народ строит но-

вое общество, где навеки побеждено прошлое, где царит равенство и братство народов, где в радостном труде соревнуются миллионы и миллионы людей, творящих новую, светлую, радостную социалистическую жизнь.

Новая Конституция — Конституция великих побед трудящихся нашей страны и трудящихся всего мира. Новая Конституция — кодекс великих завоеваний, добытых в героической борьбе трудящихся против эксплуататорского старого мира. Новая Конституция — основа дальнейших и новых побед освобожденного труда, основа дальнейшей борьбы за новый мир, за коммунизм».

Работа т. Вышинского — одна из лучших брошюр, написанных о нашем государственном устройстве. Несмотря на огромный тираж, книга эта разошлась в несколько дней. Необходимость ее переиздания назрела уже до VIII Съезда советов, а после исторического доклада товарища Сталина на VIII Съезде советов Союза ССР, после принятия ряда изменений к проекту Конституции необходимость переиздания рецензируемой книги особенно актуальна. Само собой разумеется, что второе издание должно отразить то новое, что внесено замечательным докладом товарища Сталина на Чрезвычайном VIII съезде советов и работами съезда в целом.

Х. Шварц

ЯХНИЧ — «Краткое руководство по ведению предварительного следствия» (под ред. М. Строговича, изд. Института уголовной политики, Москва, 1936 г.)

Новая сталинская Конституция уделяет особое внимание суду и прокуратуре, подчеркивая этим исключительное значение органов советской юстиции, стоящих на страже социалистической законности. В связи с этим с особой остротой перед нами стоит задача повышения качества всей работы и в особенности качества расследования, определяющего всю дальнейшую судьбу возбужденного дела и, следовательно, связанных с данным делом людей.

Между тем именно в этой области, являющейся для нас центральной, мы до сих пор сталкиваемся с крупнейшими недостатками, приводящими зачастую к необоснованному привлечению к уголовной ответственности, преданию суду и неосновательному осуждению.

Повышение своей квалификации, овладение юридическим образованием, а не только элементарной юридической грамотностью — важнейший залог преодоления этих недостатков. С этой точки зрения надо приветствовать то, что Институт юридических наук выпустил целый ряд пособий по методике и технике расследования, помогающих нашим следственным работникам овладеть юридическими знаниями.

Серьезность стоящих перед нами задач возлагает особую ответственность на авторов этих работ за их содержание, глубину и качество в целом.

Рецензируемая работа т. Яхнич, как указано в титульном листе, является практическим пособием для следователей и прокуроров и учебным пособием для юридических школ и курсов.

Достоинством работы является популярное, доступное изложение техники проведения и правил процессуального оформления основных следственных действий с приложением в качестве иллюстраций к каждому очерку образцов отдельных следственных актов. В семи сжатых очерках автор рассматривает следующие вопросы: возбуждение уголовного дела, план расследования, методика и техника допроса, предъявление обвинения и допрос обвиняемого, окончание предварительного следствия и ознакомление обвиняемого с материалами дела, обвинительное заключение и методика его составления, вещественные доказательства.

Существенный недостаток работы т. Яхнич в том, что целый ряд этих важнейших вопросов излагается им упрощенно и поверхностно (например, очерк IV, VI и VII). Недостаточно тщательно огобраны автором также и образцы следственных актов.

В своем первом очерке «О возбуждении уголовного дела» автор правильно предостерегает против неосновательного возбуждения уголовного дела, указывая на важность составления требуемых законом процессуальных документов о возбуждении уголовного дела и о принятии дела к своему производству. Отмечая важность постановления о возбуждении уголовного дела, автор указывает, что «...постановление о возбуждении уголовного дела в известной мере предопределяет объем предварительного расследования, что предотвращает случаи собирания следователем ненужных материалов и расследования фактов, не имеющих прямого отношения к делу.

Правильно составленное постановление о возбуждении уголовного дела, указывая конкретно сущность преступления, по поводу которого будет производиться следствие, дает возможность сразу же определить круг вопросов, подлежащих расследованию, а, с другой стороны, — следователь, отражая в постановлении материалы, которыми он располагает, имеет возможность наметить, какие еще данные ему необходимы для установления того или иного факта» (стр. 5).

Указанные здесь вопросы определяются не столько постановлением о возбуждении уголовного дела, сколько намечаемым следователем планом расследования, значение которого совершенно справедливо подчеркивает автор в своем втором очерке. Правильно указывает автор на динамичность плана расследования, на изменение его в самом процессе расследования. Автор дает три варианта плана, указывая три различных положения, в которые может быть поставлен следователь при получении материала, содержащего указание на конкретное преступление.

Нельзя согласиться с рекомендуемым автором проектом плана расследования при получении следователем материала, свидетельствующего о совершении нескольких преступлений. Автор рекомендует составление нескольких планов расследования отдельно по каждому эпизоду. Это неправильно, ибо если несколько преступлений, о которых указывает поступивший материал, совершены одним лицом, или одной группой, т. е. представляют собой одно следственное дело, то нельзя составлять по этому делу несколько планов. Следуя указаниям автора, следователь теряет перспекти-

ву по данному делу. В пределах одного плана должно найти место расследование отдельных эпизодов настоящего дела, но это расследование должно быть связано единой нитью, дающей возможность не терять перспективу дела. Правильно указывает автор на необходимость составления, помимо планов по каждому возникающему делу, календарного плана работы, которым следователь планирует имеющееся в его распоряжении время для осуществления всей работы в целом.

Особое значение в работе следователя имеет правильная постановка методики и техники допроса как свидетеля, так и обвиняемого. Этому вопросу автор посвящает два очерка — III и IV. Более подробно автором разработан вопрос о методике и технике допроса свидетелей. Однако при этом автор, пытаясь разрешить эти два вопроса, путает вопрос о методике допроса свидетеля и вопрос об оценке свидетельских показаний. При этом совершенно отчетливо выступает у автора недооценка роли внутреннего убеждения при оценке свидетельских показаний. Так, автор пишет: «Свидетелем может быть каждый человек (за исключением психических больных), и оценка показаний свидетеля производится судом, исходя из совокупности всех данных (доказательств дела» (стр. 29).

Если методика допроса свидетелей разработана сравнительно более или менее детально, то очень мало места уделено методике допроса обвиняемого. Автор неправильно, в силу неконкретной постановки им этого вопроса, оценивает значение сознания обвиняемого в совершенном им преступлении. Автор указывает, что «Признание обвиняемым своей вины не должно являться единственным доказательством в деле, обвинение должно базироваться на других, достаточно твердых, объективных доказательствах. Поэтому следователь вовсе не должен добиваться сознания обвиняемого, а должен направлять все усилия к тому, чтобы объективно и точно исследовать все обстоятельства дела» (стр. 48).

Это указание правильно, поскольку оно относится к большинству общеуголовных дел. Однако оно совершенно неправильно, когда речь идет о преступлениях государственных и в особенности преступлениях контрреволюционных. В этих случаях признание обвиняемого может являться, при отсутствии других доказательств, достаточным объективным доказательством виновности. В целом автором вопрос о методике допроса обвиняемого недо разработан.

Надо согласиться с указанием автора в очерке «Окончание предварительного следствия» о необходимости ознакомления каждого обвиняемого по делу со всем материалом дела, независимо от того, прямо или косвенно этот материал к нему относится, ибо обвиняемый должен знать весь материал, идущий в суд. Точно так же правильно указание на необходимость ознакомления обвиняемого с дополнительными материалами, которые собраны в связи с его ходатайством, заявленным им при предъявлении ему материалов следствия.

Подчеркивая значение обвинительного заключения в VI очерке и указывая на порядок составления обвинительного заключения, автор, однако, не дает методики составления обвинительного заключения, что является чрез-

вычайно существенным для работников расследования. К сожалению, до сих пор мы не имеем такой методики, хотя целый ряд опубликованных обвинительных актов особенно по крупнейшим процессам, может послужить прекрасным материалом для составления подобной методики. Достаточно сослаться на показывающие образцы стиля работы — обвинительные заключения, составленные по делам троцкистско-зиновьевского террористического центра и антисоветского троцкистского центра.

Не совсем удачен также и образец обвинительного заключения, на который ссылается автор по делу об убийстве гр. Каверинной, прилагаемый к данной главе (стр. 68—74), хотя само по себе это дело очень интересно с точки зрения роли ковенных улик. Это обвинительное заключение крайне многословно, изобилует многочисленными повторениями и не дает отчетливой картины собранных улик, подтверждающих правильность предания суду обвиняемого, каким должно быть прежде всего всякое обвинительное заключение.

В VII очерке «Вещественные доказательства» имеются некоторые путаные положения. Так, в сноске к стр. 75 автор указывает, что документы не являются вещественными доказательствами. Однако в целом ряде мест, в частности на стр. 79, автор говорит о приобщении к делу осмотренных предметов или документов в качестве вещественных доказательств.

Одновременно надо отметить неряшливость изложения в некоторых местах рецензируемой работы. В книге также очень много опечаток. Все эти недостатки значительно снижают полезность этого популярного практического руководства.

Такое краткое руководство по ведению предварительного следствия нам крайне необходимо, но, учитывая требования, которые к нам сейчас предъявляются, к разрешению этой задачи нужно подойти с большей серьезностью и большей тщательностью, чем это сделал автор настоящей книги.

А. Шляпочников

КАЗИМИР СТОЛЯРОВ — «Слово о жизни». Рассказы. Издание КВО Дмитлага НКВД, 1936, стр. 72.

Автор рецензируемой книжки рассказов — Казимир Столяров — сам получил «путевку в жизнь» в Дмитлаге, прошел здесь «перековку», о которой в рассказе «Золотая рота» пишет: «Я, Казимир Столяров, некогда осужденный в лагерь за мерзкое преступление, сделался курсантом и через десять дней стану советским лейтенантом».

«Мне памятен день, когда поезд привез меня на глухую маленькую станцию среди леса. Это было три года назад. Три года однообразной, тоскливой, мучительной жизни предстает мне, — думал я. Три года наказания за мое преступление. И как я ошибся. В эти три года я закалился и выучился большому, чем за всю предшествовавшую жизнь.

Я был лагерником и получил ударные зачеты. Потом я остался на стройке вольнонаемным. Сейчас учусь сразу по двум линиям: я буду командиром и хочу стать писателем.

Я не смел мечтать, что мои первые, совсем неумелые писания попадут в Дмитров к на-

чальнику лагеря. Я не верил до того момента, пока передо мной не открылась дверь его кабинета и строгий приветливый человек сказал мне: «Не нужно говорить, Столяров, о том, что у вас нет необходимых знаний, нужно этими знаниями овладеть. Но у вас уже имеется нечто: жизненный опыт, а это много для начинающего писателя. Вам всегда надо помнить об удивительном жизненном пути А. М. Горького. И еще он сказал мне: «Вам будут созданы условия для работы и занятий. Остальное будет зависеть от вас» (К. Столяров «Слово о жизни» стр. 66—67).

Пусть не посетует читатель за эту пространный выдержку из книжки Столярова, ибо здесь раскрывается полностью психология самого автора и тем самым его отношение к тем персонажам, которые фигурируют в его рассказах.

Книжка содержит три небольших рассказа: «Слово о жизни», «Два товарища» и «Золотая рота». Все рассказы объединяет одна идея — борьба между силой прошлой, крепко цепляющейся преступной жизни и новой силой, силой всего честного работающего лагерного коллектива, силой всей обстановки, силой, слагаемой из многих больших и «малых» дел наших славных чекистов, силой, выводящей на дорогу новой, светлой жизни.

Подлинное знакомство автора с бытом, стремлениями и переживаниями лагерников делает эту маленькую книжку особенно привлекательной, живой и интересной.

В рассказе «Слово о жизни» Иван Семенюк с трибуны районного лагерного слета в выразительных и простых словах говорит о своей прошлой жизни, повлекшей его на путь преступлений. Имperialистическая война, сиротство Ивана, смерть матери, дальше беспризорность, далее длинная цепь преступлений и среди них — кража крупной суммы денег у кулака. Свое кулацкое хозяйство, созданное на эти деньги. Бездушное кулацкое стяжательство и издевательство над соседом-бедняком. Раскулаченным попав в лагерь, Иван Семенюк решил, что все пропало. Ни к чему рук приложить не мог. «Не мое — чего же стараться», так кратко сформулировал он свое положение. Однако лагерная жизнь диктовала необходимость браться за какую-либо работу. И Иван Семенюк стал конюхом. Работа незаметно подводит его к полному перелому. Семенюк сам отчетливо ощутил этот перелом после штурмовой ночи при спасении экскаватора «Ковровец» от затопления. Иван Семенюк — бывший вор, беспризорник, затем кулак становится ударником, входящим новым человеком в жизнь. Вот фабула первого открывающего книжку рассказа.

Второй рассказ «Два товарища» — еще резко ставит вопрос борьбы между старой и новой жизнью, между воровской моралью, написанными нормами преступного мира и формирующимся новым мировоззрением лагерника. Лагерник Абыдалов, выдвинутый в вооруженную охрану лагеря, в критический момент стреляет, не дрогнув, в своего закадычного по прошлой преступной жизни друга Тимошку, пытающегося организовать побег. Этот Тимошка однажды спас жизнь Абыдалову, но несмотря на это Абыдалов не поколебался перед исполнением долга более важного, чем благодарность за услугу.

Третий рассказ — «Золотая рота» является итогом борьбы указанных выше двух противоположных сил. Само заглавие рассказа уже определяет его содержание. Под именем «Золотой роты» подвизается целый коллектив людей, в прошлом — отъявленных воров всех специальностей, продолжающих вести, наряду с кулаками, разлагательскую работу и в лагере. Хорошо показана фигура Мишки Цыгана — бригадира этой бригады золотых отказчиков от работы, спящих воровскими «законами» под предводительством Цыгана.

После длительной, упорной работы над этой бригадой, путем бесед, посредством стенной газеты и других мер сопротивление ее было сломано.

Жизненная правдивость выведенных авторами персонажей и правильный показ перелома в их психике, знание среды, о которой пишет автор, — вот те достоинства, которые прежде всего оказались в книжке.

Книжка имеет и ряд недостатков. Прежде всего надо сказать, что весь процесс перековки рисуется, если можно так выразиться, в безвоздушном пространстве. Не показана совсем роль работников НКВД в лагере. Выходит, что перековка осуществляется как-то сама собой — самоотемом. Эта абстрактность, оторванность от повседневной будничной работы лагеря по перевоспитанию человеческого сознания является большим пороком не только рецензируемой книжки, но и целого ряда других книг на эту тему. Не бывает так в жизни, что наличие топора, лопаты или кирки в руках лагерника уже гарантирует его перековку. А в наших книжках сплошь и рядом все строится по такой схеме. Сначала не работал — был злостным отказчиком, потом взял кирку или лопату, стал выполнять, а потом и перевыполняя норму, получил значек ударника... «перековался».

Конечно, это не легкое дело — показать сложный процесс переделки человеческого сознания, всю сумму мер, приемов, тактики и стратегии перековки; трудно уловить момент перелома в сознании лагерника, незаметно приходит перелом часто и для него самого, но сделать это необходимо.

Нельзя не показывать в такого рода книжках громадной культурно-воспитательной работы, проводимой в лагерях систематически по всем линиям. Повышение культурного уровня лагерника идет рядом с ростом его производственных успехов. Сознание обреченности воровской «профессии» в социалистических условиях приходит не сразу, оно появляется с ростом политической грамотности, сознательности и общего культурного уровня. Мало этого, эти процессы идут и не могут не идти на основе успехов на всех участках — в области экономики, политики, социалистической культуры и т. д. в нашем социалистическом государстве. Жизнь страны, социалистические интересы, задачи ближайших дней и большие планы не могут проходить мимо лагеря. Все эти стороны также не затрагиваются в рассказе Столярова. Короче говоря, всей обстановки «перековки» не дано. Откуда берется перелом, откуда же рост сознательного отношения к труду — эти вопросы остаются без ответа.

Несмотря на эти пробелы книжка К. Столярова — хорошая, правдивая и интересная

книжка о работе наших исправительно-трудовых лагерей, в которых чудесные превращения закоренелых преступников в ударников, знатных людей, мастеров стройки, честных сынов своей родины стали повседнежным явлением, обычным делом.

А. Лаптев

СЕРГЕЙ МАТВЕЕВ, «Жизнь», стихи. Издание культурно-воспитательного отдела Дмитлага НКВД 1936 г.

Автор небольшой книги стихов под скромным и в то же время обязывающим названием «Жизнь» — старый вор-рецидивист, неоднократный гость исправительно-трудовых лагерей, беспрозорный в детстве, бродяга в недавнем прошлом, — тяжелейший материал для перековки, — один из тех, кого буржуазная криминология относит к числу «неисправимых». Эту «неисправимость» буржуазная теория объясняет «врожденными» свойствами, биологическими особенностями, приобретенными преступником еще в «тробе матери».

Исправительно-трудовые лагеря заслужили почетную славу своими достижениями по массовой переделке сознания самых «трудных» и «запущенных», самых «неисправимых» преступников. Механизмы этой переделки частично вскрыли книги «Беломорстрой», «От преступления к труду» (И. Авербах) и замечательная статья М. Горького «Воспитание правдой» («Правда» и «Известия» 4 августа 1933 г.), написанная им в связи с окончанием строительства Беломорско-Балтийского канала. Но изучение этого механизма заслуживает гораздо большего внимания, ибо он являет собою наиболее трудный участок борьбы за нового социалистического человека, за накопление того ценнейшего людского капитала, ценить который научил нас товарищ Сталин.

Стихи Сергея Матвеева, помимо их литературно-поэтических достоинств, интересны как человеческий документ, помогающий понять механизм превращения лагерями преступников в людей социалистического труда и дающий образную картину процесса этой переделки в изображении одного из «перековываемых».

Сергей Матвеев еще не порвал всех связей с прошлым. Самые прочные из этих связей, таящиеся в его сознании, еще достаточно сильны в нем. Чисто внешне это проявляется в том, что, как поэт и будущий мастер слова, он черпает еще часть своего словесного материала из «блатной музыки», из воровского жаргона. Скупые строки его стихов пестрят еще такими словечками, как «подобранные ключи», «коли фарт засветит», «марашет», «ширмачи» и «отмычки». Не случайно Матвеев и в поэзии считает себя «всесветным вором, крадущим и ритм и тон», мечтающим «украсть «для ребят» «с небес далеких млечный дым».

Но грандиозная, захватывающая стройка, твердая направляющая рука руководителей лагеря — инженеров души и четкая система лагерного режима делают свое дело. Старые нити рвутся. Бродяга и вор, беспрозорный и рецидивист заражается пафосом строитель-

ства и твердо ставит ногу на недавно еще непонятный и враждебный берег.

Много ярких строк посвящает Матвеев этому процессу похорон прошлого и рождения нового.

Теперь меня не обмануть,
Не заманить к тому, что было, —
По-новому здесь дышит грудь,
И новой кровью полны жилы.

По гляncy рельсов пламень глины
В гробах вагончиков гоню —
Так прошлое я хороню
В тяжелых дамбах у плотины.

Этот мотив часто повторяется у Матвеева и одевается в разные образы. Трудная работа над ломкой своего прошлого звучит в его стихах в пестром разнообразии звуков:

Ломаю голос, зрение и слух свой,
Учусь иначе жить и говорить,
Чтоб прошлому бесповоротно рухнуть
В строительстве бекклассовой Зари.

Чем же объясняется этот отказ от прошлого, почему лагерник сбрасывает «воровскую судьбу» свою и творит «разбойными руками новую жизнь»?

Ответ на этот вопрос и раскрывает нам тайну мастерства переделки людей. Трудной коллектив, социалистическая стройка канала, ударные бригады, батальоны, штурмующие трассу, — вот та лаборатория, в которой происходит переделка «человеческого шлака» в строителей социалистических каналов.

В «Поэме о перековке» Матвеев показывает, как «Колька Пан», один из «отходящего сброда», из «отбросов лагерного мира», стал

... . Неузнаваем:
Нашлась цель, открылась жизнь.
Непонятно...
Что случилось с ним? Он на пути
К прекрасной жизни. Мрачный тигр
Сумел от крови отойти,
Шофером стать на стройке знатным.

Это сделал канал, и нет такого стихотворения в книжке стихов Матвеева, в котором на живом примере вора-тридцатипятника не показал бы он, как стройка канала была одновременно и стройкой нового человека.

Так будет. Мой отряд, соединенный
Весельем песен, ветром молодым,
Идет на бой за сердца перековку,
За пять морей, за право жить —
на бой.

Несет отряд лопаты, как винтовки,
И рушится, как прошлое, забой.
У берегов Москвы, где с Волгой встреча,
Знамена гордо бьются на ветру.

Песнь труду все звонче и все победнее звучит в стихах недавнего принципиального противника труда:

Я, очарованный цементчик,
Слагаю песенки труду,
А надо мною волжский вечер
Роняет дальнюю звезду.

Пою неслыханным наречьем
И про себя и про бетон,
И слушает безлунный вечер
Нестройных песен робкий звон.

И тем замечательней и этот труд, который воспевает Матвеев, и эта песнь, которую он поет о труде, что это — труд недавних противников трудовой жизни и что только в нашей стране мыслимо, чтобы сам в прошлом вор-тридцатипятник пел:

... Я первый песней и горячей речью
Воров и проститутток славлю труд.

Матвеев не один; рядом с ним шеренги таких же познавших на строительстве канала радость и пафос труда. Более того, Матвеев и его товарищи по работе учатся не просто работать и не просто любить труд, а работать коллективно и любить труд. Лагерь ставит себе задачу воспитать в заключенных социалистическое отношение к труду, а социалистический труд — это прежде всего труд коллективный. И Матвеев показывает, как лагерники вовлекаются именно в коллективный труд. «Соединенный отряд», «боевые бригады», «лихой отряд», «ударников река», — вот кого воспевает Матвеев. Даже песня его — это «отрядная песня».

Не ширмачи идут с вокзалов
Искать судьбу по кошелькам,
Нет. У строительного вала
Бурлит ударников река.

На подступах стального строя
На дне шлюзов заложен путь,
Что даль кудрявую откром
И снимет с глаз ночную муть.

За блеск морей под стягом алым
Деремся мы, и кровь горит,
И солнце с волнами канала
О нашем счастье говорит.

В этой коллективной работе у лагерников рождается новое чувство, новая привязанность. Новая гордость. Она связана с одним — со стройкой, с каналом. Как называет канал прежний бродяга и враг труда? У него нет для него иных слов, как «радостный канал». «канал чудесный», «светлый канал». Он мечтает о встрече берегов Волги с Москвой, о прибое «морских волн в Москве», о том, —

Чтоб Волга стала на излом
И вышла на московский берег.

Так совершается великий перелом в сознании вора и преступника. Отпетый бродяга и ширмач может смело сказать: «Да, осталось страшное далеко или «Теперь я матрос на фронте».

— Ну, спасибо советской власти
Научила жить для труда.

Но эта победа не всегда легко дается и работникам лагерей и заключенным. Людской

материал, получаемый лагерями, часто бесконечно труден. Срывы ждут работников на каждом шагу. Герой «Поэмы о перековке» «Колька Пан» готов в лагере «полоснуть ножом» заключенную Ирину за то, что она «ушла от прежних дней». И в стихах своих Матвеев вспоминает об изоляторе, — но вместе с тем и показывает, что изолятор это только

... заминка в пути.
Это только остатки проклятой
Черной мути, что разум мутит.
Матвеев это хорошо знает. И он с полным правом заявляет:
Если Волга от Каспия моря
Устремилась уйти в этот век,
То и я от разбойного горя
Отойду, — я еще человек.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый тов. Вышинский!

В журнале «Социалистическая законность» № 11 1936 г. опубликована ваша речь на оперативном совещании при прокуратуре УССР, в которой есть такое место: «Старая болтовня о мобилизации общественного актива, групп содействия — это все уже должно куда-то отойти. Сейчас нужно другое».

Это место вашей речи непонятно.

К указаниям вашим прислушиваются работники прокуратуры всего Союза, считают их своими основными практическими указаниями, и естественно, что многие уже сделали и делают такой вывод — коль общественный актив, группы содействия являются старой болтовней, то этим делом и заниматься не следует.

Так ли нужно понимать вас?

Тогда как же должен быть поставлен вопрос об участии общественности в работе прокуратуры?

Мы не можем и не должны отказаться от работы с общественностью. Последние годы работы наглядно и убедительно показали, как может быть велика роль общественности в деле борьбы за социалистическую законность, в деле борьбы с преступностью и особенно в части профилактики преступлений.

Десятки и сотни передовых рабочих, колхозников и служащих работают в активе прокуратуры и в сотнях случаев оказали прокуратуре в деле борьбы за социалистическую законность огромные услуги.

Можно привести десятки фактов из опыта работы общественности нашего края (Азово-Черноморский).

Весь край знает нашего лучшего активиста т. Бабминдру, колхозника-стахановца колхоза «Красный партизан» Армавирского района, который уже много лет помогает прокуратуре. Он старейший селькор многих газет. Тов. Бабминдра борется с преступностью, разоблачает, предостерегает, воспитывает в колхозниках чувство уважения к закону, прививает им качества нового человека, социалистические качества.

За один только 1936 г. т. Бабминдра дал районному прокурору больше ста сигналов, по которым во многих случаях были разоблачены преступники, во время вскрыты прязные делишки гемных людей и тем самым предупреждены тяжелые преступления. Часто можно видеть этого старика, обходящего владения своего колхоза, присматривающегося к неполадкам, а затем идущего в правление

колхоза, где он добивается устранения обнаруженных им неполадок, и если там ничего не получается, то он идет к прокурору или пишет ему. Часто его можно видеть в кругу колхозников, где он просто и понятно разъясняет советские законы.

И не только Бабминдра. Можно назвать в числе передовых активистов тт. Чеботарева — орденоносца-колхозника, донского казака Глубокинского района, Привалова, рабочего-стахановца Сельмаша, Сатарова, Прутова, Орлова и многих других. Эти люди уже срослись по-деловому с работой прокуратуры.

По-моему нужно отказаться не от общественности, а от болтовни вокруг общественности. Подчас мы действительно много шумим, говорим и пишем об активе, а мало занимаемся отбором действительных активистов, мало воспитываем свой актив.

Сейчас нужно поощрять работу с активом, работу по организации общественности вокруг прокуратуры. И было бы чрезвычайно полезно, если бы Прокуратура Союза разрешила вопрос о какой-то единой форме участия общественности в работе прокуратуры, а то мы имеем и группы содействия прокуратуре, и секции ревзаконности при советах, и сигнальные посты и соцсовместителей.

Не в меньшей мере имеется потребность в выработке единого положения, кстати имеющегося сейчас «Положение о группах содействия прокуратуре», изданное Прокуратурой РСФСР еще в 1933 г., во многом устарело, отстало от жизни.

Пом. крайпрокурора АЧК

А. Коновалов

Прокурор Армавирского района

И. Яковенко

Ответ товарищам Коновалову и Яковенко

Вам кажется непонятным то место моей речи на оперативном совещании при прокуратуре УССР, где я говорю об отношении к группам содействия и нашему общественному активу, вы считаете, что если я говорю о «старой болтовне о мобилизации общественного актива», то, следовательно, этим делом заниматься не нужно, разумея под «этим делом» не болтовню, о которой я говорил, а работу общественного актива.

Такое ваше понимание моих слов является очевидным недоразумением. Кажется, у меня

сказано ясно: «Старая болтовня о мобилизации общественного актива, групп содействия— это должно уже куда-то отойти. Сейчас нужно другое».

Ясно, что речь идет о болтовне о мобилизации актива, то есть о том, что надо перестать болтать на эту тему, а этой болтовней у нас занимаются, к сожалению, очень много и дальше этой болтовни не идут. В чем заключается эта «болтовня»? В том, что вместо действительной мобилизации актива и вместо правильного использования этого актива в соответствии с нашими законами, вместо систематического и повседневного руководства работой этого актива, вместо того, чтобы получать помощь от актива, некоторые (к сожалению, их не мало) прокуроры занимаются тем, что гонятся за количеством активистов, за количеством групп содействия, болтают и кричат о сотнях и чуть ли не тысячах «общественников», числящихся у них в активе, но в действительности никакого актива собою не представляющих. У этих прокуроров с этим тысячным общественным активом под носом совершаются там и здесь всевозможные злоупотребления, грубейшие нарушения закона, издевательства над правами и интересами граждан, над интересами советского государства. Несмотря на то, что у таких прокуроров имеются якобы тысячные активы, они не видят этих безобразий, так как болтают об активах, о группах содействия, но не работают с ними по-настоящему, не организуют действительной помощи.

Короче говоря, живое дело организации советской общественности вокруг задач революционной социалистической законности и борьбы с врагами нашей родины и врагами дела социализма они подменяют пустыми разговорами, забавляются болтовней о мобилизации общественного актива. палец о палец не ударяя для того, чтобы в действительности этот актив мобилизовать и поставить его работу на надлежащую высоту.

Когда я говорил, что все это должно куда-то отойти, что сейчас нужно другое, я говорил о необходимости перейти, наконец, от разговоров о «мобилизации» к делу. Нам нуж-

но сейчас не разговаривать только о мобилизации общественного актива, а нам нужно уметь по-деловому этот актив организовать, его правильно инструктировать и правильно его использовать.

Я имел в виду сказать и говорю это сейчас— нельзя играть в «мобилизацию общественного актива», как нельзя допускать, чтобы наши активисты, члены групп содействия своей работой и своей помощью прокурору подменяли работу прокурора, выступая вместо прокурора, выполняя обязанности прокурора, вплоть до совершения таких оперативных действий, которые закон предоставляет только прокурору. А разве у нас не мало случаев в практике групп содействия прокуратуре, когда отдельные члены этих групп содействия, вместо того, чтобы помогать прокурору, действуя под его руководством, по его поручению, в действительности действуют, как будто они и есть прокуроры, присваивая себе функции, права и обязанности, принадлежащие прокурору и возложенные законом на прокурора. Против этого я возражаю. Вот это делать я не рекомендую. Вот это, я считаю, «должно куда-то отойти». Вот вместо этого «нужно сейчас другое».

Что же нужно? Нужно, чтобы прокурор был прокурором, чтобы следователь был следователем. Надо, чтобы член группы содействия помогал прокурору, а не подменял или заменял прокурора, помогал следователю, а не заменял или подменял следователя. Это значит— надо пересмотреть функции групп содействия таким образом, чтобы они действительно содействовали прокурору в его работе, а не извращали вместе с прокурором существо прокурорских функций и прокурорских обязанностей. Речь идет не об ослаблении или тем более ликвидации групп содействия, а о перестройке их работы и об уточнении их правового положения. Положение о группах содействия прокуратуре, изданное прокуратурой РСФСР в 1933 г., разумеется, устарело и в ближайшее же время будет заменено союзным «Положением о группах содействия прокуратуре».

А. Вышинский

Официальный отдел

О ПОДПИСИ НА БУМАГАХ, АДРЕСУЕМЫХ В ПРОКУРАТУРУ СОЮЗА

Обращаю внимание на то, что в целом ряде случаев подписи на бумагах, присылаемых с мест в Прокуратуру Союза, настолько неразборчивы, что очень трудно, а иногда и вовсе невозможно установить фамилию лица, от которого документ исходит. Это вызывает совершенно ненужную потерю времени на «расшифровку» непонятных подписей.

Предлагаю впредь обеспечить такой порядок подписания документов, чтобы подписи были вполне разборчивы.

Прокурор Союза ССР
А. ВЫШИНСКИЙ

10 февраля 1937 г. № 6/1.

О ТОЛКОВАНИИ СТ. 128 КОНСТИТУЦИИ СССР

В связи с появлением в печати толкования ст. 128 Конституции Союза ССР в том смысле, что в силу этой статьи органы власти не могут иметь доступа в жилища граждан без санкции прокурора и что также обеспечивается и тайна переписки (Н. В. Крыленко, Сталинская Конституция в вопросах и ответах, стр. 56—57), предупреждаю органы прокуратуры, что такое толкование является неправильным.

По прямому смыслу ст. 128 Конституции Союза ССР эта статья, провозглашая, что неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом, тем самым

исключает всякое противозаконное вторжение в жилища или противозаконное нарушение тайны переписки, но ни в какой мере не устраняет и не изменяет действующих ныне законов, определяющих собой условия и порядок доступа органов власти в жилища граждан для производства тех или иных законных служебных действий (для опыты имущества, для обыска, для производства административного или судебного высылки и т. п.), а равно и определяющих собой условия и порядок изъятия в установленных законом случаях почтовой корреспонденции тех или иных лиц.

Поэтому ни для доступа подлежащих органов власти в жилища граждан, ни для изъятия правомочными органами почтовой корреспонденции граждан в качестве общей меры санкции прокурора не требуется. Такая санкция необходима лишь в тех случаях, когда она прямо предусмотрена в действующих законоположениях, например, в тех случаях, как доступ в жилище необходим для производства ареста соответствующего лица.

В то же время ст. 128 Конституции Союза ССР обязывает органы прокуратуры усилить свое наблюдение за тем, чтобы ни одно противозаконное вторжение в жилища граждан и ни одно противозаконное нарушение тайны переписки не оставалось без привлечения виновных в том лиц к законной ответственности.

**Прокурор Союза ССР
А. ВЫШИНСКИЙ**

11 февраля 1937 г.
№ 7/1.

О ПОРЯДКЕ ИСТРЕБОВАНИЯ ДЕЛ В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

В целях урегулирования порядка истребования прокуратурой из судов дел для просмотра их в порядке надзора приказываю:

1. В прокуратурах союзных республик, автономных областей, краевых и областных прокуратурах правом истребования дел для просмотра в порядке надзора пользуются только прокуроры указанных прокуратур или их заместители.

2. В Прокуратуре Союза ССР требования о высылке дел подписываются мною, моими заместителями и начальниками отделов, причем, прежде чем истребовать дело, начальник отдела обязан проверить, не было ли это дело уже предметом рассмотрения в одном из отделов Прокуратуры Союза.

Вторичное истребование дела может иметь место за моей или моих заместителей подписью.

Краевые и областные прокуроры на вторичное истребование дела должны запрашивать разрешения прокурора Республики.

**Прокурор Союза ССР
А. ВЫШИНСКИЙ**

О РАБОТЕ ПРОКУРАТУРЫ СТАЛИНГРАДСКОЙ Ж. Д.

§ 1.

Произведенным главной прокуратурой железнодорожного транспорта обследованием работы прокуратуры Сталинградской ж. д. установлено:

1. Работа прокуратуры по борьбе с крушениями на дороге поставлена неудовлетворительно. Указание главной прокуратуры железнодорожного транспорта от 12 ноября 1936 г. о расследовании дел в трехдневный срок не выполняется: в расследовании дел нет оперативности, а сроки расследования дел чрезвычайно велики.

2. Следственный надзор прокурором дороги и участковыми прокурорами поставлен слабо. Требование о составлении обоснованных, развернутых постановлений при возбуждении уголовных дел прокурорами не выполняется. Руководство прокуроров следствием недостаточно.

3. Несмотря на многочисленные факты простоя вагонов под погрузкой и выгрузкой, прокуратура не ведет борьбы с этими преступлениями. За полгода (июль—декабрь 1936 г.) возбуждено лишь одно дело. Прокурор дороги не имеет сведений о простоях и не поставил перед собой задачи знать о систематических простоях, чтобы воздействовать на виновных.

4. Работа прокуратуры по рассмотрению жалоб трудящихся неудовлетворительна. Сроки рассмотрения жалоб очень велики. Направляя жалобу на рассмотрение участковым прокурорам, прокурор дороги и его заместитель не дают никаких указаний, что нужно сделать по этим жалобам. Нет контроля за исполнением рассмотрения жалоб. Исключение в рассмотрении жалоб составляет прокурор Сальского участка т. Молодкин, который рассматривает жалобы в трехдневный срок и осуществляет контроль за исполнением рассмотренных жалоб.

§ 2.

Для устранения указанных недочетов предлагаю:

1. Неуклонно и точно выполнять указания главной прокуратуры железнодорожного транспорта от 12 ноября 1936 г. о сроках и методах расследования дел о крушениях. Расследование производить под личным наблюдением прокурора дороги или его заместителя.

2. Быть в курсе организационно-технических мероприятий, принимаемых руководством дороги в связи с расследованием причин крушения, и установить надзор за осуществлением этих мероприятий.

3. Обеспечить решительную борьбу с систематическими простоями вагонов как по вине работников железнодорожного транспорта, так и по вине клиентуры.

4. Строго выполнять требование о составлении обоснованных, развернутых постановлений при возбуждении уголовных дел.

5. В связи с неудовлетворительным состоянием работы прокуратуры Сталинградской ж. д. по рассмотрению жалоб трудящихся обязываю прокурора дороги:

а) Все жалобы, которые могут быть разрешены в дорожной прокуратуре, не передавать участковым прокурорам.

б) При передаче жалоб на рассмотрение участковым прокурорам давать указания по существу жалоб, установив контроль за выполнением этих указаний, а также прохождением и правильностью разрешения по существу.

ву жалоб, рассмотренных участковыми прокурорами.

в) Безоговорочно выполнять распоряжение главной прокуратуры железнодорожного транспорта о рассмотрении жалоб не позже чем 24-часовой срок и о сообщении результатов рассмотрения жалоб заявителям.

г) Установить практику выездов прокуроров на места и во все важнейшие пункты предприятия дороги для принятия жалоб и заявлений трудящихся и для разрешения их, по возможности, на месте.

д) К 1 марта 1937 г. представить мне доклад о работе по жалобам.

§ 3.

Отмечаю, наряду с этим, хорошую работу по рассмотрению жалоб прокурора Сальского участка г. Молодкина, который широко практикует опыт рассмотрения жалоб на местах, жалобы рассматривает в трехдневный срок, установил строгий контроль за исполнением рассмотрения жалоб, — объявляю ему благодарность.

Ст. пом. прокурора Союза ССР
главный прокурор ж.-д. транспорта
СЕГАЛ

13 февраля 1937 г.
№ 82/Т—17.

Сводка

важнейших постановлений правительства Союза ССР

за декабрь 1936 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Государство и управление

1. О ликвидации Главного управления пушно-мехового и охотничьего хозяйства (Главпушнина) Народного комиссариата внешней торговли—постановление СНК СССР от 23 ноября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 61, ст. 454).

2. Положение о Народном комиссариате юстиции Союза ССР—постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 455).

3. Об образовании Общесоюзного Народного комиссариата оборонной промышленности—постановление ЦИК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 63, ст. 461).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Планирование и учет

4. О формах первичного учета в сельских хозяйствах в 1937 г.—постановление СНК СССР от 9 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 63, ст. 462).

2. Транспорт

5. О размере процентов, начисляемых по претензиям и искам, возникшим из перевозки грузов и багажа железнодорожным и водным транспортом—постановление СНК СССР от 16 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 64, ст. 467).

III. ФИНАНСЫ

6. Об утверждении «Правил добровольного сверхокладного страхования посевов зерновых и бобовых культур» (СЗ 1936 г. № 61, ст. 453).

7. О фонде директора в предприятиях Народного комиссариата водного транспорта—постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 457).

8. О дополнении правил взимания земельной

платы—постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 64, ст. 465).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

9. Об утверждении инструкции Народного комиссариата пищевой промышленности Союза ССР и Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР «О порядке проведения обязательных поставок мяса государству в 1937 г.»—постановление СНК СССР от 23 ноября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 60, ст. 452).

10. Инструкция Народного комиссариата пищевой промышленности Союза ССР и Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР «О порядке проведения обязательных поставок мяса государству в 1937 г.», утвержденная постановлением СНК СССР от 23 ноября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 60, ст. 452).

11. Об изменении постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 26 декабря 1935 г. «О порядке подписания сделок по внешней торговле»—постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 459).

V. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

12. Об изменении ст. 1 постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 7 июня 1934 г. «Об организации водных транспортных судов и водной транспортной прокуратуры»—постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 456).

VI. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

13. О порядке взыскания штрафов, наложенных органами Государственной санитарной инспекции—постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1936 г. (СЗ 1936 г. № 62, ст. 458).

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Государство и управление

1. О разрешении образования в Белорусской ССР народных комиссариатов легкой, пищевой, лесной промышленности, зерновых и животноводческих совхозов—пост. ЦИК СССР от 22/XII 1936 г. (СЗ 1937 г. № 2, ст. 2).

2. О разрешении образования в Казахской ССР народных комиссариатов легкой, пищевой, лесной промышленности, зерновых и животноводческих совхозов—пост. ЦИК СССР от 3/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 5, ст. 10).

3. О структуре Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР—пост. СНК СССР от 5/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 5, ст. 13).

4. О разрешении образования в Узбекской ССР народных комиссариатов легкой и пищевой промышленности, зерновых и животноводческих совхозов—пост. ЦИК СССР от 9/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 6, ст. 15).

5. О разрешении образования в Туркменской ССР народных комиссариатов легкой и пищевой промышленности, зерновых и животноводческих совхозов—пост. ЦИК СССР от 9/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 6, ст. 16).

6. О разрешении образования в Таджикской ССР народных комиссариатов легкой и пищевой промышленности—пост. ЦИК СССР от 10/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 6, ст. 17).

7. О разрешении образования в Киргизской ССР народных комиссариатов легкой и пищевой промышленности, зерновых и животноводческих совхозов—пост. ЦИК СССР от 10/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 6, ст. 18).

8. О разрешении образования в Грузинской ССР народных комиссариатов легкой, пищевой и лесной промышленности—пост. ЦИК СССР от 11/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 6, ст. 19).

9. О разрешении образования в Азербайджанской ССР народных комиссариатов легкой, пищевой и лесной промышленности—пост. ЦИК СССР от 11/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 6, ст. 20).

10. О разрешении образования в Армянской ССР народных комиссариатов легкой, пищевой и лесной промышленности—пост. ЦИК СССР от 11/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 6, ст. 21).

2. Просвещение

11. О возложении на Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК Союза ССР утверждения планов грамофонной записи и контроля за качеством грамофонных пластинок—пост. СНК СССР от 3/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 8, ст. 29).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

12. О прекращении перераспределения лимитов на капитальное строительство, выделен-

ных отдельным стройкам на 1936 г.—пост. СНК СССР от 28/XII 1936 г. (СЗ 1937 г. № 4, ст. 8).

13. Об организации в системе Народного комиссариата тяжелой промышленности Главспецстали—пост. СНК СССР от 8/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 8, ст. 27).

2. Земля и сельское хозяйство

14. Об отчетности колхозов на 1937 г.—пост. СНК СССР от 20/XII 1936 г. (СЗ 1937 г. № 1, ст. 1).

15. Об отмене льгот по минеральным удобрениям для колхозов хлопковых районов и об оплате труда трактористов-колхозников в хлопковых МТС—пост. СНК СССР от 30/XII 1936 г. (СЗ 1937 г. № 4, ст. 9).

III. ФИНАНСЫ

16. Об утверждении инструкции Народного комиссариата финансов Союза ССР по применению постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 19 апреля 1936 г. «О фонде директора предприятия за счет прибыли»—пост. СНК СССР от 31/XII 1936 г. (СЗ 1937 г. № 3, ст. 5).

17. О государственном бюджете Союза ССР на 1937 г.—пост. ЦИК СССР от 13/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 7, ст. 22).

18. По отчету об исполнении государственного бюджета Союза ССР за 1936 г.—пост. ЦИК СССР от 13/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 7, ст. 23).

19. О сделках с валютными ценностями и о платежах в иностранной валюте—пост. ЦИК и СНК СССР от 7/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 8, ст. 25).

20. О мерах улучшения финансовой работы сельских советов—пост. СНК СССР от 29/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 9, ст. 31).

21. О порядке оплаты счетов за электроэнергию—пост. СНК СССР от 23/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 9, ст. 33).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

22. О реорганизации отделов рабочего снабжения водного транспорта—пост. СНК СССР от 15/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 8, ст. 28).

V. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

23. О дополнительном отпуске работникам станций механического учета—пост. СНК СССР от 23/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 9, ст. 32).

VI. СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

24. О повышении размера пенсий инвалидам гражданской войны и военной службы в рядах РККА, бывшим красногвардейцам и красным партизанам, а также женам семей этих лиц—пост. ЦИК и СНК СССР от 31/1 1937 г. (СЗ 1937 г. № 9, ст. 30).

Ответственный редактор **А. Я. Вышинский**

Редакционная коллегия: **Г. И. Волков** (зам. отв. редактора), **Г. И. Едвабный**, **Г. М. Сегал**, **М. С. Строгович**

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР

Технический редактор **Л. Васильев**

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, СССР, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 26/II—5/III 1937 г. Сдано в производство 9/III 1937 г.

Подписано к печати 21/IV—27/IV 1937 г. 7 п. л.; 18,09 авт. листа. В 1 бум. листе 220.800 зн.

Формат 72×110/16 Ю-4п.; 268. Уполном. Главлита Б—13934 Заказ № 102. Тираж 20.000 экз.

Набрано 1-й типографией Государств. военного изд-ва НКЮ СССР, ул. Скворцова-Степанова, д. 3

Отпечатано 15-ой типографией треста «Полиграфкнига», Москва, М. Дмитровка, 18.

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собран. законов и распоряжен. правит. СССР ст. 9) и «Бюллет. финансов. и хозяйственного законодат.» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 4655 (четыре тысячи шестьсот пятьдесят пятым)

**ВСЕСОЮЗНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТРЕСТ МЕЛКОСЕРИЙНОГО
И ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ВОССТАНОВЛЕНИЯ
ШАРИКОВЫХ И РОЛИКОВЫХ ПОДШИПНИКОВ „СОЮЗШАРТРЕСТ“**

Адрес: Москва, Шарикоподшипническая, 9

15

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание закон. и распоряжен. правит. СССР 1931 г. ст. 99 и «Бюллет. финансов. и хоз. законодат.» 1931 г. № 12) зарегистрировано в государственном реестре юридических лиц 16 октября 1936 г. под № 644 (шестьсот сорок четвертым)

**ОБЪЕДИНЕННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИНОГОРОДНИХ КОНТОР
ЖЕЛ.-ДОР. И ВОДНЫХ БУФЕТОВ СИСТЕМЫ ГУБТ НКВД СССР,**

находящееся в ведении Главного управл. ж.-д. и водн. буфетов и вагон-ресторанов.

Москва, Баррикадная, 6, тел. Д 2-16-46

16

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжен. правит. СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллет. финансов. и хоз. законодат.» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 4742 (четыре тысячи семьсот-сорок вторым) 19 февраля 1937 г.

**ТРЕСТ ПО ТОРГОВЛЕ И ОБЩЕСТВЕННОМУ ПИТАНИЮ
МОСКОВСКИЙ ТРЕСТ „ВОДТОРГПИТ“**

Адрес: Москва, ул. 25 Октября, 6

17

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правит. СССР 1931 г. ст. 99 и «Бюллет. финансов. и хозяйственного законодат.» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 593 (пятьсот девяносто третьим)

ДОРОЖНЫЙ ТРЕСТ ОКТЯБРЬСКОГО РАЙСОВЕТА,

находящийся в ведении президиума Октябрьского райсовета.

Адрес: Москва, ул. 25 Октября, 4, тел. К 4-29-03

18

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правит. СССР 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финансов. и хоз. законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 587 (пятьсот восемьдесят седьмым)

БАУМАНСКАЯ МЕЖРАЙОННАЯ КООПСТРАХКАССА,

находящаяся в ведении Мособлпромсоюзкасс

Адрес: Москва, Кривоколенный пер., 14

19

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 7 августа 1936 г. под № 696 (шестьсот девяносто шестым)

**КООПЕРАТИВНО-ПРОМЫСЛОВАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ АРТЕЛЬ
„ЛИНОКСИН“,**

находящаяся в ведении Мособлхимпромсоюза.

Москва, Яузская ул., 1/15 тел. Ж 1-79-32, Ж 1-87-32, Ж 1-69-32

20